

Петрозаводская еврейская религиозная община

Дмитрий ЦВИБЕЛЬ

*МОИМ ДЕТЯМ
с любовью и благодарностью
посвящаю*

Мой еврейский вопрос

Петрозаводск 2024

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федеральной еврейской национально-культурной автономии,
Андрея Цвибеля, Дмитрия Гальцина, Наталии Цвибель

Книга составлена из публикаций и выступлений автора по еврейской тематике, размышлений о том, что такое быть евреем в современном мире, о Холокосте, о преодолении стереотипов, о путях искоренения антисемитизма. Автор надеется, что книга будет интересна как документ своего времени, а его опыт деятельности в качестве лидера еврейской общины, может быть полезен для пришедших после него.

Ц 28 Цвибель, Дмитрий Григорьевич. Мой еврейский вопрос / Дмитрий Цвибель ; Петрозаводская еврейская религиозная община. - Петрозаводск : ПИН : Марков Н. А., 2024. - 180, [1] с. : портр. - Моим детям с любовью и благодарностью посвящаю. - ISBN 978-5-60512777-5-8

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-60512777-5-8

©Дмитрий Цвибель

*Моим немецким друзьям
Данкварту-Паулю Целлеру, Михаэлю Фолькману
с любовью*

ГОРЬКИЙ ДЫМ ХОЛОКОСТА

*Кровь, пролитая на Кресте
во искупление всего человечества,
есть кровь еврейская.
Леон Блой,
французский католический писатель.*

*Антисемитизм – это социализм дураков и невежд.
Август Бебель,
основатель германской
социал-демократической партии.*

О Холокосте очень трудно говорить, потому что сам факт Холокоста не укладывается в сознание, особенно то, что произошло это совсем недавно, в просвещенной Европе. Еще живы свидетели, еще не заросли рвы, еще где-то прячутся бывшие палачи. Как это могло случиться? почему так много людей приняло в нем участие? каким образом была подготовлена почва в человеческом сознании для подобного явления? почему правительства многих стран, зная о происходящем, не предпринимали мер, или хотя бы не осуждали происходящее?.. Вопросы, вопросы. Очень много вопросов. Сейчас, когда становятся достоянием гласности документы, относящиеся к тому времени, вопросов становится еще больше. А ответов?.. Английский государственный деятель Самуэль Герберт сказал: «Никакое следствие не бывает следствием лишь одной причины». Мы должны признать, что сколько-нибудь вразумительных ответов о причинах, породивших это чудовищное явление пока нет.

Член нашей религиозной общины д-р Залман Кауфман, сидевший в советском лагере после войны, рассказал, что жил в одном бараке с немцем, который попал в плен. Они работали

на одной пиле на лесоповале и были достаточно дружны. Однажды в лесу во время ссоры Залмана Кауфмана с охранником, тот сбил его с ног и замахнулся топором, чтобы его прикончить. Тогда немец бросился на охранника и предотвратил это убийство, рискуя своей жизнью. Позже Кауфман спросил немца: «Вот отсидим мы срок, нас освободят, ты уедешь в Германию. Может быть, мы снова встретимся. Как ты будешь ко мне относиться?» Тот подумал и сказал: «Вон, видишь ту сосну? Так я тебя на ней повешу. Евреи не должны жить».

В тот момент, когда над человеком нависла опасность, и некогда было думать, этот немец поступил, повинувшись заложенному в нем Вс-вышним инстинкту сохранения жизни, жизни как таковой, даже если это чужая жизнь. (Сказано: «Кто спасает одну жизнь – спасает целый мир»). Ответ же немца – это плод его сознания, то зло, которое в нем накопилось в результате насилия над Б-жественной волей. Это произошло в результате его воспитания, жизненного опыта, окружения, того времени, той идеологии, под влияние которой, он попал. С другой стороны, в то же самое время существовали и другие влияния, другие идеологии, другие теории. Почему его сознание выбрало для себя именно эту, хотя природа сохранилась в нем на инстинктивном уровне? И как сделать, чтобы наше сознание не входило в противоречие с заложенным в нас от рождения Б-жественным присутствием? Это проблема для всего человечества, независимо от веры. Вс-вышний, создав человека, наделил его правом выбора, и от этого выбора зависит, какую жизнь проживет человек, как он повлияет на жизнь других людей, какой след оставит после себя. Согласно воззрениям иудаизма, человек создан для совершенствования мира. Но как и кто определяет что является улучшением мира, а что нет? Ведь ни один злодей не признается, что он желает ухудшить мир – все считают, что они его делают лучше и во имя этого совершаются многие преступления. Хотя сам факт того, что у человека есть потребность оправдать свои действия перед другими людьми, можно рассматривать, как присутствие в человеке божественного начала. И все же высший суд – это Б-жественный суд, и строить свою жизнь надо стремиться так, чтобы выдержать критерии именно этого суда.

С точки зрения иудаизма, наверное, самый болезненный вопрос в связи с Холокостом не в том, кто виноват, а как Он, Вс-вышний, мог допустить это... Все попытки представить Холокост, как наказание за отход от Б-га, несоблюдение заповедей, ассимиляцией и т.п. разбиваются о то, что в Америке, к примеру, все эти процессы происходили в неизмеримо большей мере. Так почему «наказание» не постигло американцев? Почему были просто сметены с лица Земли те, кто жил в местах, где было сконцентрировано основное ядро еврейской жизни с ее верностью Торе, веками освященными традициями, стремлением отгородиться от внешнего влияния? И уж совсем необъяснима гибель детей.

Существует мнение, что Холокост – это испытание евреев по типу Иова, который, несмотря на все страшные несчастья, выпавшие на его долю, остался верен Б-гу. Но тут тоже противоречие: в пламени Холокоста погибали не только со «Шма Израэль» на устах, но и принявшие христианство, неверующие, атеисты, злодеи и праведники. И, в отличие от Иова, они погибли – значит, это не могло быть испытанием для них, а предположить, что все эти жертвы – для испытания веры тех, кто остался жить... Об этом страшно даже подумать.

Есть такое понятие, как «сокрытие лица Вс-вышнего», когда Б-г как бы оставляет людей, и они действуют самостоятельно. Но это кажущееся отдаление Б-га, на самом деле человек сам забывает свою связь с Вс-вышними и нужно усилие для того, чтобы сорвать завесу со своей души, отделяющую ее от Б-га. Это ассоциация с событиями, описанными в книге Эстер, единственной книге Танаха, где нет упоминания Имени Вс-вышнего. Тогда впервые в истории евреев решили уничтожить только за то, что они евреи. Но замыслу не суждено было осуществиться, и злодеи понесли наказание. В книге говорится о казни злобно-го Амана и десятерых его сыновей, задумавших погубить народ Израиля. Праздник в честь избавления евреев от уничтожения называется Пурим, от слова пур, что значит жребий, так как бросали жребий, чтобы установить дату истребления евреев. Холокост как бы повторение этой истории только в ее более

страшном варианте. Тут прослеживается прямая связь с расправой главных нацистских преступников, и это понимал, по крайней мере, один из них – Юлиус Штрайхер, издававший грязный погромный журнал «Штюрмер», кричавший: «Пуримфест! Пуримфест!», перед казнью. Казалось бы, справедливость восторжествовала – преступники наказаны, но И дальше уже нечего сказать. Слишком несоизмеримы преступления и расплата.

Много раз уже вставал вопрос о вере после Холокоста. Как увязать любовь Б-га и то, что произошло? Почему Он, да будет Имя Его благословенно, не вмешался и не предотвратил бойню. Почему люди способны на такое? И как жить после этого? Это очень болезненные вопросы. На них пока не найден удовлетворительный ответ. Может и не будет найден. Ведь есть заповеди Б-га, основания для исполнения которых, не понятны, но которые надо исполнять. Такие заповеди называются *хуким*, они заканчиваются формулировкой «Я – Б-г». Может и явление Холокоста из той непонятной области, которая заканчивается именно этой формулировкой? Или это совсем другое? Пока мы можем только констатировать сам факт Холокоста и пытаться предотвратить подобное на уровне человеческих отношений.

Иудаизм представляет историю, как историю еврейского народа под эгидой Вс-вышнего. И, конечно, можно сказать, что Вс-вышний вмешался и положил конец кровавой трагедии, после которой возродилось государство Израиль, которое может быть гарантом того, что подобное не повторится. Евреи теперь имеют выбор: жить на земле, предназначенной им Б-гом, или остаться там, где они есть. (Здесь уместно напомнить, что ортодоксальное направление иудаизма не признает государство Израиль. Они считают, что евреев на их земле должен собрать Машиах (Мессия). Но и появление государства Израиль не решило проблемы антисемитизма, а в какой-то мере даже стимулировало его рост, и уж никак не может быть оправданием явления Холокоста.

Мне представляется, что и христианство несет ответственность за попустительство антисемитизму. Антииудейское христианское учение, обвинение евреев в убийстве Иисуса, кровавые наветы и вся полемика на протяжении веков, при том, что евреи не имели возможности даже ответить, создают у рядовых людей отрицательный образ еврея. Именно образ. А образ гораздо жизнеспособней реальности. Образы Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, Фигаро и т.п. укоренились в нашем сознании реальнее многих действительно существовавших личностей.

Со мной произошел такой случай. Во время работ по восстановлению еврейского кладбища в Петрозаводске я познакомился с ведущим специалистом мэрии по градостроительству, интеллигентным молодым человеком, с которым приятно было поговорить. Мы обсуждали проект, оговаривали детали, размечали границы кладбища, он давал профессиональные советы. И когда надо было окончательный вариант занести в официальные бумаги, он спросил: «А как мы назовем этот объект?» Я удивился и сказал: «Ну, а как? «Старое еврейское кладбище». Он поморщился, долго извинялся, объяснял, что очень хорошо относится к евреям, что среди его друзей много евреев, что его лучшими учителями в ВУЗе были именно евреи, и они хорошие врачи т.п. но... Но само слово «еврей» для него имеет отрицательный смысл, ассоциируется с чем-то нехорошим. Откуда у этого молодого человека, которому евреи, кроме добра, ничего не сделали, такое отношение к самому слову «еврей»? Тут есть над чем задуматься. Значит та атмосфера, в которой он формировался как личность, литература, которую он читал, круг общения – все это и утвердило в нем именно такое ощущение. А такие всем известные «перлы», как: «Ты хороший человек, хотя и еврей», «Нет, ты совсем не похож на еврея – ты хороший»? Опять вопросы. Хотя в еврейской традиции считается, что задать хороший вопрос даже важнее ответа на него.

Мне думается, что именно христианство, в первую очередь, должно формировать в сознании людей недопустимость членоконенавистничества, недопустимость юдофобства. Ведь

именно теологический конфликт – считать Иисуса мессией или нет, положил раздел между евреями и христианским миром. И то, что Иисус был евреем (что, кстати, далеко не все христиане знают, а уж православных просто трясет, когда им об этом напоминаешь), только усугубляет проблему. Может быть, где-то на подсознательном уровне у антисемитов, которые считают себя христианами, присутствует мысль, что «если ваш собрат Иисус стал «христианином», то почему же вы упрямитесь?!» Отсюда, вероятно, и те дикие насильственные крещения евреев, это знаменитое «Или крестить, или топить!» И это во имя еврея – Христа! (Кстати, существует высказывание, приписываемое датскому гебраисту 18 века Вильяму Суреньусу: «Тот, кто хочет быть истинным христианином, должен стать сперва хорошим евреем». От себя в качестве шутки могу добавить: после того, как станешь хорошим евреем, может лучше остановиться?)

Христианская Библия разделена на две части – Ветхий завет и Новый завет. Я не знаю, как это звучит по-немецки, но в русском языке само понятие «ветхий» имеет оттенок дряхлости, чего-то пришедшего в негодность, в отличие от «нового», молодого. Уже в этом видится угол зрения на Священное писание. У любого, открывающего Библию, сразу возникает образ «старого» и «нового», и это, естественно, экстраполируется на тех, кто не признает Нового завета, то есть, на евреев. Так и возникает образ старых, цепляющихся за то, что давно устарело, отсталых евреев. (Любопытно, что марксизм тоже утверждал, что он, марксизм, передовое учение, в отличие от капитализма, который одряхлел и вот-вот загниет, и победа коммунизма неизбежна, ибо это диалектика. Правда, при любых аналогиях существует опасность перекосов). Я могу сказать даже больше – в таком контексте даже читать Ветхий завет незачем, что и происходит со многими, считающими себя христианами, не про вас будет сказано. Может быть, с этого и начинается нелюбовь к евреям. Мне кажется, долг христиан стараться побороть в себе этот стереотип и попытаться понять, почему евреи остались евреями. Понять, что тот Завет, заключенный Вс-вышним с евреями – вечный Завет, и для еврея не может быть никакого «нового». Поэтому еврей, отказавшийся от этого Завета, пере-

стает быть собственно евреем. У Гете в «Годах странствий Вильгельма Мейстера» есть фраза: «Израиль – самая упорная нация в мире: она есть, была, и будет прославлять имя Иеговы в веках». Тут трудно что-либо прибавить. Мне кажется, если бы Б-г хотел сделать всех людей одинаковыми, он бы так и сделал. Тогда человечество выглядело бы монохромно, как на черно-белой фотографии. А человечество – это многокрасочное мозаичное панно, сотворенное вдохновением Вс-вышнего, где каждому созданию есть место. Конечно, можно отбить или отковырнуть кусочек этого полотна, и общая картина, вроде бы, останется такой же, но уже будет какая-то щербинка, какой-то дефект. Недаром сейчас столько усилий прилагается для восстановления вымирающих видов животных, растений, спасению рек, озер. Наконец человечество начинает понимать цельность этого мира, цельность Его Замысла.

Поскольку я говорю с друзьями, я позволю себе выразить может быть спорное мнение – вы меня поправьте – но мне кажется, утверждение христиан о том, что спастись можно лишь уверовав в Христа, приводит к желанию сделать христианами тех, кто в этом не очень нуждается. Я отдаю себе отчет, что это делается из лучших побуждений. Но все же, наверное, (извините за грубое выражение, но эта фраза Игоря Губермана уже стала русским фольклором) «тащить в рай за яйца» не самый удачный способ улучшить мир.

Иудаизм же утверждает, что праведники других религий тоже наследуют царствие Б-жье. Для этого не обязательно быть иудеем. Мало того, если человек хочет перейти в иудаизм, долг иудея объяснить ему, что лучше быть праведным неевреем и исполнять 7 заповедей для народов мира, чем не исполнить хоть одну из 613 заповедей, предназначенных для исполнения еврею.

Тут я позволю себе сказать несколько слов об отношении евреев к Иисусу.

Как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам, Иисус был еврейским проповедником, которых в те времена

было много. Это обусловлено тем, что существовала традиция передачи толкования Торы путем устного изложения от учителя к ученикам. Дело в том, что на Синае евреи получили не только письменную Тору, которая была записана, но и устную, на запись которой был наложен запрет. Устная Тора дополняла, интерпретировала Письменную, объясняла неясные места. Она заучивалась наизусть и таким образом передавалась из поколения в поколение. Считалось, что такая живая передача точнее, чем записанный текст, так как учитель имел возможность убедиться в том, что ученик правильно понял заучиваемое место, и только потом идти дальше. Лишь впоследствии, после разрушения Второго Храма в 70 году и изгнания евреев из своей страны, Устная Тора была записана, что и составило Талмуд. Передавая текст своим ученикам, учитель, кроме этого, мог добавлять, для лучшего понимания, свою интерпретацию. В Талмуде зафиксированы мнения и высказывания различных Мудрецов и школ, порой прямо противоположные по смыслу. Таким учителем и был, по описаниям, Иисус. Его могли считать пророком, так как он многие вещи говорил не от своего имени, а от имени Б-га. Он, очевидно, был прущим (фарисеем), что означает сторонящийся нечистоты. Ранняя иконография, примерно до 4 века, так и изображала Иисуса с головным тфилин – коробочкой с отрывками из Торы, которую накладывают на лоб во время молитвы. Тогда понятны его слова из Нагорной проповеди: «Не думайте, что я пришел нарушить закон (т.е. Тору) или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока исполнится все». (Матф. 5:17, 18) Раввин Адин Штейзальц написал: «Можно сказать, что, если бы Иисус воскрес, он скорее бы отправился в синагогу, чем в церковь, которую принял бы за языческий храм». Все, что произошло потом – это другая тема.

Мне кажется, точно определил отношение евреев к Иисусу американский священник Чарльз Просперо Фаньяни (1854-1940) в работе «Христианин и еврей»: «Еврей верует в религию Иисуса; еврей не в силах заставить себя уверовать в религию об Иисусе». Или Генрих Гейне, со свойственной ему иронией:

«Пристать к Христу – задача для еврея слишком трудная: сможет ли он когда-нибудь уверовать в божественность другого еврея?»

Особый разговор об отношении к евреям православной церкви. Эти отношения всегда отличались нетерпимостью. Мне трудно понять, чем это вызвано. Сейчас в России получает широкое распространение русский вариант фашизма. Антисемитская литература, периодические издания, публичные выступления – вся эта грязь повторяет уже пройденный путь нацистов. Законов, противостоящих этому нет. Хотя к закону в России традиционно особое отношение – «Закон, что дышло – куда повернул, туда и вышло», или известная фраза, произнесенная в прошлом веке: «Глупость российских законов компенсируется их невыполнением». На этом фоне особую роль играют средства массовой информации и все то, что формирует человеческое сознание – ту почву, которая или примет, или нет посеянное. Надо отдать должное – радио, пресса, телевидение в этой ситуации зарекомендовали себя достойно. Хуже обстоит дело с Православной церковью. Русские нацисты объявляют себя истинно православными, и их антисемитская демагогия, в большой мере, замешана на этом. (Главарь отделения РНЕ – Российского национального единства – в Петрозаводске имеет чин дьякона). Русская церковь ни разу не выступила против этого. Мало того, известны случаи антисемитских проповедей в церквях, и многие выступления в печати представителей православного духовенства попахивают, когда скрытым, а чаще и откровенным антисемитизмом. Аргументация несложная: «мировой заговор против православной России», «сионисты захватывают власть», «мировое зло ополчилось на Святую Русь», снова всерьез цитируют «Протоколы сионских мудрецов» и всякая подобная чушь. Над этим, конечно, можно посмеяться, если не знать, к чему это может привести. Русский философ Владимир Соловьев писал в 1890 году: «Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляет чувства справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне заметном упад-

ке гуманных идей и при слабости юридического начала нашей жизни. Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России!» (Как современно это звучит!) Дело не только в антисемитизме русского православия. Сейчас Московская Патриархия, созданная Сталиным в 1943 году, рвется во власть. Генерал Владимир Шатохин из Академии Генштаба в 1996 году заявил: «Народ развращен ложным пацифизмом (!) и не научился еще любить наше благословенное православное оружие!» (Ни мало, ни много). Священник Глеб Якунин, Председатель общественного комитета защиты свободы совести, с большой душевной болью пишет: «Верхом кощунства прозвучала идея, что, поскольку советские ракеты делались в Арзамасе-16, то живший в этих местах веком раньше преподобный Серафим Саровский является небесным покровителем оружия массового уничтожения. Более того, в ряде выступлений ракеты, предназначенные для уничтожения миллионов мирных граждан, были названы «нашими ангелами-хранителями».

Взрывы у синагог в Москве и Екатеринбурге, заложенная бомба в московском еврейском театре «Шалом», убийство тринадцатилетней девочки-еврейки в Боровичах – чего еще ждать? Я думаю, поджег офиса общества «Запад-Восток» в Петрозаводске в этом же ряду. Почему власть бессильна против этого? Может, занята чем-то другим? А может, ей это на руку? Почему русская православная церковь, претендующая на роль духовного пастыря русского народа, молчит, не замечая этого? Опять вопросы...

И все же не все плохо в этом мире. Ваша община совершила акт, которому, как мне кажется, нет прецедента. Вы, христиане, фактически создали в далеком от вас Петрозаводске иудейскую общину. И сделали это не для того, чтобы потом попытаться превратить евреев в христиан, а для того, чтобы евреи могли вновь стать евреями! Сам факт этого, еще не оцененный ни в христианском мире, ни у евреев, может стать началом гранди-

озного пересмотра всех взаимоотношений между различными религиями. Вы указали путь, по которому можно и нужно идти, отбросив накопившиеся в течение столетий предрассудки. Ведь нигде, ни у христиан любых направлений, ни у евреев, нет запрета на великодушие, на уважение других воззрений, на творения добра. Мы живем на одной Земле, все сотворены по «образу и подобию Б-жьему», большинство проблем, с которыми мы сталкиваемся в жизни, общие – значит, и решать их легче вместе. Мало того, многих проблем просто не будет, если мы будем вместе!

В Псалме есть такие слова: «Пусть тот, кто стремится к долголетию, кто желает видеть добро во все дни свои, удержит язык свой от злословия и уста свои – от лживых речей. Пусть удалится от зла и творит добро; стремится к миру и добивается его» (Теһелим, 34: 13-15). А французский философ Анри Бергсон (1895-1941) сказал: «Мы существуем лишь тогда, когда действуем». Прислушаемся к этим словам.

*Доклад прочитан в общине им. Дитриха Бонхоффера.
Тюбинген, 13 июля 1999 года.*

Память о Холокосте в СССР и в постсоветское время

Чтобы было понятно отношение советских властей и их премников к теме ШОА (Холокоста), необходимо хотя бы кратко напомнить некоторые основные моменты истории антисемитизма в СССР, начиная с начала Второй мировой войны вплоть до сегодняшнего дня.

Заклучив Пакт с фашистской Германией 23 августа 1939 года, СССР тем самым несет ответственность за то, что произошло потом. Разделив Польшу, войска вермахта и Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА – так официально называлась советская армия до 1946 года) устроили парад победы 22 сентября 1939 года в городе Бресте, который немцы после захвата, по договору передали СССР. В торжественной обстановке был спущен германский флаг и поднят советский. Интересно отметить, что акт передачи от Хайнца Гудериана принял еврей Семен Кривошеин – будущий Герой Советского Союза. По иронии судьбы С. Кривошеин в качестве командира 1-го механизированного корпуса отличился при освобождении того же Бреста от фашистских войск в феврале 1944 года.

В Российском государственном архиве социально-политической истории хранится письмо от 9 февраля 1940 года, отправленное начальником Переселенческого управления Совета народных комиссаров Евгением Чекменевым председателю Совета народных комиссаров Вячеславу Молотову: «Переселенческим управлением при Совете народных комиссаров Советского Союза получено два письма из Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуации подлежат лишь украинцы, белорусы и русские. Считаю, что предложения указанных переселенческих бюро приняты быть не могут. Прошу указаний». И лаконичный

ответ на этот вопрос: «Принять этих евреев мы не можем, у нас и своих предостаточно». А если бы тогда СССР принял этих евреев, может быть, история не знала бы Холокоста?

Но явного государственного антисемитизма в СССР на данном этапе не было. Началом можно считать 1942 год. В самый разгар войны, когда решалась судьба самого СССР, 17 августа 1942 года появляется докладная записка Г. Александрова, руководителя Управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) «О подборе и выдвижении кадров в искусстве», в которой говорилось, что в руководстве различных учреждений культуры и искусства «оказались нерусские люди (преимущественно евреи)». Приводились в пример Большой театр, Московская филармония, Московская консерватория, и предлагалось «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства». Был уволен директор Московской консерватории А.Б. Гольденвейзер, досталось Г.Р. Гинзбургу, Я.В. Флиеру, С.Е. Фейнбергу, Я.И. Заку, Э.Г. Гилельсу, В.А. Цуккерману. Начались чистки в других учреждениях культуры и искусства, учебных заведениях.

В начале 1943 года власти приказали главному редактору газеты «Красная звезда» Д. Ортенбергу «очистить редакцию газеты от евреев». Это стало началом массовых чисток в Главном политуправлении Советской армии и политуправлениях фронтов. Этот список можно продолжать до бесконечности. Важно подчеркнуть: это все происходило во время войны с фашистской Германией, когда положение на фронтах для Советского Союза было катастрофическим, когда было поставлено на карту само существование советского государства!

Начатая во время войны антисемитская кампания уже не прекращалась до самой смерти Сталина. Она время от времени просто затихала до новой вспышки, инициируемой каким-нибудь постановлением партии или статьей в «Правде» (что практически, одно и то же), и это являлось руководством к действию на местах. Причем надо понимать, что не имело значения, какой области деятельности касалась статья или постановление

– все, от академиков до колхозников, обязаны были по отработанному сценарию повсеместно устраивать собрания, выявлять в своих коллективах «космополитов», «формалистов», «вейсманистов-морганистов», «сионистов» и пр. и отчитаться о проделанной работе.

14 августа 1946 было принято постановление ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград», а затем А. Жданов выступил с докладом, поясняющим и расширяющим это постановление. Это положило начало откровенной русско-националистической кампании в стране, получившей негласное название «ждановщина». В 1946 году усилились нападки на Еврейский антифашистский комитет, созданный во время войны с целью организовать всемерную поддержку СССР в войне против фашизма со стороны евреев всех стран. В ноябре 1948 года комитет был закрыт, его участники арестованы, имущество конфисковано. В этом же году были закрыты все 15 еврейских государственных театров на территории Советского Союза.

28 января 1949 года редакционной статьей в «Правде» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» началась кампания по выявлению «космополитов», «формалистов», «вейсманистов-морганистов», борьба с «низкопоклонством перед Западом» во всех областях культуры, науки, кораблестроения, экономике, статистике и т.п. Каждое учреждение должно было найти в своих рядах и разоблачить «космополитов» (т.е. евреев).

Так, например, 20 февраля в газете «Культура и жизнь» появляется статья под заглавием «Буржуазные космополиты в музыкальной критике», подписанная Т. Хренниковым и В. Захаровым, фигурантами которой были Л. Мазель, Д. Житомирский, С. Шлифштейн, И. Мартынов, Г. Шнеерсон, И. Бэлза, А. Оголевец, Ю. Вайнкоп, Г. Коган, М. Пекелис, А. Буцкой и «некоторые другие поборники формализма». В ней не был «обделен» и Шостакович. Не разрешалось касаться еврейских тем даже в рамках общих советских периодических изданий. Дело дошло до уничтожения еврейских шрифтов, сохранившихся в некоторых типографиях.

8 февраля 1949 года Сталин подписывает подготовленное А. Фадеевым постановление Политбюро о роспуске объединений еврейских советских писателей в Москве, Киеве и Минске и закрытии альманахов «Геймланд» (Москва) и «Дер штерн» (Киев). Началась ликвидация еврейских учреждений культуры по всей стране и аресты их работников.

Когда сотрудница аппарата Еврейского антифашистского комитета Мирра Соломоновна Железнова (Мариам Соломоновна Айзенштадт, в девичестве – Казаринская) опубликовала список 135 евреев, награждённых Золотой Звездой Героя, то и её и её помощника С. Персова расстреляли «за шпионаж и враждебную националистическую деятельность». Е. Райзе, опубликовавший список, был осуждён на 10 лет лагерей, сотрудник наградного отдела Главпура, предоставлявший им списки Героев-евреев, был осуждён на 25 лет лагерей строгого режима. Мариам Айзенштадт была расстреляна 23 ноября 1950 года. В апреле 1954 года судья Чепцов, вынесший Айзенштадт смертный приговор, выдал её матери справку о том, что она была, якобы, осуждена на 10 лет лишения свободы и умерла в лагере от воспаления легких 10 октября 1951 года.

12 августа 1952 года были расстреляны 13 виднейших еврейских общественных деятелей, писателей, поэтов.

В начале 1953 года разразилось «Дело врачей», как их стали называть «убийцы в белых халатах», обвиненных в том, что они хотели намеренно неправильным лечением убить членов советского Правительства, и только смерть Сталина прекратила этот шабаш.

В конце 50-х начале 60-х на фоне вроде бы либерализации жизни в СССР вновь набирают силу антисемитские тенденции – появляются заметки в газетах, на некоторые факультеты ВУЗов не принимают евреев, началась борьба с иудаизмом, вернее с тем, что от него осталось, выпускаются книги типа «Что такое Талмуд», «Иудаизм без прикрас», «Реакционная сущность иудаизма», запрещается выпечка мацы, закрываются еврейские

кладбища и т.п. Дагестанская газета «Коммунист» от 10 августа 1960 года писала: «Еврей, который не выпил хотя бы один раз в году крови мусульманина, не считается вполне правоверным евреем».

После Шестидневной войны новая волна антисемитизма захлестнула СССР. Шестидневная война предоставила советским идеологам удобную возможность легализовать и оправдать советский антисемитизм – с этого времени антиеврейские кампании можно было вести под флагом борьбы с «израильской агрессией» и с сионизмом. 3 июля 1967 г., меньше, чем через месяц после войны, во всех ведущих провинциальных газетах Советского Союза появилась одна и та же статья – «Что такое сионизм». Это было началом новой фазы в советском антисемитизме, замаскированном под антисионизм. Современные антисемиты во многих странах тоже пользуются этим же приемом.

Появляется знаковое сочинение Ю. Иванова «Осторожно: сионизм!» (М., Политиздат, 1969), которое ежегодно переиздавалось вплоть до 1973 г., а также было переведено на украинский, белорусский, армянский, таджикский и другие языки народов Советского Союза, а также на английский, испанский, французский, польский и арабский. Печатаются и другие подобные книги: Е. Евсеев «Фашизм под голубой звездой» (М., «Молодая гвардия», 1971), В. Большаков «Сионизм на службе антикоммунизма» (М., Политиздат, 1972), сборники «Сионизм: теория и практика» (М., Политиздат, 1973), «Сионизм: мифы и действительность» (Киев, Политиздат, 1973; на украинском языке), Л. Моджорян «Преступная политика сионизма и международное право» (М., «Знание», 1973), В. Семенюк «Националистическое безумие» (Минск, «Беларусь», 1976). В статье В. Большакова, опубликованной «Правдой» в 1971 г., утверждалось, что всякий человек, который становится сионистом, автоматически превращается во врага советского народа

В марте 1970 года по московскому телевидению демонстрировали «антисионистскую пресс-конференцию советских

граждан еврейской национальности», в которой участвовало 52 человека. В своем заявлении они восхваляли национальную политику партии в еврейском вопросе и клеймили сионистов: «Мы презираем смехотворные претензии правителей Израиля и их сионистских сообщников в других странах говорить от имени всех евреев... У евреев-тружеников... нет и не может быть ничего общего с сионистскими расистами». Это заявление, опубликованное во всех советских газетах, подписали среди прочих министр В. Дымшиц, генерал-лейтенант Д. Драгунский, поэты А. Безыменский, А. Вергелис, Е. Долматовский, академики Г. Будкер, Я. Зельдович, И. Минц, М. Митин, А. Фрумкин, артисты Э. Быстрицкая, М. Прудкин, А. Райкин, режиссер В. Плучек, кинорежиссеры М. Донской и Ю. Райзман, председатель колхоза И. Егудин.

В марте 1983 года по распоряжению Юрия Андропова – тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС – был создан Антисионистский Комитет Советской Общественности (АКСО) – общественная организация, состоявшая из деятелей-евреев и занимавшаяся пропагандистской и издательской деятельностью, критикующая сионизм, т.е. проповедующая официальный антисемитизм. Просуществовал комитет до октября 1992 года.

В 1980-е гг. происходит расцвет националистических антисемитских организаций. Начало активности московского общества «Память» приходится на 1982–83 гг. В 1984 г. одним из ведущих идеологов общества стал Д. Васильев, с этого времени начался заметный сдвиг «Памяти» в направлении радикального антисемитизма. Широкую известность «Память» приобрела в 1985 г. в связи с возникновением антиалкогольного движения, когда по стране широко распространялась лекция, обвинявшая сионистов, троцкистов и империалистическую агентуру в «алкоголизации России».

В 1990-е гг. зарегистрированы многочисленные нападения на евреев (особенно выезжающих в Израиль) на всей территории Советского Союза – как с целью грабежа, так и без этой

цели. Власти даже не пытались расследовать эти инциденты. Черносотенные погромные материалы публиковались в каждом номере «органа духовной оппозиции» ежедневной газеты «День» (запрещена в октябре 1993 г., а вскоре возобновилась под названием «Завтра»), газетах «Пульс Тушина», «Русское возрождение», «Русские ведомости» (все – Москва), «Колокол» (Волгоград). В огромном количестве экземпляров выходили известные антисемитские фальшивки: «Протоколы сионских мудрецов», «Катехизис советского еврея». Стала распространяться литература, отрицающая Холокост. Газета «Советская Россия» опубликовала статью митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Ионы, где «Протоколы сионских мудрецов» фигурируют в качестве документа, подлинность которого не подлежит сомнению. Происходили случаи осквернения могил на еврейских кладбищах. В июле 1993 г. было совершено нападение на Московскую хоральную синагогу, были выбиты стекла, на стенах изображена свастика. В стране действовали откровенно фашистские организации, например: Русское национальное единство А. Баркашова (в прошлом – телохранителя руководителя «Памяти» Д. Васильева). На первых свободных президентских выборах в России (декабрь 1993 г.) значительного успеха неожиданно для многих добилась популистская Либерально-демократическая партия, лидер которой В. Жириновский выступал под шовинистическими и часто антисемитскими лозунгами.

Весной 1999 г. была взорвана бомба у синагоги на Большой Бронной в Москве. В праздник Рош ha-Шана были осквернены могилы на еврейском кладбище в Астрахани. В Йом-Кипур 19 сентября была открыта стрельба у новой синагоги в городе Боровичи.

Большое количество эксцессов осуществлялась русскими фашистами к 20 апреля – дню рождения А. Гитлера. Так, в апреле 2002 г. изображение свастики появилось на зданиях синагог в Оренбурге, Костроме, Перми (также надпись «Смерть жидам!»). Свастика и антисемитская надпись появились 1 апреля на входной арке старого еврейского кладбища в Петрозаводске,

5 апреля на проспекте Мира в Костроме, в ночь с 11 на 12 апреля на стене еврейского центра в Йошкар-Оле, в ночь на 20 апреля на стене здания еврейской общины в Ульяновске (подпись: «Общение с евреями опасно для вашего здоровья»).

В марте 2004 г. была взорвана бомба у здания Московского Института изучения иудаизма под руководством раввина Адина Штейнзальца, известного своим переводом Талмуда на современный иврит, английский, испанский и русский языки.

И в Петрозаводске, традиционно спокойном, славившемся своей толерантностью городе, в девяностые-двухтысячные годы наблюдались антисемитские проявления: это надписи на домах, арке старого еврейского кладбища, осквернение еврейских могил, листовки, появление в печати антисемитских статей и материалов. Заводились уголовные дела, но никто так и не был привлечен к ответственности. Большой резонанс вызвал поджог в марте 2005 года двери здания, где раньше размещался благотворительный фонд «Хэсэд Агамим» и синагога, и оставленная при этом надпись: «Цвибель тебе – хана!», окруженная свастиками. Сообщения об этом инциденте были размещены на многих сайтах, в том числе и иностранных, напечатана заметка в журнале «Лехаим». Мне сразу же позвонили из консульства США в Санкт-Петербурге, Израильского культурного центра, откликнулся главный раввин Санкт-Петербурга Менахем-Мендл Певзнер. Из Сан-Франциско пришла телеграмма на имя Министра внутренних дел республики от Пнины Левермор, исполнительного директора «Совета большого залива» – организации, которая незадолго до этого проводила в Петрозаводске семинары для работников МВД по теме: «Преступления на почве ненависти».

Теперь, на этом фоне, разберем несколько примеров увековечения памяти о Холокосте в СССР и в постсоветское время.

«Черная книга» – сборник документов и свидетельств очевидцев о преступлениях против еврейского народа на территории СССР и Польши в годы Холокоста, а также об участии евреев в сопротивлении против нацистов во время Второй

мировой войны, составленный и литературно обработанный коллективом советских журналистов под руководством Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана (в рамках их деятельности в составе Еврейского антифашистского комитета) в 1940-х годах.

Во время войны видные советские писатели и журналисты Илья Эренбург и Василий Гроссман были военными репортажами Красной Армии. Документальные сообщения Гроссмана из лагерей смерти Трешлинка и Майданек – одни из первых свидетельств (1943) Холокоста. Его статья «Трешлинский ад» (1944) была представлена во время Нюрнбергского процесса, как документ для судебного преследования.

По сообщению Ильи Альтмана идея «Черной книги» принадлежала Альберту Эйнштейну и Американскому комитету еврейских писателей, ученых и артистов. Именно Эйнштейн (по словам одного из руководителей ЕАК – поэта И. Фефера) обратился вместе с писателями Ш. Ашем и Б.-Ц. Гольдбергом в конце 1942 года в ЕАК с предложением начать сбор материалов об уничтожении гитлеровцами еврейского населения СССР. Но ЕАК не знали, надо ли создавать книгу, посвященную исключительно еврейскому населению, и дело не двигалось до визита Фефера и Михоэлса в США летом 1943 года. Эйнштейн и американские коллеги продолжали настаивать на совместной работе, но только после «длительных телеграфных переговоров с Москвой» Фефер и Михоэлс получили санкции партийного руководства.

Окончательно сформированный текст книги включал 118 материалов. Совинформбюро разослало рукопись книги в США, Англию, Францию и другие страны. В 1946 г. книга была издана в США.

В книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург пишет: «20 ноября 1948 года, когда закрыли Еврейский антифашистский комитет, рассыпали набор «Черной книги», забрали гранки и рукопись». При подготовке к судебному процессу 1952 года, где обвинения были предъявлены руководству ЕАК, участие в соз-

дании «Черной книги» занимало весьма важное место. После разгона ЕАК все подготовительные материалы к «Черной книге», занявшие 27 томов, были сохранены в архиве МГБ, затем переданы на секретное хранение в ЦГАОР (современный Государственный архив Российской Федерации), и стали открытыми для исследования только в 1989 году.

В 1970 году, разбирая архив отца, Ирина Эренбург обнаружила папки «Черной книги» и, зная, что ими интересовался КГБ, отдала его на хранение разным людям, а затем в начале 80-х годов переправила в Иерусалим. Эта рукописная «Черная книга» хранится в Национальном мемориале катастрофы и героизма «Яд ва-Шем» в Израиле.

Впервые на русском языке «Черная книга» вышла в Иерусалиме в 1980 году в издательстве «Тарбут», но, как отмечалось в предисловии, некоторых материалов в Израиле не оказалось. (Это издание осуществлено на основе рукописи, разосланной в 1946 году в 10 стран). Затем ее издали в Киеве в 1991 году.

Мемориал «Яма» расположен на улице Мельникайте в Минске и посвящен жертвам Холокоста. Здесь нацистами было расстреляно около 5 000 узников минского гетто. Обелиск был установлен в 1947 году. Текст надписи на нем был создан на идише поэтом Хаимом Мальтинским: «Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибших от рук лютых врагов человечества – фашистско-немецких злодеев 2 марта 1942 года». Это был первый памятник жертвам Холокоста в СССР, на котором было разрешено сделать надпись на идиш.

Но затем Мальтинского (в 1949 г.) и каменотеса Мордуха Спришена (в 1952 г.) арестовали и сослали в лагеря ГУЛага по обвинению в «космополитизме – проявлении еврейского буржуазного национализма», в том числе за то, что посмели написать на памятнике не предписанную фразу о «мирных советских гражданах», а прямо о евреях.

В 2000 году была установлена бронзовая скульптурная композиция «Последний путь», расположенная вдоль ступенек,

ведущих к центру мемориала и представляющая собой группу обреченных мучеников, спускающихся на дно ямы. Памятник создавался в течение 8 лет. Архитектор – Леонид Левин. Скульпторы – Александр Финский, Э. Полок. При выполнении работ по реконструкции мемориала не применялись машины и механизмы – все работы выполнялись вручную, в том числе и устройство фундамента скульптуры. Раскопки не проводились.

«Бабий Яр» – урочище в северо-западной части Киева, между районами Лукьяновка и Сырец. Бабий Яр получил всемирную известность как место массовых расстрелов гражданского населения, главным образом евреев, цыган, киевских караимов, а также советских военнопленных, осуществлявшихся немецкими оккупационными войсками и украинскими коллаборационистами, начавшихся 29 сентября 1941 года накануне самого важного дня еврейского календаря – ЙОМ КИПУР. По разным подсчетам, в Бабьем Яру в период с 1941 по 1943 год было расстреляно от 70 000 до 200 000 человек. Но Бабий Яр стал также символом отношения советских властей к евреям и теме Холокоста. В официальном сообщении Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) о трагедии в Бабьем Яру, отредактированном в Управлении пропаганды ЦК ВКП(б) и утвержденном заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотовым, слово «евреи» было заменено на «мирные советские граждане».

Решение о строительстве памятника погибшим власти УССР приняли еще в марте 1945 года, но открыт он был лишь накануне 35-й годовщины трагедии, 2 июля 1976 года. Надпись на монументе гласила: «Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, расстрелянным немецкими фашистами в Бабьем Яру». То, что особо не были упомянуты евреи, вызвало жестокую критику за пределами СССР. В 2005 году правительство Украины объявило Бабий Яр историко-культурным заповедником. Строительство здания музея не закончено.

В середине 1950-х годов Бабий Яр был частично засыпан, и через него были проложены две магистрали. Одна из них, раз-

резала Бабий Яр на две неравные части – большую северную и маленькую южную. Южная часть была превращена в сквер, часть которого впоследствии была снесена под гаражи. Северная часть Бабьего Яра частично была использована под строительство жилого массива Сырец, частично под спортивный комплекс и парк. В 1952 г. городские власти постановили залить Бабий Яр жидкими отходами соседних кирпичных заводов. Овраг был перегорожен земляным валом с целью незатопления жилых районов. Параметры вала и пропускная способность дренажной системы не соответствовали нормам безопасности. Утром в понедельник 13 марта 1961, в результате бурного таяния снега, вал не выдержал напора воды, и образовавшийся селевой поток высотой до 14 метров хлынул в сторону Куренёвки. Жидкой пульпой была залита площадь около 30 га. Потоп продолжался всего полтора часа, но его последствия были катастрофическими. В результате трагедии стадион «Спартак» был затоплен слоем жидкой грязи с глиной настолько, что его высокой ограды не было видно; был затоплен трамвайный парк. Растекшаяся пульпа стала твердой, как камень. Согласно официальному отчету с пометкой «для служебного пользования», в результате аварии разрушено 68 жилых и 13 административных зданий. Властями было принято решение не афишировать масштабы трагедии. Данных о погибших и раненых в отчете нет. Сейчас точное количество жертв катастрофы установить невозможно; по оценкам киевского историка Александра Анисимова это примерно 1,5 тыс. человек.

После катастрофы работы по заполнению яра были продолжены. Часть пульпы, выплеснувшейся на Куренёвку, уже в затвердевшем виде перевозилась самосвалами назад для засыпки яра. Впоследствии через заполненные отроги яра была проложена дорога с Сырца на Куренёвку, устроен парк.

В 60-е годы в советской прессе появились упоминания о массовых расстрелах в Бабьем Яру. В 1966 году в журнале «Юность» был опубликован сокращенный вариант документального романа Анатолия Кузнецова «Бабий Яр» с иллюстрациями Саввы Бродского, однако издание романа отдельным из-

данием затягивалось, а затем было вообще прекращено. После бегства Кузнецова за границу экземпляры журнала с главами романа были изъяты из фондов библиотек. Полностью роман вышел в России уже в послеперестроечную эпоху.

Но подлинным памятником убитым евреям стало стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр», опубликованное в Литературной газете 19 сентября 1961 года. Перед публикацией главный редактор Валерий Косолапов сказал, что ему нужно посоветоваться с женой, поскольку после публикации его уволят. Тем не менее, он принял положительное решение, и его уволили. Эту газету, как говорят «зачитывали до дыр». Впервые в советской прессе открыто написали про уничтожение евреев и осудили это преступление! Через год состоялась премьера Тринадцатой симфонии Дмитрия Шостаковича, получившей название «Бабий Яр», первая часть которой написана на этот текст. Это стало уже явлением мирового масштаба. Вся история с исполнением симфонии, искажением текста, отношением властей, травлей авторов много раз описана, и мы не будем останавливаться на этом. Заметим только, что еще в 1945 году Дмитрий Клебанов, украинский композитор и дирижер, написал свою Первую симфонию «Памяти мучеников Бабьего Яра». Тематический материал симфонии был пронизан еврейскими мелодиями, а апофеозом стал скорбно-траурный вокализ, напоминающий еврейскую поминальную молитву Кадиш. Композитор был обвинен в «еврейском буржуазном национализме» и «космополитизме» одновременно, произведение было запрещено к исполнению. Клебанова отстранили от должности Председателя Харьковской организации Союза композиторов и на долгие годы отодвинули присвоение ему звания профессора. Симфонию исполнили лишь через 45 лет, в 1990 году в Киеве, когда Дмитрия Клебанова уже не было в живых (*Познакомиться с этой историей можно в книге Д. Цвибеля «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича», изд. ПИН, Петрозаводск, 2004 г.*).

И все же, 29 сентября 1991 года в Бабьем Яру был поставлен памятный знак «Менора». От бывшей конторы еврейского

кладбища (на месте которого в начале 1970-х были построены корпуса телецентра) к памятнику проложена вымощенная плиткой «Дорога скорби». Установку этого памятника пришлось ждать 50 лет!

1 ноября 2005 года на 42-м пленарном заседании Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию 60/7 «Память о Холокосте», в которой постановляет:

1. постановляет, что Организация Объединенных Наций объявит 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста, который будет отмечаться ежегодно;
2. настоятельно призывает государства-члены разработать просветительские программы, благодаря которым будущие поколения усвоят уроки Холокоста, чтобы содействовать предотвращению будущих актов геноцида, и в этой связи высоко оценивает деятельность Целевой группы по международному сотрудничеству по вопросам просвещения, памяти и исследованию Холокоста;
3. отвергает любое отрицание Холокоста – будь то полное или частичное – как исторического события;
4. выражает признательность тем государствам, которые активно способствовали сохранению мест, использовавшихся в качестве нацистских лагерей смерти, концентрационных лагерей, принудительно-трудовых лагерей и тюрем во время Холокоста;
5. безоговорочно осуждает все проявления религиозной нетерпимости, подстрекательства, преследования или насилия в отношении отдельных лиц или общин, обусловленные этническим происхождением или религиозными верованиями, где бы они ни имели место;
6. просит Генерального секретаря учредить программу просветительской деятельности под названием «Холокост и

Организация Объединенных Наций», а также принять меры по мобилизации гражданского общества в целях сохранения памяти о Холокосте и просвещения по связанным с ним вопросам, с тем чтобы помочь предотвратить будущие акты геноцида, представить Генеральной Ассамблее доклад об учреждении этой программы в течение шести месяцев после принятия настоящей резолюции и представить доклад об осуществлении этой программы на ее шестьдесят третьей сессии.

Многие ли государства – члены ООН выполняют эту резолюцию?

*Доклад прочитан в рамках
«Недели еврейской культуры в Штутгарте».
Штутгарт, Дом просвещения, 10 ноября 2014 года.*

Евреи Петрозаводска — христиане Тюбингена: удивительная история любви

История человечества полна бесконечных войн, кровопролития и насилия. Человек слишком часто забывает по чьему «образу и подобию» он сотворен. Замысел Творца – счастливая жизнь его созданий, а счастье одного не может быть построено на несчастье другого.

«Годы жизни нашей – семьдесят лет, от силы – восемьдесят; но и лучшая часть ее проходит в напрасном труде и страданиях. Быстро обрываются годы и улетают от нас» (Пс. 90:10) – так говорит псалмопевец. И наша задача распорядиться этим коротким временем, отпущенным нам для созидания, для того чтобы оставить этот мир следующим поколениям пригодным для жизни, чтобы мир стал немного лучше, чище, светлее.

Мир един, и произошедшее где-нибудь событие когда-нибудь найдет свой отклик, иногда самым неожиданным образом. Кто мог предположить, что события 9 ноября 1938 года в Германии откликнутся 19 июля 1996 года в Петрозаводске? XX век принес России и Германии страшные испытания коммунизмом и фашизмом. Невозможно реально представить или подсчитать тот урон Человечеству, который нанесен этими идеологиями, отрицавшими Б-га, обещавшими устроить рай на земле.

Именно 19 июля 1996 года еврейской общине Петрозаводска был передан Свиток Торы, приобретенный на средства, собранные жителями города Тюбингена. Это событие изменило жизнь евреев нашего города, позволило им стать полноправной общиной, соединило их незримыми нитями со своими предками, с великими традициями своего народа. Как даже небольшой камешек, брошенный у истока реки, меняет ее русло, заставляет ее течь в другом направлении, так Свиток Торы дал совершенно новый импульс развитию еврейской общины Пе-

трозаводска и ее роли, как в деятельности в Карелии и России, так и в отношениях с жителями города-побратима Тюбингена. Как написал в поздравительном адресе по случаю дарования Торы общине Петрозаводска обер-бургомистр д-р Ойген Шмид (Eugen Schmid): «То, что сейчас в нашем партнерстве пишется страница немецко-еврейской истории, меня очень радует. Мы обязаны этим усилиям сознающим свою ответственность людям, как здесь, так и там: Еврейскому культурному центру «Шалом» и большому кругу тюбингенских христиан, сгруппировавшемуся вокруг священников Данкварта-Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана, которые осуществили эту впечатляющую акцию бескорыстия, передав еврейским мужчинам, женщинам и детям в Петрозаводске Тору и заложив тем самым основы для жизни новой еврейской общины. Для меня этот гражданственный порыв, родившийся внезапно, в разговоре нескольких человек, является свидетельством того, что первоначально нежное растение партнерства между немцами и русскими, между Петрозаводском и Тюбингеном, со временем пустило глубокие корни и на своем мощном стволе сумело напитать живительным соком многие ветви, на возникновение и рост которых мы до недавнего времени не смели даже и надеяться».

Действительно, развивающийся христианско-иудейский диалог между нашими общинами, диалог равноправных партнеров показывает пример того, как должны строиться отношения между некогда не доверяющих друг другу сообществ, между которыми на протяжении столетий существовал антагонизм, зачастую приводящий к страшным последствиям. Из этого тупикового пути нам удалось выйти. Как сказано: «Кто герой? Тот, кто врага превращает в друга» (Абот де Р. Натан). Первоначально в общине Петрозаводска с настороженностью встретили предложение о даровании Свитка Торы христианими: были сомнения, что это предлог для ведения миссионерской деятельности. Но не оставляющее сомнения в намерениях письмо от Данкварта-Пауля Целлера (Dankwart-Paul Zeller), и Михаэля Фолькмана (Michael Volkmann) рассеяли это опасения и заложили крепкий фундамент наших отношений: «... Мы отбрасываем тысячелетние предубеждения христиан против

евреев и их религии, которые были поводом и предлогом для неизмеримых преступлений. Если мы дарим Свиток Торы, это не значит, что мы ждем, чтобы евреи перестали быть евреями. Мы ищем диалога между духовно родственными людьми, а не хотим обращения в другую веру...». Именно на этой основе и строятся наши взаимоотношения. (Интересно, что совсем недавно, 10 декабря 2015 года, Ватикан обнародовал программный документ, где впервые зафиксирован официальный отказ от миссионерской работы среди иудеев. Отныне евреи – согласно католической доктрине – единственный народ на Земле, не нуждающийся для спасения души в «благой вести» христианства. Получается, что несмотря на то, что иудеи не верят в Иисуса, католические богословы признают спасение евреев «теологически бесспорным» и объявляют этот парадокс «не-разрешимой божественной тайной»).

Был еще один сложный момент, который необходимо было преодолеть – это то, что многие члены общины воевали. Надо было суметь перестать видеть перед собой врага, пусть и прежнего. Надо было провести в своем сознании границу между преступными правительствами, гнусными идеологиями и конкретными людьми, многие из которых оказались заложниками этих систем. Просто удивительно, как встретились в Петрозаводске на службе в синагоге два солдата-артиллериста – Залман Кауфман и Пауль Целлер, прошедшие войну по разные стороны фронта. Оказалось, что оба были в Боровичах: Залман Кауфман – в госпитале после ранения; Пауль Целлер – в лагере военнопленных. Вот как описывает Пауль Целлер то, что с ним там произошло:

«Это случилось в рабочей команде при кирпичном заводе, где мы должны были укладывать сырые глиняные кирпичи в обжиговые печи, а готовые обожженные выкатывать на тележках. Однажды грузовик с провиантом застрял в снегу. Таким образом, в обед мы остались без капустной баланды и хлеба. Голод буравил кишки. Мы, пленные, апатично примостились у теплых обжиговых печей. Уже за несколько дней до этого я заметил маленький, утопающий в снегу деревянный домик за

территорией завода. В обеденное время над трубой кольцами сгущался дым. Кто бы мог там жить? Может быть, ночной сторож завода? Я и сегодня не знаю, почему я вдруг, воспользовавшись краткой отлучкой надзирателя, протопал по снегу к находящемуся рядом жилищу. Дверь была притворена. Я постучался и вошел. Чем мучительнее голод, тем ниже порог запретов, тем чаще люди доходят до наглости. Узенький проход с крепко утрамбованным глиняным полом вел мимо единственной комнаты прямо в побеленную кухню: маленький деревянный стол, два стула, полка над старой печкой, хранящая пару обитых эмалированных мисок да кое-что из посуды. Перед небольшой иконой в углу стояла, легко склонившись, маленькая женщина в черном, бормотала что-то себе под нос и непрерывно крестилась. Когда я тихонько кашлянул, она медленно обернулась ко мне, взглянула на меня вопросительным, чуть ли не ожидающим взглядом затуманенных глаз, как будто рассчитывала на мой приход, и перекрестилась в последний раз. Я как будто прирос к месту, не произносил ни слова, показал нерешительно, но однозначно на свой живот и дотронулся затем до рта. Жест, который понятен на всех языках мира. Бабушка покивала головой и, не говоря ни слова, вынула из-за иконы две фотографии, поднесла их мне к лицу и положила другую руку себе на грудь. На одной фотографии был мужчина средних лет в военной форме, внизу стоял год – 1916, на другой – красноармеец лет двадцати, с орденом на груди. Ей не нужно было ничего объяснять: первый был ее мужем, второй – единственным сыном; один погиб от немецких пуль или осколков гранаты в первой, другой во второй войне против немцев, вторгшихся в страну. Она снова бережно положила фотографии за икону, перекрестилась и затем безмолвно пошла к печке в другом углу помещения, открыла жестяную дверцу духовки над плитой и вынула оттуда тарелку. На тарелке лежал ее обед, который она разогревала: четыре вареные, чуть сморщенные картофелины в мундире. Кроме этого, у нее на кухне, наверное, не было ничего. Она поставила тарелку на стол, пошарив, вытащила кривой ножик из ящика стола, очистила картофелины и протянула две из них, ровно половину, мне, чужаку, недавнему врагу, и тогда и теперь непрошеному гостю, который, вероятно, напомнил

ей ее погибшего сына. Мы молча ели, делись насущным, ели, медленно жуя, каждый свои две картошки, прямо с руки. Старушка все время кивала головой, пока мы безмолвно, но все же красноречиво делили трапезу друг с другом – разве это не причастие? Когда я встал из-за стола, меня охватило ощущение, будто я участвовал в древнем таинстве. Я поблагодарил, неловко поклонился и протянул женщине в черном, этой «вдове из Сарепты» (3 Цар., 17) на прощанье обе руки. Она схватила мою голову, поцеловала меня в лоб, еще раз перекрестилась и махнула дрожащей рукой мне вслед, когда я по утрамбованной глине коридорчика шагнул из дома снова на холод. Эта русская женщина из Боровичей научила меня большему, чем дюжина профессоров-теологов за восемь семестров учебы. Никогда больше мне не доводилось столкнуться с подобным проявлением милосердия, благодати и того, что обозначается в Писании словом «шалом».

Может быть, именно тогда и начался долгий путь солдата вермахта через пасторское служение к налаживанию побратимских связей между Тюбингеном и Петрозаводском и сбору средств на Свиток Торы для евреев тогда еще далекого города-побратима. Вот так рушатся стереотипы, меняется человек, завязываются теплые отношения между некогда чужими людьми, начинается исполняться заповедь «Люби ближнего твоего, как самого себя». (Лев. 19:18)

Сейчас осталось совсем мало людей, принимавших участие во Второй мировой войне, и в России громко празднуют День победы те, кто не знает, что это такое, какую беду несет любая война людям, даже, если они и выжили. Причем, празднуют, размахивая кулаками и кичась силой, а не склоняя головы, поминая павших. В стране, где традиционно жизнь не является высшей ценностью, это очень опасная тенденция. Андрей Дмитриевич Сахаров предупреждал об этом еще в конце XX века: «Сильные, истинные чувства людей – ненависть к войне и гордость за то, что было совершено на войне, – ныне часто эксплуатируются официальной пропагандой – просто потому, что больше нечего эксплуатировать... Но есть и манипуляция,

культ Великой Отечественной войны на службе политических целей сегодняшнего дня, и это – отвратительно и опасно!» («Воспоминания», стр. 37. Написано между 1978-1998 гг.)

Для того, чтобы молодежь осознавала трагизм войны, к которой приводит культ насилия и попрание основного права человека на жизнь, мы в День Победы читаем кадиш у Вечного огня на могиле Неизвестного солдата, затем едем на кладбище немецких военнопленных, находящееся на окраине Петрозаводска, и по еврейскому обычаю оставляем на памятной плите камешки, привезенные из Иерусалима. Этой акцией мы хотим привить сознание того, что в войне, по большому счету, нет победителей – проигрывают все. (Вспоминается первый визит делегации Дитрих-Бонхофер Кирхе в Петрозаводск в 1998 году. Оказалось, что одна из приехавших – Трауте Зоммер, уже была в Карелии... в 1945 году. Ее, шестнадцатилетнюю девушку, депортировали сюда из Восточной Пруссии и отправили этапом в женский концлагерь в Падозеро (деревня недалеко от Петрозаводска), где она чудом выжила. В первый же день визита она посетила это место и поклонилась тем, кто остался там навсегда...)

Именно поэтому так важно то, что происходит между нашими общинами – человек, посмотревший в глаза другого, ощутивший его тепло, никогда не будет смотреть на него через прицел автомата.

Из письма Пауля Целлера:

Дорогой Дима, я считаю, что на нашей совместной работе по возрождению еврейской жизни в Карелии лежит благословение нашего Г-спода. Всегда, когда я думаю о вас, о тебе, о братьях и сестрах в синагоге, в Шаломе, то меня наполняет глубокая благодарность и надежда, что жизнь общины будет и дальше развиваться и становится все сильнее и многие люди, принимающие активное участие, еврейские друзья, будут излучать добрый свет на жителей города, чьи души при коммунистическом бюрократиз-

ме и подавлении оставались пустыми. Я глубоко убежден, что Г-сподь Авраама и Моисея остается верен своему избранному народу, что мы, так называемые «христиане» тоже, несмотря ни на что, имеем благословение Авраама несмотря на то, что мы сделали Его народу. Проблема заключается в том, что есть «христиане» и евреи, которые ничего не знают о Торе, несмотря на то, что в ней содержится все, что должно служить процветанию человечества. Слово «христиане» я ставлю в кавычки, потому что в нем содержится утверждение, что пророк из Назарета является Мессией. Я лично не считаю, что Иисуса нужно считать Мессией. Он сам, как и многие набожные иудеи его времени ждал скорого наступления мессианской эпохи и надеялся, поэтому еврейские братья и сестры хотят опять вернуться к Торе и в ней найти первоначальную правду. А сегодня это не так, и евреи и «христиане» вместе надеются на будущее царство шалома, которое Г-сподь Авраама наполнит своим духом. Будущее мессианского царства является уже само по себе большим делом, и мы, как те, кто принимает его подарок, должны нашими сердцами быть готовыми к тому, что в какой-то из дней будет совершен акт любви и это станет постоянным явлением. Этот путь нам мостит Г-сподь своими добрыми камнями. И пусть Г-сподь, дорогой Дима, помогает тебе на твоём пути, на котором ты находишь свое еврейское «я» и пусть он и дальше благословляет тебя в этом.

Паулю Целлеру:

Дорогой Пауль!

Наша встреча на квартире Вадима Мизко (именно тогда поднялся вопрос о Свитке Торы) изменила мою жизнь. Без этого я, может быть, так и не реализовал бы себя как еврей, как сын своего отца. Когда я первый раз в жизни в петербургской синагоге держал в руках СВИТОК ТОРЫ, я реально почувствовал свою связь со своим народом, его историей, судьбой. Единственно, что омрачало мою ра-

дость, это то, что мой папа не дожил до этого момента. Для него было бы важно не только то, что его сын стал настоящим евреем, но и то, что этому способствовал немец...

2005 году параллельно в Тюбингене и Петрозаводске выходят два воззвания: Пауль Целлер и Михаэль Фолькман выступают с «Обращением к церквям всех конфессий в нашей стране за установление официального церковного дня памяти 9 ноября «ДЕНЬ ПАМЯТИ И ОСОЗНАНИЯ (ОБРАЩЕНИЯ) (Erinnerung und Umkehr)»; я – с призывом ко всем религиозным организациям Карелии создать постоянно действующий комитет представителей всех зарегистрированных в Карелии религиозных объединений, опираясь на «Декларацию мирового этоса», принятую Вторым Парламентом религий мира в 1993 г. в Чикаго, разработанную Хансом Кюнгом (Hans Küng), руководителем Фонда «Мировой этос» при Тюбингенском университете. Я предложил созвать Круглый стол для обсуждения межконфессиональных отношений. Для того, чтобы познакомиться друг с другом, рассказать о своих проблемах, найти точки соприкосновения. Должно было пройти определенное время, прежде чем на эти предложения откликнулись.

И вот в 2006 году, к десятилетию отношений между общинами Дитрих-Бонхоффер и петрозаводской еврейской общиной в мэрии Петрозаводска состоялся первый круглый стол. Ханс Кюнг прислал большое приветствие, где, в частности, говорится: «С радостью я воспринял инициативу еврейской общины в Петрозаводске о том, чтобы пригласить руководителей религиозных сообществ в Петрозаводске вместе с друзьями из евангелической общины Дитриха Бонхоффера из города-побратима Тюбингена на встречу за круглым столом <...> Всем участникам круглого стола <...> я выражаю благодарность за их готовность к разговору и от имени фонда «Мировой этос» желаю открытого и плодотворного диалога и большой удачи!»

На состоявшейся встрече присутствовали: с немецкой стороны – Данкварт-Пауль Целлер, д-р Курт Зюттерлин, Ульри-

ка Эльстнер-Зюттерлин, Лора Ауэр, д-р Михаэль Фолькман, переводчик проф. Валентина Двинская; Ольга Сидловская, секретарь архиепископа Мануила (Русская православная церковь); пастор Виктор Гриневич (Ингерманландская евангелическо-лютеранская церковь); Федор Акименко (Союз христиан веры евангельской (пятидесятники)); капитан Леонид Баданин (карельский корпус Армии спасения); Александр Шашков (Церковь святых последних дней (мормоны); муфтий Визам Али Бардвил (духовный лидер карельских мусульман); Виктория Вебер (общественная организация «Исламское просвещение»). Еврейскую общину представляли Дмитрий Цвибель и Дмитрий Генделев. Присутствовали так же представители городской администрации, вела встречу Фарида Фадеева. После официальных представлений и приветствий выступил Пауль Целлер. Главная мысль его обращения заключалась в общности происхождения всех собравшихся здесь религий или конфессий от Торы Израиля. Михаэль Фолькман представил информацию о христианских церквях и других религиях в Германии и о фундаментальных изменениях в отношении к евреям, произошедших во всех евангелических церквях земли Баден-Вюртемберг и в католической церкви. В ходе дальнейшего разговора Ольга Сидловская зачитала приветственное обращение архиепископа Мануила к собравшимся. Представители других христианских церквей и муфтий представили свои объединения и выразили готовность вести мирное сосуществование и продолжить диалог. В заключение полуторачасового обмена мнениями присутствующим был роздан текст декларации «Мирового этоса» и приветствие Ханса Кюнга участникам встречи: ФОНД «МИРОВОЙ ЭТОС» для межкультурных и межконфессиональных исследований, образования, встреч.

В 2014 году делегация из Петрозаводска впервые участвовала в Дне памяти 9 ноября на Синагогенплатц у памятника на месте сожженной в 1938 году нацистами синагоги, где состоялся городской митинг, на который собрались 150 человек. Выступали обер-бургомистр Борис Палмер (Boris Palmer), глава еврейской общины Тюбингена Давид Холинстат (David Holinstat), представители общественности, молодежь. По традиции на церемо-

нии была рассказана история одной тюрингенской еврейской семьи, погибшей в огне Холокоста. Я тоже выступил, закончив свое выступление словами: «Великий еврейский законоучитель Гиллель сказал: «Не делай другому того, чего бы ты не желал себе». Это долгий путь. Но китайская мудрость учит нас: «Даже самая длинная дорога начинается с первого шага». И мы его сделали». На следующий день в газете «Швабский листок» («Schwäbisches Tagblatt») был опубликован репортаж с фотографией и цитатой из этого выступления.

Во время этого визита состоялись удивительные встречи, демонстрирующие насколько наш мир тесен, насколько переплетены судьбы, и этим необходимо дорожить и делать все, что в наших силах, чтобы люди осознали это и понимали свою личную ответственность за то, что происходит в мире.

Как подтверждение сказанного, состоялась наша встреча в недавно открытой небольшой уютной синагоге в городе Эсс-линген с раввином Иегудой Пушкиным, бывшим петрозаводчанином. Он вспомнил учебу в петрозаводском университете и даже то, что Наташа Цвибель, моя дочь, помогла ему как-то с курсовой работой. Репатриировавшись в Израиль, он закончил ешиву и стал раввином. Здесь он курирует сразу несколько небольших городков. Сейчас община собирает средства на приобретение Свитка Торы. Мы пожелали им удачи.

Еще одна неожиданная встреча произошла в Ульме. В прекрасном современном здании синагоги в центре города нас встретил раввин Шнеур Требник. Я поинтересовался, говорят ли ему что-либо такие имена: Шимон Требник и Нохим Требник. Он сначала опешил:

– Как же, Шимон Требник – это мой дедушка, руководивший ешивой в Москве! А Нохим Требник – брат дедушки, он после войны руководил ешивой в Париже. А Вы откуда знаете их имена?

Я рассказал ему, что раввин нашей синагоги Ефим Левин, זיכרונו לברכה, из Сновска учился там в хедере. А когда хедер закрыли большевики, с ним стал заниматься Шимон Требник, учивший с ним Хумаш с комментариями Раши, Шульхан Арух и Гемару. А на прощание подарил ему на память Танах со своим автографом.

Шнеур был потрясен! Он сказал, что знал, конечно, что дедушка преподавал в ешиве, но никогда не встречал кого-нибудь из его учеников, или кого-то, кто хотя бы знал их. И вот... У нас была с собой книга «Возрождение еврейской общины в Карелии» с фотографиями Ефима Левина, и мы с удовольствием подарили ее Шнеуру. Как сказал Михаил Булгаков: «Как причудливо тасуется колода!» («Мастер и Маргарита»).

Михаэль Фолькман договорился о встрече в фонде «Мировой этос» с научным координатором фонда д-ром Гюнтером Гебхардтом. Нас хорошо приняли, и во время беседы неожиданно вошел Ханс Кюнг. Это был большой приятный сюрприз для всех. Состоялся теплый дружественный разговор. Михаэль Фолькман подарил Хансу Кюngu экземпляр книги «Возрождение еврейской общины в Карелии» Дмитрия Цвибеля, переведенной на немецкий язык Юлитой Хуф (Julita Huf). В свою очередь, Ханс Кюнг подписал и подарил нам свою книгу «Во что я верю», переведенную на русский.

Об отношениях между нашими общинами Михаэлем Фолькманом собран обширный ценный материал в книге «Евреи Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви» (Juden in Petrosawodsk, Christen in Tübingen: eine erstaunliche Liebesgeschichte), изданной в Тюбингене в 2007 году. В 2011 году эта книга была переведена на русский язык Валентиной Двинской и издана в Петрозаводске.

История Свитка Торы, подаренном христианами Тюбингена евреям Петрозаводска, послужила основой для художественного произведения «Тайна партизанской Торы» (Das Geheimnis der Partisanen –Tora) Данкварта-Пауля Целлера, вышедшей в

Тюбингене в 2008 году, обозначенной автором, как «Теологический детектив». Эта книга также была переведена на русский и издана в Петрозаводске в 2012 году (перевод Ириной Бензема-Рывкиной).

Мы верим, что в гигантском многокрасочном мозаичном панно мира, создающемся Вс-вышним, есть и наш камушек – христиан Тюбингена и евреев Петрозаводска, камушек наших отношений, и хотим, чтобы его заметили.

*Доклад прочитан на семинаре
«Петрозаводск и Тюбинген – укрепление сотрудничества».
Петрозаводск, 30 ноября 2016 г.*

СУДЬБЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

В 2005 году мир отметил 60 лет со дня окончания Второй мировой войны – самой кровавой войны в истории человечества, принесшей неисчислимые жертвы и страдания. Дело историков, политиков, социологов изучать как и почему появились в XX веке тоталитарные режимы, приведшие мир на грань катастрофы, почему стало возможным само существование этих режимов в центре Европы, в сердце «цивилизованного» человечества. Но важно, чтобы за исследованиями глобальных событий и проблем не исчез, не растворился человек с его болями, надеждами и тревогами. Наша публикация – лишь маленький шаг на пути к этой большой цели. В ней собраны шесть рассказов-свидетельств непосредственных участников произошедшей трагедии. Каждый из этих людей прошел свой неповторимый путь по дорогам войны, вынес свое понимание происходившего, свою память, с которой он живет. Рассказы сознательно ограничиваются периодом Великой Отечественной войны (22 июня 1941 – 9 мая 1945 гг.), хотя все наши герои прожили большую жизнь после нее, и их ждали испытания, которые надо было преодолеть. Но несмотря ни на что, они не утратили веру в человека, стали видными специалистами каждый в своей области, вырастили детей. Будем благодарны им за их свидетельства, за возможность прикоснуться к священной памяти о пережитом; за то, что, делясь своими воспоминаниями, они оставляют память и о тех, кому не дано было дожить до наших дней.

Гарри Цалелович Лак

Передо мной недавно изданная книга «Евреи Латвии в борьбе с нацизмом». Автор – Ева Ватер, ветеран 43-й Гвардейской Латвийской стрелковой дивизии в предисловии пишет: «Я старалась восстановить каждую фамилию, даже если ничего о бывшем воине не знала, кроме надписи на могильной плите...» Идея книги – сохранить для потомков имена тех, кто встал на борьбу с фашизмом, сражаясь на фронтах войны, а их было только в Латвии более 4,5 тысячи. В книге есть данные и об известном в Петрозаводске человеке – Гарри Лаке:

***Лак Гершон (Гарри) Цалелович.** 1925, Рига. 14.06.1941 с семьей депортирован в Сибирь. С окт.1944-го доброволец, разведчик 324-го арт. полка 69-й див. на 2-м Белорусском фронте. Тяжело ранен, но остался в строю до Победы. После войны – переводчик в Пруссии. Затем научный сотрудник Инст-та геологии Карелии в Петрозаводске. Инв. войны. Награды. Живет в Карелии.*

Интересно отметить, что Гарри Лак – единственный представитель России в списке спонсоров и помощников этого издания. А что стоит за этими лаконичными строчками книги? Для этого надо было бы исписать не один том. Вот лишь краткий пересказ этой необычной судьбы.

Ночью 14 июня 1941 г. в половине третьего нас разбудили стуком прикладов в дверь. Вошли пять вооруженных человек и приказали: «Двадцать минут, и вы должны быть в машине». Маме стало плохо. Несмотря на запрет охраны, удалось вы-

звать нашего домашнего врача. Все мечутся по квартире, не знают, что собирать. Один латыш, который нас арестовывал, шепнул отцу: «Теплые вещи берите». Когда мама пришла в себя, она сказала, чтобы расстелили большую простыню и туда собрали все, что могли, а мне – чтоб забрал в шкафу спрятанные драгоценности. Я их, не разбирая, пихнул в штаны – потом это все пошло на жизнь. За одну ночь 10 тысяч наиболее известных семей были вывезены из Риги. Эшелоны теплушек стояли под парами на товарной станции. Один уходит – подгоняют следующий. Мы оказались в теплушке, человек на 40, увидели стоящие там железные печки и поняли, что нас повезут очень далеко. Наша теплушка была где-то пятая или шестая с конца. Там были все: старики, маленькие дети – целые семьи, набито все битком. Вдруг слышим, как со скрежетом в вагонах открываются двери, и раздается крик: «Мужчины, выходите!» Всех вывели. Но когда подошли к нашему вагону и приказали выходить мужчинам, одна бойкая латышка сказала, что у нас мужчин уже увели. Видимо, они очень торопились и не стали проверять. Во время «путешествия», а мы ехали месяц, стали пропускать эшелон за эшелон с военными – тогда мы поняли, что началась война. Привезли нас в Красноярск, из Красноярска в Канск, там дальше на подводах еще 13 километров, и мы оказались в деревне Анцирь в колхозе имени Ворошилова. Поселили нас к какой-то старушке в покосившийся дом. После Риги, после газа, всех удобств цивилизации жить в одной комнате с телятами, овцами, курами... До этого я даже не знал, что такое туалет на улице, что такое баня по-черному. Отца взяли столбы ставить, тянуть электролинии. Там мы жили в относительном спокойствии. Не зная русского языка, я с сестрой Дорой (между нами 8 лет разница, она старшая) стали работать на сенокосе. Дело в том, что с первого дня моего рождения, у меня была немка-гувернантка Эльза, специалист с высшим образованием по воспитанию, и до 13 лет я получил полную дозу немецкого образования: немецкий язык, немецкая литература, немецкая детская энциклопедия и т.п. Все было по минутам расписано, я сам вставал, одевался, уходил в школу... Родителей я видел редко – иногда по воскресеньям, иногда вечером. Отец и мать у меня были традиционными евреями, и бар-мицва у меня была в центральной синагоге (которую фашисты сожгли с 5000 еврей-

ями в 41 году), и я читал главу из Торы, и кантор был у нас дома, – все, как полагается. Но мое воспитание, конечно, было европейское, немецкое. Эльза пробыла у нас до 38 года, когда Гитлер стал призывать из Прибалтики немцев, и они все уехали и Эльза в том числе. Из таких условий мы были выгнаны и оказались в Анцире. Но трагедия была впереди – 9 декабря ночью пришли за отцом. Когда его уводили, он оглянулся на меня: «Сын, будь всегда честен!» Это его последние слова, которые я слышал...

Когда вскрылся Енисей, нас повезли в Туруханск, от Туруханска за 800 километров по Нижней Тунгуске в Туру – это водораздел между Леной и Енисеем, глухое Заполярье. Тура – столица эвенкийского национального округа. Туда сослали в свое время «кулаков» из Украины, настоящих мужиков, теперь там были уже их дети. Они в начале 30-х выстроили для себя барак – два ряда горбыля, а в середине опилки. Опилки, со временем осели. Нас вселили в этот барак, из которого их давным-давно выселили, так как жить там было невозможно: зимой стены промерзали. Нас поселили в одну комнатку 14 метров, перегороденную какими-то тряпками, с мамой и дочкой другой семьи. Значит, мама, сестра и я – в одной половине, печка посередине, а во второй половине – другие мать с дочкой, тоже евреи и тоже из Риги. Случилось так, что их отец и наш оказались в одном лагере.

Сестра пошла рыбачить в мужскую бригаду – девушка, владеющая пятью языками, с двумя высшими образованиями, закончившая консерваторию, с руками пианистки – на подледный лов рыбы!!! Еще в Анцире я зиму проходил в четвертый или пятый класс, немного стал уже читать по-русски, и мама хотела, чтобы я в Туре пошел в школу. Там я проучился всего три дня, и за мной пришли во время уроков два энкаведешника со штыками и вывели из класса, сказав, что таким, как я учиться в советской школе не позволено. Меня поставили долбить вечную мерзлоту под какой-то котлован. Это в 17 лет! Потом произошло какое-то чудо – меня взяли в мастерскую, в тепло, я стал учеником бондаря – делал бочки. Потом меня заметил механик электростанции и взял к себе в помощники.

Но я понимал, что, если меня не возьмут на фронт – мы погибнем, и стал ходить в военкомат, но каждый раз одно и то же: «Таких, как ты не берем!» И тут случилось самое неожиданное.

Зимой у нас с «большой землей» никакой связи не было, только два раза в месяц на лед Нижней Тунгуски садился самолет с почтой – это было событие, и весь поселок выходил его встречать. И вот в январе 44 года из самолета выходит мужчина в ватнике, подпоясанный офицерским ремнем, на одной ноге и с двумя костылями. На ватнике у него буквально горит орден Красного Знамени. Кто он такой, никто не знал. Он с трудом поднялся наверх по крутому обледенелому берегу и спросил, где тут барак для ссыльных. Это был Зяма, сын наших соседей по комнате, с которыми мы жили.

Оказалось, что, когда нас ночью высылали из Риги, он был на вечеринке. Утром пришел – квартира опечатана, никого нет, никто ничего не знает. Соседи сказали только, что ночью их увезли. 28 июня 41 года советские войска оставили Ригу, и он был мобилизован в Красную армию, защищал подступы к Ленинграду под Лугой, был тяжело ранен. Что за подвиг он совершил, я не знаю, но в 41 году был награжден орденом Красного Знамени! Больше года он пролежал в госпитале, потом стал разыскивать мать с отцом и сестру. В своих поисках он дошел до Калинина. Калинин, у которого жена Екатерина сидела в лагере, сказал, что постарается помочь, чем сможет. И ему сообщили, где его мать и сестра, а где отец – нет. Он прилетел, и оказался в одной с нами комнате. Как это назвать?

Зашел разговор, что я хочу на фронт, хожу в военкомат... Он спросил, знает ли об этом мать и как к этому относится. «Она молчит». Он сказал моей маме: «Здесь ваш сын будет жить, а что будет с ним на войне не знает никто. Война – это страшно, посмотрите на меня». Мать ответила: «Пусть мой сын поступает, как сам хочет». Когда Зяма понял, что я серьезно хочу на фронт, он пошел со мной к военкому: «Что ты этого парня не можешь взять в армию? Он такой же еврей, как и я, такой же ссыльный, как моя мама и сестра, наши отцы сидят в лагере, так что ж ты

не берешь? Он знает немецкий язык, латышский, хорошо воспитан – что, такие люди не нужны в армии? Посмотри на меня». И меня призвали в Красную армию в качестве добровольца, но с направлением в Красноярск и дальше в разведывательную роту. Вместе со мной разрешили маме и сестре выехать из Туры. Когда мы плыли обратно по Енисею, уже как свободные люди – на теплоходе (туда – на барже), возвращался один генерал. У мамы последнее, что осталось – это швейцарские золотые часы отцовские с широким золотым браслетом, она продала их этому генералу, и мы на рынке в Красноярске закупили сухари, крупы, сахар, чай – почти полный мешок получился – и мы с Дорой поехали в 235 лагерь к отцу. Лагерь огромный: десять лагпунктов и в каждом по десять тысяч человек. Постучались, окошко открылось, Дора показывает фотографию отца, говорим, что десятый лагпункт (потом мы узнали, что это лагпункт, где уже «доходят»). Спрашиваем начальника: «Вы знаете такого?» «Нет, не знаю», – но посылку взял и посоветовал обратиться в Главное управление лагерей в Красноярске. На следующий день мы пошли в это Главное управление, где получили извещение о смерти отца, датированное 19 февраля, а был уже июнь. Так что посылку взяли, заведомо зная, что человека уже нет.

Мама с Дорой поехали на Урал к маминому брату – он работал на военном заводе под Свердловском (у мамы в семье было четыре брата и две сестры, все они жили в Витебске. Один из братьев попал в 37 году в НКВД, и маме удалось его выкупить за 10 тысяч лат золотом, и он с женой приехал в Ригу. Два брата погибли на фронте, четвертый оказался на Урале), а я попал в Омск в 324 запасной полк, в разведшколу, где готовили разведчиков. Я все время боялся только одного – не дай Б-г, чтоб мандатные комиссии, а они были похуже медицинских, не выяснили кто я. Хотя медицинских я тоже боялся, потому что был «кожа, да кости». Последняя комиссия, когда мы уже получили английское обмундирование, 7 человек смотрят на меня и говорят: «Ну, куда его отправлять на фронт. Посмотрите – это же спичка с двумя ногами и руками!» А председателем комиссии была женщина, полковник медицинской службы. Она так пристально на меня смотрит и спрашивает: «Ты откуда прибыл?»

Я отвечаю: «Из Красноярска». «И ты очень хочешь на фронт?» «Да». Она великолепно понимала: Красноярский край – это не простой край, это край ссыльных, арестованных, репрессированных. И она сказала комиссии: «Вот такие бывают сильнее, у них сила духа больше», дала мне добро, и я поехал на фронт.

Нас выгрузили ночью, при полной тишине, курить нельзя, полубегом, полушагом стали куда-то передвигаться по осенне-зимней грязной земле – глина, вода, ничего не видно, сполыхи канонады, гудят самолеты... Совершенно тупо передвигаешь ноги, и так километров 30! Нас из этой колонны становилось все меньше и меньше – отбирали, вызывали, уводили по каким-то спискам. Осталось нас шесть человек, и мы оказались у крытой машины – дым из трубы идет, часовой стоит, и туда поочередно входили, выходили. «Все, мы прибыли». Когда я вошел внутрь, то увидел совершенно седого полковника с орденом Красного знамени, но не на колодке, а привинченным на гимнастерку, т.е. образца гражданской войны. Светло, походная кровать, одеяло, печечка, письменный стол, два ковра, уютно, красиво. Куда я попал, почему меня отобрали, почему попал именно сюда, я не знал. Какие-то бумаги шли за мной, но мне все это было неизвестно. Полковник устраивает допрос: «Откуда ты?» «Из Риги». «Откуда мобилизован?» «Из Красноярска». «Как туда попал?» Я сопровождал свою биографию сплошной ложью, только бы не сбиться. «Латыш?» «Еврей». «Русский язык откуда знаешь?» «Не знал, сейчас выучил». «Паспорт имел?» «Да». «А какого цвета он был?» У меня же паспорта не было, я его даже не видел! Вспомнил, что когда-то у кого-то видел на почте какую-то серо-зеленую обложку: «Серо-зеленого цвета!» Он подумал: «Ну, хорошо. А немецкий язык откуда знаешь?» Я сказал, что окончил шесть классов немецкой школы. «Хорошо, пойдешь в разведку». Все он великолепно понял, седой полковник Меерсон! Кто-то его, очевидно, спас в 37 году, иначе он бы не выжил полковником, командиром артиллерийского соединения. Мое появление напомнило ему кого-то. Уже позже, несколько раз стоял разговор, чтобы меня перевели в штаб дивизии, штаб армии, но мой командир меня не отпускал никуда до конца войны, пользуясь своим огромным авторитетом, он настоял на том,

чтобы меня не переводили. Он прекрасно понимал, что если я перейду в вышестоящие соединения, более крупные, начнется со стороны особого отдела снова проверка, и там все может открыться, откуда я. Он великолепно обо мне все знал. И лишь после войны, когда прошел слух, что с октября идет первая волна демобилизации тяжелораненых и студентов, он спросил: «А кто у тебя дома остался?» «Мать и сестра». «А отец где?» Больше лгать ему я не мог: «Погиб в лагере». «Я так и думал...»

Разведчики приняли меня хорошо, хотя сначала посмеялись: «А ты что, еврей, что ли?» «Еврей». «Ха-ха-ха... На фронте в разведке у нас еврей!!!»

На фронте меня приняли в комсомол, это было под Вислой. После того, как Черчилль попросил Сталина ускорить варшавское наступление, тот пообещал, и 25 января началось великое наступление на Варшаву, даже сильнее, чем на Одере – на одном километре стояло 350 пушек! Я был на командном пункте – Меерсон меня не отпускал от себя ни на шаг. За полчаса до наступления, до утренней артподготовки приехал молоденький лейтенант из дивизии – комсорг, принимать нас троих. Всем задавал один и тот же вопрос, помимо обычных – какую последнюю книжку ты читал? Отвечают, что ничего не читали, нет книг, некогда, не до книг сейчас. А я ответил: «Майн кампф!» (Когда по Польше проходили, частенько книги валялись, в основном «Майн кампф», я ее и прочитал. Как сейчас помню, 4 глава истории ВКПб написана точно, как по «Майн кампф» – это я потом сообразил). Тишина, он не знает, что делать. Думать долго он тоже не может, потому что ему надо убираться отсюда, пока не началось наступление. Он махнул на меня рукой, наверное, подумал, что все равно убьют, и выдал мне комсомольский билет.

В городке Фридланд, недалеко от Нойбранденбурга, уже в апреле месяце 1945 меня чуть не убила девушка. Эсэсовцы перед отходом всех жителей выгнали, дома стояли пустыми. Я зашел в один дом – найти воды – и вдруг выходит девушка. Одетая, как тогда немецкие женщины одевались: рукава пере-

вязаны, пояс перевязан, на ногах брюки перевязаны. Я по-немецки попросил воды и стою, оглядываюсь, автомат висит на плече. И вдруг увидел какую-то тень, как будто на меня кто-то кидается, и пуля просвистела прямо перед ухом. Девушка падает. Я оглядываюсь – стоит танкист в шлеме, и из дула пистолета еще дымок идет. «Ты что наделал?!» Он: «Ты что, не видел, она же убить тебя хотела? Кто так ходит по немецким домам?» Подходим к ней, а у нее огромный нож кухонный в руках, она его за спиной держала...

В 1978 году в Нойбранденбурге меня наградили высокой правительственной наградой ГДР – Серебряным Знаком Чести за освобождение города (у меня семь сталинских благодарностей (времен войны) за взятие северо-восточных городов). Когда мне его вручали, извинились, что не могут дать Золотой, потому, что Золотой Знак Чести только у Брежнева.

Когда демобилизовался, добрался до Свердловска и предъявил свои документы, услышал: «Вы, молодой человек, кровью искупили свою вину (?!), вы тяжело ранены (у меня ранение кисти правой руки), вы можете ехать куда хотите. А сестра и мать останутся здесь». Они и оставались там до 48 года. Оказалось, хорошо, что они в Ригу вернулись позже и с уральскими документами. А многие сразу после войны прямо из Красноярского края возвращались любыми правдами и неправдами в Ригу с соответствующими документами. В 48 году скопилось там довольно много высланных в 41 г. латышей и евреев, и всех их выслали обратно, уже по второму разу. И из этих, практически, никто не вернулся.

А в 1953 году, когда началось дело врачей, мои самые близкие друзья сказали страшную вещь, которую я буду помнить всегда: «Нам жаль, что ты еврей!» – больше обидеть меня не могли.

Но это уже другое. Вообще, я не люблю говорить о войне. Там приходилось делать то, о чем не хочется вспоминать. Война только в плохом кино романтична. На самом деле – это трагедия для человека, даже если он и выжил...

Фишман Меер Шоломович

Родился я в городе Овруч Житомирской области на границе Западной Украины и Белоруссии. Оттуда меня из десятого класса забрали в летное училище в Чугуевск, а когда началась война, нас переквалифицировали в танкисты. Весь состав – танкисты. Полный курс был два с половиной года, мы учились полтора. Начал в Харькове, окончил в Тюмени.

Мой отец был хозяйственно-партийным работником. Некоторое время работал в Средней Азии, потом его перевели в Литву. Там он жил и там, на еврейском кладбище, и похоронен.

Мама из Одессы. Во время погромов черносотенцы убили ее маму, мою бабушку и ее родителей. Ее саму спрятали русские или украинские соседи. В этом же доме. А потом отдали в детдом. Отец в 20 году приехал в Одессу, остановился у знакомого и увидел, что приятная девушка моет полы. Услышал эту историю, забрал ее, и они поженились. Но от своей тяжелой жизни мама была больная и умерла в 40 лет, 13 мая 1945 года. Уже после смерти пришло мое письмо с фронта. Она так и не узнала, что я живой. Мама была ко мне очень привязана.

У меня две младших сестры. Одна, Хайка живет в Минске. Во время войны работала в Сибирском военном округе. Лейтенант. После войны окончила военный институт иностранных языков. Другая, Рива была инженером, работала в Челябинской области в закрытом городе, где выполнялись оборонные заказы. Была три раза облучена, в 42 года стала полным инвалидом и в позапрошлом году умерла.

А уже на фронте в Сталинграде встретил своего двоюродного брата Песаха Фишмана, он старше меня на три года. Ну, как встретил... После училища меня послали в Сталинград на должность командира танкового взвода. Мой взвод – это три танка – придали 44 морской бригаде, которая обороняла завод «Красный октябрь». Танки поддерживали их огнем. Мне телефонист по беспроволочному телефону передает: «Там, через полтора километра тоже есть один Фишман». Я отвечаю: «Скажи этому Фишману, что моя радиостанция работает на такой-то волне». Песах связался со мной, и мы условились, что с наступлением темноты, встретимся около полуразваленного дома. Но ночью были очень сильные бои, и встречу пришлось отложить на завтра. А назавтра был страшнейший налет немецкой авиации, и бомба попала прямо в его танк...

В Сталинграде я был ранен, лежал в госпитале в Саратове. В это время на Урале формировался добровольческий танковый корпус им. Сталина. Этот корпус создавали челябинская, пермская и свердловская области. Каждая формировала одну бригаду, отдельный батальон, или роту. Этот корпус вошел в Четвертую танковую армию. Меня направили туда в разведроту, на должность замкомроты по строевой части. Это начало 43 года.

На орловско-курской дуге, под Прохоровкой, нас кинули, в самый котел... Когда около пяти утра началась битва, нас во втором эшелоне придерживали. Разведку вели визуальную. Потом наша армия включилась в бой. Это было страшнейшее побоище, столкновение двух танковых «молотов» – немецкого и нашего. Танки горят, люди горят с танков, самолеты летают и не бомбят – не разобрать где свои, а где чужие... Помню: в небольшой речушке стоят по колено в воде наши танкисты и фашисты, дерутся, топят друг друга... Я там подбил два немецких танка. В половине седьмого подбили и мою машину. Экипажу удалось выбраться, я бегом в свою роту – она было около штаба корпуса. Навстречу начальник штаба: «Что ты?» «У меня танк сгорел». Он кричит: «Бери мой, и давай туда – там атака захлебывается». И я туда. В полдвенадцатого дня и этот танк подбили. Но и я подбил немецкий бронетранспортер.

С этой танковой армией я прошел всю войну. Был ранен, и после орловской битвы лежал в госпитале в Туле. Голеностопный сустав был разбит. Я знал, что армия и корпус стоят под Брянском, у меня была с ними переписка. Мне написали, чтобы я дал знать, когда можно будет меня забрать. А то из госпиталя посылали в пересыльный пункт, а оттуда – куда попало. Вскоре пришла машина, и я снова оказался среди своих боевых друзей. Осенью 43 года меня на назначили командиром Отдельной оперативной разведывательной роты Четвертой танковой армии. С ней я прошел весь остаток войны. Был снова ранен. Лежал в госпитале в Житомире. Оттуда опять забрали свои... Я восемь раз горел в танке. Обгорели ноги... Каждый раз удавалось выскочить. Когда ранили в голень, я открыл люк, вылез наполовину и потерял сознание. Заряжающий погиб. Когда дым рассеялся, ребята увидели, что я вишу, подскочили, вытащили меня из башни. Вылечился. И с разбитой ногой я до окончания войны командовал этой ротой.

Девять раз заходил в немецкий тыл – это все записано в документах. Один раз, в Карпатах это было, в октябре, мы стояли на сандомирском плацдарме, и нас срочно стали готовить к химической защите. Видимо, агентура сообщила, что немцы готовят химическую атаку. Мне дали задание: зайти в тыл и утащить у них снаряд, или мину. На этих снарядах есть желтая окантовка. День мы на сопках сидели, наблюдали, откуда лучше зайти в тыл. Зашли. Саперы подрезали проволоку, и мы углубились в немецкий тыл на три километра. Устали, и в ложине легли отдохнуть. Я поставил дневального, а он уснул. На нас напали немцы. Нас было семеро, их шестеро. Меня придавил здоровый фриц и стал душить. Подумал – конец. Не знаю, как это получилось, но одну руку мне удалось выдернуть, я надавил ему на глаза, и когда он обмяк, пырнул ножом, сбросил с себя и докончил (этот нож до сих пор у меня). Ночью мы взяли со склада два снаряда с окантовкой. По радио я передал, что будем выходить. У меня была американская станция «Полюс», работала в радиусе 300 километров, ларингофоны, антенна в сапоге. Если попадаешь в плен, должен ее взорвать – в ней был заряд. Мы благополучно вышли. Снаряды оказались обыкновенными.

Во Львове роте была поставлена задача выйти на улицы Зеленую и Офицерскую – там было сильное сопротивление. Рядом площадь – там оперный театр. Стрельба велась из пулемета, а у меня сидит пехота на танках. Одного сразу убили. Я оглядываюсь. На балконе стоит мужчина и показывает, откуда стреляют – это с тыльной стороны театра, из сквера. Там похоже на дот, и из амбразуры бьет пулемет. Я приказал трем разведчикам обойти участок обстрела и бросить в трубу противотанковые гранаты. И, конечно, там никого не осталось. (А там, в подземном переходе был туалет). Выехал я на улицу Зеленую. Шел первым. Только повернул – стоит тяжелый немецкий танк – «пантера», прижавшись к стене! Как я выстрелил, не помню, даже к прицелу не приложился. Хорошо, что снаряд был заложен в казенную часть пушки. Я просто нажал на педаль. И попал очень удачно – под козырек башни. Башня набок. И тут же механик-водитель (он умер в прошлом году) сразу вправо. Я башню повернул и два снаряда в левый борт всадил. Танк загорелся, и никто не выскочил. Мы с заряжающим – он же мой ординарец – вышли из танка и стоим у стенки, ни живые, ни мертвые. Танк горит. Думаем, как же они не воспользовались своим удобным положением? Я просто инстинктивно нажал... Мы зашли во двор – там водоразборная колонка – попить воды. Стоит мужчина, лет сорока. Он вынес кружку, медную большую, с двумя ручками. Мы напились и ушли. Жители запомнили и распустили слух, что я спас театр. В газете появилась заметка с моим фото. А на сорокалетие освобождения я приехал во Львов, нашел это место, дом, зашел во двор, стою, смотрю. Тут какой-то мужчина разговаривал с женщиной, потом подошел ко мне: «Вы что-то ищете?» «Да, во время войны тут немецкий танк горел». И он вдруг говорит: «А я вас узнал!» Это был тот самый дворник! На празднике мне вручили два билета во львовский оперный театр пожизненно. Я так и не воспользовался ни разу. На днях было шестидесятилетие освобождения Львова, так они сбросили наш танк с пьедестала и все памятники залили краской. Вот тебе, дружба народов! Там есть Холм славы, где похоронены наши солдаты. Один Герой Советского Союза, два моих солдата. Я написал в муниципалитет письмо, сообщил кто я такой, что это мы освободили Львов, что там два моих солдата лежат, просил разыскать их могилы, очистить, да поклониться им по-человечески.

Еще был эпизод, про который я никогда не рассказывал – все равно никто бы не поверил, что в одну ночь можно дважды перейти линию фронта, восемь немцев уложить, двух притащить! Такого не бывает, чтобы разведчика послали в одну сторону дважды. Я сам командовал разведкой, знаю. Но вот, недавно, в архивах обнаружили мое донесение в разведотдел штаба армии, о том, что в ночь на 23 января 1945 года я дважды переходил Одер, чтобы взять языка. Сейчас это опубликовано в первом томе пятитомного издания «От солдата до генерала», выпускаемого Академией исторических наук России. Мне его прислали вместе с благодарностью за публикацию. Теперь можно и рассказать.

Я был командиром Отдельной оперативной разведывательной роты Четвертой гвардейской танковой армии. Мы вышли на Одер в 4 часа дня. Стоим. Я туда, к бугру. Стреляют редко. Зима была очень холодная, Одер замерз. Уже темнеть стало, тот берег не виден, белое все, и часов в 7 меня вызывают: «Надо языка взять». Я отобрал пять человек, сам шестой. Мог бы послать и других – у меня было 182 человека, но понял, что задание важное и пошел сам. Чтобы сапоги не скользили по льду, один солдат, Михаил Шульгин – он был сибирский охотник – предложил сделать чуни. Мы распоролы шинели, намотали на сапоги и перетянули телефонным кабелем. Перешли по льду. Тишина. Поползли вглубь от берега метров триста. Услышали шелест. Ползем дальше. Послышался разговор, и почувствовали запах курева. Еще немного, и увидели четырех немцев – дозор. Трех мы сразу уложили, а одного взяли. Но когда шли назад, немцы нас засекли и открыли стрельбу. Кое-как, все же, добрались до своих. В штабе немца свалили на пол, а он оказался мертв – во время перестрелки пуля попала в него. Сидим мы на полу, сил нет. Подошел ко мне подполковник Макшаков, наливает «наркомовские» сто грамм и говорит: «Миша, на войне всякое бывает, но язык нам нужен». Я поднял ребят: «Пошли!» Мы взяли чуть левее, метров на пятьсот от того места. Опять перешли. Ветер, лед, луна светит... Поднялись на берег, там какое-то здание барачного типа. Рядом кирпичные постройки, как сараи без окон и деревянные навесы. Присмотрелись – нигде никакого движения. Подползли к дому, двое остались на

крыльце, а мы вчетвером потихоньку открыли дверь, вошли. Длинный коридор и из него комнаты. Тепло – значит, кто-то есть. Услышали храп из-за третьей двери. Заглянули. Сидит немец, видимо дневальный, курит. Четверо лежат на нарах, рядом аккуратно автоматы стоят. Мой солдат Логинов, кузнец (сейчас живет в новгородской области, ослеп, бедный), рука у него, что молот хороший, «пригладил» немца, который сидел, а остальных мы кончили ножами. Ну, этого мы дотащили живого. Со мной шел старшина Никонов – ему дали Героя за эту операцию, а мне – орден Боевого Красного Знамени...

Потом были Берлин, Прага... Прагу легко взяли. Война кончилась, все гуляли: чехи выкатили бочки пива, вина, появились девушки. А меня вызывают в штаб армии. Оказалось, что на Запад, к американцам, уходила группировка генерала Шнейдера. Они везли документацию последних разработок военной техники и большой золотой запас. Был приказ: «В бой пехоту не пускать. Танками, авиацией и артиллерией». Обидно – война, вроде бы, кончилась, все гуляют, а мы тут... Сжимаем немцев, не даем им возможность выйти. Впереди деревня, такая аккуратная и в середине кирха со шпилем. Мы подъехали к этой деревне, идет чех один. Я спросил, есть ли немцы. Он сказал, что там никого нет. Мы въехали. Я встал у этой кирхи, а остальные машины – транспортеры и танки (у меня было 29 машин разных) – по улицам, расходящимся во все стороны от кирхи. А там, оказывается, сидели два или три смертника. Я вышел из танка и смотрю, как машины занимают свои сектора. И полетели «фаусты». Меня отбросило в сторону, только успел увидеть, что танк горит, и дальше не помню. Потом меня оттащили в скверик неподалеку. Я еще увидел, что мои ребята выволокли немцев из кирхи и вешают на дереве. Это было 16 мая. Оказался в госпитале – тяжелая контузия. Друзья после войны гуляют, а я лежу. Подлечился, но слух на одно ухо потерял, сильно заикался. Надо дать команду, а я не могу! Так со мной всегда шел мой заместитель Николай Сорокин. Я стою рядом, а он дает команду. И никто не сказал, что что-то не так! Солдаты меня жалели, потому что я с ними по-человечески поступал, берег

их, и они меня берегли. Я на рожон не лез, а всегда сначала обдумывал, куда надо идти, и это нас спасало. Я долго заикался, потом отошел, и мне дали отпуск в 46 году.

Поехал домой. Мамы уже не было, был папа. В землянке жили – ничего не было. Ребята, которые приехали в город, девушки сразу все ко мне пришли. Я жениться не собирался, но встретил там хорошую девчонку, которая мне еще до войны нравилась, и мы поженились. Нашу армию из Будапешта перевели в Германию, моя резидентура была в Берлине, и там у меня родилась дочка.

Я часто думаю, когда говорят, что евреи на войне не воевали, как такое возможно? Ведь на моих же глазах столько евреев воевало! Столько умных, чудесных людей! А вот распустили слух, и компартия поддержала, и стало это, как бы, «всем известно»... Это же ложь!.. Помню, подполковник Ладензон, из Харькова. Умный, добрый, юморист, его все любили в армии. Это крупнейший ученый-инженер. Все эти саперные части, эти мосты – это ж он! Он в любой обстановке моментально все соображал, и принимал такие решения, которые обеспечивали успех, быстрое форсирование водных преград. Погиб у меня на глазах 30 апреля 45 года. Мост, и немцы сильно обстреливали. Я вышел с машины, чтобы посмотреть, с какой стороны нам лучше подойти. А тут такой огонь посыпался, что мы залегли. А Ладензон засел в воронке. Я ему еще успел прокричать: «Товарищ подполковник, идите к нам, под мостом лучше!» И вдруг туда мина, и на куски...

Начхим Бедерман. Чудесный человек. Очень уважали танкисты инструктора политотдела армии майора Якова Лившица. Он всегда был там, где кипели бои, поддерживал и помогал воинам. Мой дядя Эля на северо-западном фронте был командиром орудия. Старший лейтенант Краснов, командир второго танкового взвода. Его сын Борис был младшим лейтенантом, окончил курсы командиров танка – это мои подчиненные. Сначала сгорел отец в танке в 44 году. Как этот мальчишка плакал! Я его успокаивал. А через два дня и он погиб...

Я делал свою работу добросовестно, выполнял приказы командира. В Победе есть и моя доля. Я не хвальнось. Но иногда мне задавали вопросы, глядя на награды: «Да, может, в штабе работал, набрал себе!» «А что, штабные работники не были под бомбами?» Но я-то все время был на передовой, на самом краю, первым!

До сих пор у меня постоянная связь с моими, с теми, кто остался жив. Раньше на праздники писал 83 открытки. Сейчас – 21. Остальных уже нет, уходят... Вот в воскресенье позвонили из Перми, сообщили, что в городе Кунгуре младший лейтенант, командир танка Шамшинов умер...

В прошлом году была встреча ветеранов нашей Четвертой танковой армии – я ехать не мог. У меня столько всего – фронтовые раны напоминают ежедневно, не дают покоя. Колено болит, голеностопный сустав разбит, удалена селезенка с осколком, который сидел там 53 года, поясница – остеохондроз, там тоже что-то сидит, контузия давит... Но не унываю, надеюсь на лучшее.

Да, боевые награды просто так не даются: за все заплачено сполна...

- 2 ордена «Боевого Красного Знамени»
- Орден «Отечественной войны I степени»
- Орден «Отечественной войны II степени»
- Орден «Красной Звезды»
- Медали: «За отвагу»
- «За боевые заслуги»
- «За взятие Берлина»
- «За освобождение Праги»
- «За Орловско-Курскую битву»
- «За оборону Сталинграда»
- И много других...
- Почетный ветеран бронетанковых войск.

Хенкин Савелий Хонанович

Савелий Хенкин – известный врач, более тридцати лет возглавлявший урологическое отделение Республиканской больницы, организатор урологической службы Карелии, заслуженный врач РСФСР, заслуженный врач КАС-СР, член правления религиозной общины.

Сегодня он рассказывает о себе и своем военном прошлом.

Родился я в Смоленске, хотя вся моя родня по материнской линии из еврейского местечка Рудня, что под Смоленском. Почти каждое лето вся наша большая семья собиралась там. Дед – из николаевских солдат, кузнец, прослужил лет 20, был очень набожным, соблюдал все еврейские законы. Поразительно, что он смог сохранить в себе это, пройдя через русскую армию. Демобилизовавшись, возглавлял хевра кадиша – похоронное братство. Мой папа – портной. Был мобилизован в армию в 13-м году, с первых дней войны был в Брусиловской армии. На фронте получил отравление газами. Еврей-фельдфебель, Георгиевский кавалер. В Смоленске папа работал у своего дяди – у них была совместная мастерская. В доме всем руководила бабушка, у нее было 13 детей, и весь дом был на ней: деду было некогда – он молился. (Первые деньги, которые я получил в училище, я послал именно бабушке.) Дети стали подрастать, и моя мама помогала их воспитывать. Она была портнихой-белошвейкой. Шила на дому – ее приглашали на несколько дней, она там жила и шила. Мама всю жизнь много помогала своим братьям и сестрам. Дома у нас тоже главой была мама, папа только добывал деньги, а все остальное – на маме. Когда дядю раскулачили – при нэпе он взял в аренду яблоневый сад – так именно мама в Москву поехала к Калинину хлопотать за него.

Когда в 1932 году в Смоленске начался голод, мы переехали в Ленинград – там жила папина сестра, моя тетя, и все разместились в ее большой комнате на углу Литейного и Некрасова. Уже позже мама купила маленькую комнатку в 13 метров у спившегося хозяина (как оказалось, он был из князей Милославских), потом менялись несколько раз, и перед войной у нас была большая в 45 метров, с четырьмя окнами комната на ул. Каляева (Захарьевской), отделанная мореным дубом. Там раньше было пограничное управления, и это, очевидно, был чей-то кабинет. Отсюда я и ушел на фронт.

– Как это произошло?

Я окончил десятилетку. Накануне начала войны, 21 июня, у нас был выпускной вечер. Был очень хороший светлый день, все пошли гулять на Неву. Часа в 3 ночи мы увидели, что по Неве идут подлодки в сторону Ладоги, но не придали этому значения. Я лег спать, встал поздно, часов в 12. Слышу – мама плачет. Война! Хотя тогда все думали, что это ненадолго: мы же Германию... Паники в городе не было. Я с мальчишками побежал в военкомат, нас оттуда выгнали – не до вас: мы тут сейчас с пятидесятилетними разбираемся. Над Ленинградом появились аэростаты. Начали приходить повестки. Через два дня пришла повестка и нам: сдать транспортное средство – велосипед.

У меня с детства была тяга к медицине, думал учиться в военно-медицинской академии. Но там тогда набора не было. Мне посоветовали пойти в военно-медицинское училище, которое располагалось напротив Витебского вокзала, где готовили фельдшеров. Я показал аттестат, прошел военную комиссию, и меня приняли. Тут приказ Ворошилова: «Ленинград в опасности, ни шагу назад!» Был июль месяц, числа 12-го нас поднимают по тревоге, и посылают под Пулковку копать окопы, других – под Лугу. Мне тогда еще не исполнилось восемнадцати лет. Копали мы дней 5-6. Начались бомбежки. Привезли обратно в училище, и в конце июля приказ: все училища из Ленинграда эвакуировать. На Финляндском вокзале нас погрузили в те-

плушки и повезли куда-то в сторону Тихвина. Куда точно – мы не знали. Кругом уже бомбили, но в наш эшелон попадания не было. Недели две мы тащились, пропуская эшелоны, шедшие на фронт, и оказались в Омске. Город тыловой. Там было медицинское училище, на базе которого расположились несколько эвакуированных училищ, одно из них – Первое ленинградское медицинское училище, где я и учился. Кормили так: утром каша перловая, вечером каша овсяная и хлебная пайка. Проучились восемь месяцев вместо трех с половиной лет. Нам смогли дать только самые необходимые, элементарные знания: как оказать первую помощь, наложить жгут, развернуть медпункт и пр. В марте 42-го состоялся выпуск.

Меня спросили, на какой фронт хочу. Я ответил: «На ленинградский». Направили на западный фронт, в штаб фронта в Москву. Там уже нас начали раскидывать по армиям. Мне предложили остаться в госпитале, где был сортировочный пункт. Но я отказался, сказав, что хочу на фронт. Нас, человек восемь, послали в 20-ю армию под Волоколамск. Первоначально она стояла на границе, отступала, дошла до Вязьмы, была разбита, переформирована, и оказалась под Москвой. Командовал армией генерал Крейзер.

Туда я и прибыл, и меня отправили в 8-й гвардейский корпус, в 150-ю бригаду, которой командовал генерал Рохлин. (Она потом вошла в дивизию, бравшую Рейхстаг, но я был уже в другой части.) Попал в минометный полк командиром санитарного взвода. Я – старший фельдшер, два санинструктора, две медсестры и санитарка.

Тогда готовилось наступление на Ржев. Мы были в блиндаже с несколькими офицерами. И вдруг снаряд прямо в наш блиндаж. Я не помню ничего. Нас откопали, несколько человек погибли. Когда меня доставали, мне показалось, что был очень яркий свет, и цветы какие-то невероятные! У меня отнялась речь, постоянно шумело в ушах, ночи не спал... Контузия. Хотели эвакуировать, но я отказался. Отправили в Москву на консультацию. Пробыл недолго, предложили «списать», но я опять отказался. Немного подлечили и отправили обратно в ту

же часть. Я не мог говорить месяца три. Со временем постепенно речь стала восстанавливаться, но до сих пор, стоит немного поволноваться, как появляется спазм, и я не могу сказать ни слова.

Потом началось большое наступление на Ржев. Там были тяжелые бои, очень много раненых. На одном участке на реке Вазузе стоял монастырь Хлепень. Немцы свой высокий берег облили водой, и все превратилось в сплошной лед. А приказ: «Наступать!» Мы месяц не могли ничего сделать. Тогда прислали батальон штрафников. Им сказали: «Возьмете Хлепень – всех подчистую». Среди них процентов пятьдесят были уже в возрасте: бывшие военные, полковники, один генерал был, много евреев из политработников и т.д. – одним словом – политические. Подослали «Катюши», и взяли! А у многих даже автоматов не было, с винтовками старыми шли, ружья противотанковые – на двоих одно. Немцы бомбили по-страшному. Реки крови. Сколько там осталось навсегда! Как меня там не убило? Наверное, судьба. (Вообще, об отношении к жизням солдатским во время войны сейчас много написано. Чего стоит, например, крылатая фраза: «Оружие добудете в бою!» Я помню, как после Ржева нас отправили на пополнение. Пополнили таджиками, а они по-русски не понимают. Когда спросили командира, как же они будут воевать, тот ответил: «Ничего, лишнюю пулю задержат!»)

– Вы верите в судьбу?

Конечно! Ведь сколько было случаев, когда, казалось, невозможно уцелеть. Но, вопреки всякой логике, жив! Например, шел с передовой, стемнело. И вдруг прямо над головой вой, и шлеп рядом – мина! И вертится... Я как стоял, так и остался стоять, смотрю как замороженный. Она повертелась, повертелась, но не разорвалась. Я подошел, пощупал – еще горячая...

В другой раз сiju, пишу письмо маме (ее эвакуировали по Ладогe в Башкирию). А у меня была двуколка, чтобы раненых вывозить, лошадь, медикаменты всякие. Падает снаряд, и я

чувствую, что весь мокрый, пахнет лекарствами. Оглянулся – вокруг кровь, лошадь убита, все разворочено, а меня даже не задело...

Однажды звонит командир: «Сообщили из разведроты: разведчик ранен, лежит на нейтралке. Его вынести надо». «Есть!» Спросил только: «Какие ориентиры?» А мне: «Иди, сам найдешь». Пополз по минному полю. Дополз, а у него очень редкое ранение в шею. Обычно от этого погибают, а он дышит и клочечет кровью. Нас в училище этому не учили. Я беру пакеты, перевязал через подмышку. (Очень часто приходилось принимать решения тут же, на месте, и решения неординарные). Тащил я его шесть часов. Лег набок, положил его на одну ногу и так подтягивал. Но главное – надо было его вытащить вместе с оружием! Оружие ни в коем случае бросать нельзя было, любой ценой, даже ценой жизни! А поле минировано. Как на эти мины не напольз, не знаю. Каким-то чутьем, я о них даже не думал – мне надо было вынести раненого. Дальше уже отправили его на собачьей упряжке, типа детских санок. Я даже фамилию его запомнил – Петухов...

Одну девушку спас, у нее было тяжелое ранение в живот. Тоже с нейтралки. Вытащил я с поля боя 37 раненых! Все это под огнем, и каждый раз – особый случай, своя маленькая история...

Или под Шяуляем (это уже Первый прибалтийский фронт), там тоже шли тяжелые бои, два раза брали. И оказалось, что наши части ушли вперед, а те, которые не успели переместиться, остались на местах, среди них и наш минометный полк. А немцы неожиданно разгрузились совсем рядом. Нам приказ: «Ни шагу назад!» Вырыли окопчики. Сидим в них, и у нас мина противотанковая на веревке метров за пять от себя. Нас научили: «Видишь, танк идет – и ты подтягиваешь эту мину под танк». Что от тебя после этого останется – всем понятно. Мы уже все попрощались друг с другом. Но подоспела наша дивизия, и они прямо через наши головы пошли...

– *Вот тут Ваши награды...*

Да, я награжден орденом «Отечественной войны» второй степени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», есть и другие награды, был представлен к ордену Красного знамени. Однажды после боя, когда из минометного полка осталось человек пятнадцать, нас всех построили: «Надо решить: или всех к награде, или в партию». Ну, понятно, в партию!

– *А медаль «За взятие Кенигсберга»...*

Да, после Литвы, мы повернули на Кенигсберг.

Ко мне подошла девушка: «Вы сейчас наступайте на Таураге. Там у меня дедушка был раввином. Прихожане отдали ему все свои ценности, он спрятал и сказал, что тот, кто останется живым, пусть заберет. Я нарисую вам место, где это все спрятано». Я отказался, сам не знал, где буду. Когда освободили город, появилось местное население. Многие были в концлагерях, кого-то прятали литовцы. Я сам видел несколько еврейских семей, которых литовцы спасли: «воровали» их из Вильнюсского гетто и по ксендзам передавали.

Подошли к реке Прегель. Надо было переправляться. Уже была ранняя весна. На мне шуба, сумка, автомат, за спиной шины (для накладывания при переломах). Мы, несколько человек, сколотили из выброшенных шкафов плот и стали переправляться. Но недалеко разорвалась мина, поднявшая большую волну, и мы все оказались в ледяной воде. Не всем удалось выплыть... С нами был минер, причем ему было уже под пятьдесят, так у него на спине была «плита» от миномета (оружие бросать нельзя!), это килограммов восемьдесят. Когда мы выбрались на берег, я решил, что он погиб, но он выплыл вместе с этой плитой!!!

Первая атака на Кенигсберг захлебнулась. Через месяц второе наступление.

За это время сменились командующие: сначала был генерал армии Черняховский (он погиб, и сейчас там город Черняховск), затем генерал армии Баграмян, потом – маршал Василевский, и на самый штурм уже назначили маршала Жукова.

Кенигсберг – город-крепость. Сооружения построены еще в конце XIX века, целая система фортов, с подземными переходами, связывающими их все в единую систему. Считалась неприступной. И действительно, когда уже взяли, было непонятно, как это удалось. Каждый форт, кроме надземной части, имел еще несколько этажей подземных, многие окружены рвами, наполненными водой. Расположены таким образом, что простреливалось все вокруг. И все же, взяли. Пятнадцать человек получили звание Героев.

Когда взяли крепость, больших боев уже не было. (Подземный бункер, где была подписана капитуляция, находится в центре города и сейчас в нем музей.) Там для нас окончилась война 25 апреля. Сказали, что в городе все отравлено, ничего там не есть, не пить. Под расписку: если рядовой что-нибудь съест, то расстреляют командира. Но потом выяснилось, когда комендант сдался в плен, что действительно, был такой приказ, но его не выполнили. И тут началась попойка, мародерство, насилия. Начальство начало вывозить машинами барахло. Нам тоже разрешили отправить одну посылку. Я отправил домой немецкое мыло пополам с глиной, консервы, которые нам давали.

Закончилась война. Нестроевых и тех, кто старше 50-ти лет отправили в резерв, часть – на войну с Японией. Нас послали в Литву – ловить «лесных братьев». Они хорошо были подготовлены для партизанской войны. Много жертв было. Так что я еще год воевал после войны.

– Окончилась война. Что дальше?

Что дальше? Я – старший лейтенант (уже много позже имел звание подполковника медицинской службы), кадровый военный. Подаю рапорт на учебу в Академию. Сдал одиннадцать

экзаменов, прошел все медицинские комиссии, признали годным. Но меня вызывают и сообщают, что повторная заочная комиссия забраковала. Тогда прошу уволить из армии, но мне говорят, что я еще могу служить. «Как же так – учиться не могу, а служить могу?» «Не разговаривать! Кругом!..»

Со мной вместе поступал Герой Советского Союза, еврей (забыл фамилию). Подружились. Он сказал: «Пришел приказ евреев не принимать, всех будут назад отправлять. Я-то поступлю, но я один. Увольняться тебе надо. Начальник отдела кадров медицинской службы армии генерал Волынкин сейчас навеселе, ты подойди к нему, а я его подготовлю». Я – к нему. Тот: «Чего хочешь?» «Хочу уволиться и учиться». «Приходи завтра». Прихожу завтра, а он: «Кто такой?» Не помнит. Я объяснил. «Ну, ладно, я уже опохмелился, добрый. Пиши бумагу». И подписал: «Удовлетворить. Волынкин».

А уже октябрь месяц, учеба идет. Поехал в Первый медицинский институт. К счастью, директор института был в отпуске, а вместо него профессор Хвеливицкая (психиатр), еврейка. Я ей все объяснил, показал бумагу с экзаменационными отметками. «А что, не взяли еврея? Ха, ха, ха!» Тут же написала: «Принять». Вызвала декана, а та тоже еврейка. Посмеялись. Так я поступил в институт. Начал учиться. Учился хорошо, висел на Доске почета, был председателем профкома института...

Но это уже другая история.

Клейн Нисон- Борух Янкелевич

Родился я в Днепропетровске на Резничной улице в 1923 году. Мать – из местечка Лоева, что недалеко от города Речицы, а отец из Херсонской губернии. Как они встретились, не знаю. В семье было пятеро детей, я старший, и все самое главное в воспитании мне дала семья, отец и мать. Учился хорошо, рос не хулиганом, но за себя постоять мог. Мамина фамилия – Тама-

рова, звали ее Бася. Мама была мудрой женщиной, хотя и безграмотная, держала всю семью в руках. Отец окончил 4 класса хедера. Во время коллективизации на селе вступил в партию, кандидатом. Так и остался кандидатом до конца дней. Родители не были расписаны, жили в гражданском браке. Я думаю, из-за того, что надо было учить детей: в то время дети рабочих учились бесплатно. Мама работала грузчиком на хлебозаводе. Голод был, так она каждый день имела буханку хлеба. А отец работал кузнецом в артели и считался артельщиком, кустарем, поэтому, если бы они были расписаны, пришлось бы платить за учебу детей. Потом уже после войны, когда мне исполнился 41 год, они расписались. После того, как родился я с сестрой, у них 13 лет не было детей, потом родились еще трое. Я их с удовольствием нянчил. С детства я мечтал стать моряком, и с 7-го класса начал посещать кружок Юных моряков во Дворце пионеров. Мне нравилась морская форма, хождение на шлюпках под веслами и парусами, флажный семафор, азбука Морзе. Физически я был не очень – худощавый. Но я единственный на всей нашей улице окончил 10 классов. Тогда уже с 5-ю классами брали учить на шоферов, а с 7-ю – считался «академиком». В 1939 году вышел Ворошиловский указ – после 10-го класса призывали в армию или в военное училище. В 1940 году впервые был объ-

явлен открытый набор в Военно-морское училище. В то время это все было засекречено: туда брали не через военкомат, а по спецнабору из институтов после двух-трех курсов, а тут вдруг – открытый набор. Тогда это звучало: Высшее военно-морское ордена Ленина Краснознаменное училище имени М.В. Фрунзе! Высшее образование! И практика после 4 курса полугодовая (а сухопутные училища давали среднее техническое). Я в школе не был отличником, но учился хорошо, и решил поступать. Сначала надо было пройти медицинскую комиссию – отсеяли всех негодных. Потом сдавали 12 экзаменов за 4 дня! Надо было принять триста человек, а приехало около трех тысяч! По три-четыре экзамена в день! Алгебра, геометрия, тригонометрия, арифметика – устно и письменно. Русский язык и литература – устно и письменно. Географию сдавали по контурной карте, чтобы было сложнее. Физика, химия, астрономия, иностранный язык. На экзамене по иностранному языку (в школе я учил немецкий) меня просят рассказать свою биографию. Говоря об отце, я забыл, как кузнец по-немецки и говорю – слесарь. Но, главное, без запинки, и все прошло. Среди нас было свыше 200 золотых медалистов, которые имели право поступления без экзаменов, но мандатная комиссия приняла решение, чтобы экзамены сдавали все. Из нашего класса поступали 4 человека, и только один не прошел по медкомиссии, а трое поступили – два еврея, один немец. Вообще, среди поступивших процентов 10 были евреи. И раз уж попали, так учились на совесть.

Когда я поступил в училище, мне исполнилось 17 лет. Отучились год и даже пошли на учебном корабле «Комсомолец» на Балтику на штурманскую плавательную практику в самом начале июня. А уже 17 июня командир отряда учебных кораблей получил приказ: за меридиан Таллинна не выходить. (Штаб флота уже знал, что будет война. Чуть раньше комфлота даже получил «фитиля» за то, что посадили немецкий самолет-разведчик за нарушение границы. Тогда появилось известное опровержение ТАСС от 14 июня 1941 года: «... слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...») Мы галсами дошли до Выборга. Там собралось несколько транспортов, и в сопровождении морских охотни-

ков караван кораблей пришел в Кронштадт. Войну встретили в Кронштадте, на борту. Пробыли там всего пару дней, впервые пережили налет немецкой авиации – самолетов около 200. А у нас корабль учебный, более 10000 тонн водоизмещением, человек 500 на борту, стрелять нечем. За налетом мы только наблюдали, грохот от стрельбы и разрывов бомб был ужасный, но на корабле потерь не было. А наша вторая рота почти полностью погибла во время перехода кораблей флота из Таллинна в Кронштадт в конце августа 1941 года. Они на эсминце проходили практику. Немецкая подводная лодка торпедировала крейсер «Киров», а эсминец подставил свой борт под эту торпеду, чтоб спасти крейсер.

Нас срочно посадили на катера, и в Питер, в училище. Часть училища, более старших курсантов, эвакуировали, отправили доучиваться в Астрахань и Баку, а из нас, младших, была создана отдельная курсантская бригада и 5 июля брошена на Ленинградский фронт. Обмундирование такое: верх – моряцкий, низ – солдатский, ноги – в обмотках. Мы вместе с войсками отступали до Ленинграда. 8 сентября началась блокада. В конце сентября нас повезли к маяку Осиновец, на западном берегу Ладоги. От него до села Кабоны – Дорога жизни. Пришло несколько барж, и на них погрузили примерно 1000 курсантов, преподавателей Военно-морской медицинской академии и их семьи. Буксир пошел на Кабоны. Поднялся шторм, и эти старые деревянные баржи разбило в пух и прах, и никто не спасся. (Сейчас на этом месте поставлен обелиск и вокруг на плитах выбиты имена погибших). А мы сидим и ждем, когда эти баржи вернуться за нами. Три дня прождали, и нас поездом обратно в Ленинград – учиться, нести патрульную службу, охранять объекты.

Однажды пригнали баржу с мукой и поставили у моста Лейтенанта Шмидта, а училище – напротив. Я стоял на посту, охранял баржу. Рядом ящик с песком. Налет самолетов. Я – за ящик. Ни в баржу, ни в меня не попали, но я видел, как вокруг гибли люди.

Несколько раз нас выстраивали и командовали: «Добровольцы на Невскую Дубровку!» Все делали шаг вперед. Командир роты идет: «Пойдешь ты, ты и ты. Остальные – шаг назад!» И в следующий раз так же, и в следующий... Тех, кто уходил, мы больше не видели. (Когда мы собрались через 25 лет после окончания училища, в 1969 году, я спросил своего товарища Витю Поршнева, контр-адмирала Северного флота: «Мы же все делали шаг вперед. Почему нас не брали?» Он ответил: «Как же ты не понимаешь, Боря? Какой командир роты отдаст хорошего курсанта?» Вот так, из-за того, что хорошо учился, не попал в «мясорубку»).

Когда Ладога замерзла, нас решили эвакуировать. В самом начале января 1942 года собрали курсантов со всех училищ, тысячи полторы, и пешком по льду 36 километров. Дует встречный норд-ост, темнота, мы голодные, физически слабые. До Кабон шли 18 часов, а оттуда еще 400 километров до Тихвина, там нас посадили в теплушки – и в Баку. В Баку нас отмыли, подлечили, откормили.

Собрали остатки трех училищ, и началась учеба. Из Баку курсантов тоже брали, но уже под Сталинград и на Северный Кавказ. А учебная практика проходила на боевых кораблях Черноморского и Северного флотов. В начале учебы было человек 800, а выпустили в апреле 1944 года всего 160 человек. Остальные – это наши потери. В 1943 году во время боевой практики я служил на кораблях Черноморского флота – на тральщике «Защитник» и гвардейском крейсере «Красный Кавказ». После окончания училища был направлен на Балтику командиром катера СКА 12. В нашем дивизионе я был самым молодым командиром, самым неопытным. Участвовал в высадке десанта на финские острова, обеспечении боевого траления, в охране подводных лодок и кораблей, даже в торпедных атаках – для массовости. Дело в том, что наш катер был точной копией торпедного, только он уже выработал свои моторесурсы. Обычно в атаку шли четыре настоящих торпедных катера и четыре таких, как наш.

Особенно запомнилась операция в конце июля 1944 года. Получил приказ: «Товарищ лейтенант, пойдите к острову Сомерс, подойдете на 5 кабельтовых (900 метров), вызовите на себя огонь финских батарей, засечете их». Это же почти на верную смерть! Но приказ надо выполнять. Я думал, что пойдет со мной командир звена, как опытный. Но он сказал: «Сходи сам». Потом уже, после операции, узнал, что старшины собрались в кубрике и сказали: «С пацаном пойдём, с пацаном и погибнем». Ну, пошли. Старшему на рейде флагману на СКР «Туча» передаю семафором: «Иду к острову Сомерс, прошу поддержать меня огнем», – чтобы они хоть отвлекли на себя часть артогня. На море штиль, солнце, видимость 10 миль, мы как на ладони. Скорость 32 узла. Финны нас обнаружили, начали обстрел, вокруг стали рваться снаряды. Мы поставили дымовую завесу, развернулись, и из-под завесы пошли к острову. Сам стою у штурвала. Капитан – арт-разведчик наносит на карту огневые точки противника. От снарядов снова уходим под завесу. Так выходили раз пять. Подошел радист: «Товарищ командир, рация не работает». И тут снаряд угодил прямо в радиорубку! Мне докладывают, что с левого борта пробоина. Приказываю перенести глубинные бомбы на правый борт, чтобы создать крен и вытащить из-под воды пробоину. На горизонте появились несколько финских катеров, каждый из которых гораздо сильнее меня. Я развернулся, поставил дымовую завесу – и к своим, на остров Лавенсаари. Пришел, отшвартовался. Все удивлены – уже попрощались. А мы не потеряли тогда ни одного человека! Докладываю командиру звена: «Задание выполнено». Он говорит: «Кто у тебя не награжден, представь к награде. Тебя награждать не будем – не каждую же неделю тебе орден давать». (В то время был приказ Сталина как можно меньше евреев представлять к правительственным наградам. А я за неделю до этого участвовал в операции по высадке десанта на финские острова, и был награжден орденом Красной Звезды). Отвечаю: «Мне бы орден жизни!» Об этой операции написали в газете «Красный Балтийский флот» за 12 августа 1944 года: «Рейд к вражескому острову».

Затем участвовал в высадке десанта на остров Гогланд – там был немецкий гарнизон. Так пока мы шли по шхерам со своим

десантом, финны всех немцев вырезали сами. Мы пришли, а в бухте уже плавают немецкие трупы.

В начале 1945 года мой катер поставили на ремонт в Ленинграде. Мы жили в казарме на острове Голодай. Иногда в казарме устраивали танцы. Как сейчас помню день 31 марта. Заходят две девушки. Мой друг, показывая на одну из них, говорит: «Вот, Боря, тебе подруга». Я танцор заядлый, еще со школы (и сейчас люблю потанцевать). Пригласил. Танцует хорошо, на вид интересная. Потанцевали, разговорились, проводил. Оказывается, ей 21 год, зовут Женя, круглая сирота. Всю блокаду – в Ленинграде от звонка до звонка, работает на заводе. На следующий день пригласила меня в гости. Чистенькая комнатка в коммуналке, сама аккуратная. Стали встречаться. Сделал предложение, и 13 апреля пошли в ЗАГС и расписались. (В этом году исполнится 60 лет совместной жизни). А 14-го я уже уехал в Пярну на катер.

Я стал старпомом на морской бронированной канонерской лодке. На ней стояли две танковые 76-ти миллиметровые башни, два зенитных орудия. 8 мая 1945 года нам была дана команда идти к вражескому берегу, где засели 22 немецкие дивизии, зажатые со всех сторон (это Курляндская группировка) и произвести артиллерийский налет на железнодорожный узел и радиолокационную станцию. Подошли к 22 часам, отстрелялись, и около 23 часов пошли в сторону Риги. Но только отошли, получаем приказ вернуться к берегу и весь боезапас, который на борту, до 24 часов выпустить по врагу. Пришли в Ригу уже утром 9-го, а там празднуют Победу! Ну, конечно, за водкой. Но надо было заправляться. Принимаем бензин, а шланги парусиновые, протекают. К нам пришел флагманский механик Рижской военно-морской базы, инженер, капитан первого ранга.

После угощения он вышел на палубу, закурил и бросил спичку. Загорелось бензиновое пятно, огонь стал распространяться. Все вмиг отрезвели! Успели сорвать с орудия брезент и накрыли пламя. Вот так день Победы для нас чуть не обернулся трагедией.

После войны, в 1945 году, стали делить немецкий флот, я участвовал в приемке этого флота. Мне 22 года, эйфория после

победы, в обстановке как следует не разбирался. Решил похватать перед немолодым уже немецким офицером, который сдавал мне корабль: «Во, как наш Сталин дал вашему Гитлеру!» А он мне: «Что наш Гитлер, что ваш Сталин – это одно и то же». Я его тогда чуть не побил. Только потом стал понимать, что он был прав.

Война закончилась, но я остался в строю – занимался боевым тралением на Балтике. Балтика – море сравнительно мелкое, там мины ставили любые: донные, акустические, якорные, магнитные. Моряки называли Балтику «суп с клецками». Все, как на войне, даже служба шла год за два. Подрывались. Награждали за участие в боевом тралении. Меня – нет. Тогда был такой период – евреев не очень жаловали.

В 1946 году летом в Лиепае мне надо было выходить в море, в дозор, а жена на борту, беременная, уже большой срок. Я ее в роддом, а сам – в город искать квартиру. Вижу – на машину грузят вещи. Говорят, что съезжают. Посмотрел – однокомнатная, подходящая. Я – на корабль, беру с собой трех вооруженных матросов, и туда. Ребята помогли, что-то подмазали, что-то прибили, что-то притащили. В июне родилась дочка. У нас был большой чемодан, мы его застелили, приспособили, и он стал кроваткой для дочки – Ларисоньки. Моряки называли ее: «Наша морячка».

Я хотел расти по службе, быть адмиралом. Жив остался, мне 25 лет, амбициозный, войну прошел хорошо, имею боевые награды, знания есть, все нормально. Подал заявление на высшие курсы офицерского состава, потому что без них роста не будет. Это 1948-й год, у меня уже двое детей. Допустили к экзаменам, повез жену с детьми в Ленинград, благо у нас там была комната. Вступительные экзамены сдал лучше всех – я так хотел учиться! Приняли с двойками, а меня с моими пятерками отчислили: пресловутая пятая графа! Тогда уже разворачивалась государственная антисемитская кампания. И это после такой войны! Из нашей семьи погиб 21 человек: папины сестры, мамины сестры, их дети – все. Старший брат отца Моисей отказался

бежать из Днепропетровска, сказав, что немцы его не тронут. Так и погиб с женой и двумя девочками. У папиной младшей сестры Хаси дети могли убежать, когда их уже вели (это рассказали очевидцы), но она сказала: «Нет, мы будем все вместе»...

Мне как будто обрезали крылья, я очень переживал!.. Вернулся на флот, правда, с повышением: был помощником командира корабля – стал командиром корабля на электромагнитных тральщиках. До 1951 года – в плавсоставе, после, по состоянию здоровья, – в береговых частях. В августе 1957 года направили служить начальником морского клуба ДОСААФ в Петрозаводск. С января 1959 года работал в Беломорско-Онежском пароходстве и закончил трудовую деятельность в 1998 году в возрасте 75 лет!..

Борис Яковлевич имеет боевые награды: два ордена Отечественной войны 2 степени; два ордена Красной Звезды; медали За боевые заслуги, За Оборону Ленинграда, За победу над Германией. Награжден множеством медалей за труд и службу в вооруженных силах.

Когда образовалось Петрозаводское общество еврейской культуры Шалом, стал его первым председателем. Много сделал для возрождения общины на первом, таком трудном этапе. Всегда очень по-доброму отзывается обо всех, с кем ему приходилось общаться или сотрудничать. И ему люди отвечают любовью за любовь.

Левин Ефим Лейбович

Родился я в 1916 году в местечке Струмень, что на реке Сож (приток Днепра) Гомельской губернии в ортодоксальной семье. Отец, Левин Лейба Меерович, был шойхетом и моэлем (ритуально резал животных и делал обрезание). У него было полное собрание Талмуда, и все вечера он просиживал за ним. Много денег собирал на ешиву. Мать Хася Янкелевна – домохозяйка. В

семье было 17 детей, но многие умерли. Осталось пять – три девочки и два мальчика. (Уже после войны одна моя сестра уехала в Америку, две других – в Израиль.) Дни рождения у нас все перепутаны – младшая сестра стала старшей... Дети ведь рождались каждый год, так собирали за три-четыре года и ездили записывать метрики в Корму, где был казенный раввин. Мы ведь дни рождения не отмечали, так что эти записи нам были не нужны. Но у меня единственного все правильно записано, даже день брит-милы.

Из-за постоянных погромов и бандитских нападений – местечко переходило из рук в руки то к белым, то к красным, а громили все – семья перебралась в город Сновск, близ Чернигова. Перед этим отец чудом остался жив: его хотели забрать в армию, даже не знаю в какую, и когда за ним пришли, он спрятался на чердаке. Его искали, пытались зажигать свечи, чтобы разглядеть что-нибудь в темноте, но свечи каждый раз гасли! Так и уехали. Если бы нашли – расстреляли.

В Сновске была большая еврейская община, три синагоги и ешива (сейчас от всего этого ничего не осталось), которой руко-

водил ученик известного гаона Хофец-Хаима из Бердичева, считавшегося святым. В пятилетнем возрасте меня отдали учиться в хедер к ребе Ваксману, который собрал 16 детей от 5 до 18 лет. Учили Хумаш, лошн-кодеш и дикдук (ивритскую грамматику). Однажды мы пришли, а у дверей стоит милиционер и никого не пропускает. Хедер закрыли, и со мной стал заниматься Шимон Требник, впоследствии руководивший ешивой в Москве (его брат – Нохим Требник после войны руководил ешивой в Париже). Он учил со мной Хумаш с комментариями Раши, Шульхан Арух и Гемару. У меня до сих пор хранится Танах, подписанный им мне на память.

Тогда было принято, чтобы каждая семья раз в неделю кормила ешиботников, которых отправляли на учебу из других мест, и у нас дома их тоже принимали. В семье говорили только на идиш, и русского я не знал. Отец не хотел, чтобы мы учились в школе, потому что там занятия были и по Субботам, и пришлось бы нарушать Субботу, хотя сам помог дочери Шимона окончить институт. (Вообще, мой отец много делал для общины, был известным общинным деятелем, и когда он скончался в 1966 году, זיכרונו לברכה, по израильскому радио даже было сообщение о его кончине). Дети других раввинов учились, а мы – нет. Я очень завидовал своим товарищам, которые учились в школах и имели возможность поступать на работу и на учебу в институты, а я был совершенно неграмотный, даже не мог расписаться по-русски, и вместо подписи ставил черточку. Из-за того, что мы не учились в школе, отцу приходилось платить довольно крупный штраф, но он стоял на своем, а русскому решил обучить нас другим способом: нанял бывшую помещицу, и я с младшим братом три раза в неделю ходил к ней домой заниматься языком. Но она сама оказалась малограмотной, и учила нас довольно оригинально: ставила меня посередине комнаты – это я изображал солнце, а брата водила вокруг – он изображал Землю – и приговаривала: «День да ночь – сутки прочь». Так что за год такой «учебы» мы не научились даже читать по слогам. Поскольку отец был служителем культа, он был лишен права голоса, и поэтому для нас, детей лишенца, были закрыты все дороги на учебу, работу и даже на прописку и жизнь в круп-

ных городах. И все же, в 15 лет я без разрешения родителей, практически сбежал из дома в город Гомель – это в 90 километров от Сновска. Там жили три моих тетки, но я устроился в общежитии. Мне удалось скрыть свое социальное происхождение (лишенца) и устроиться учеником слесаря на электростанцию. Там меня, как совершенно неграмотного, направили учиться в начальную школу по ликвидации безграмотности (ликбез). И тогда я понял, что мне обязательно нужно учиться. Собрал все школьные учебники и просиживал над ними дни и ночи. Работающие со мной на электростанции, посмеивались: «Вот хитрые евреи: вместо того, чтобы выпить с нами, все учатся чему-то». Через год, сдав экзамены за шесть классов, поступил в ФЗУ (фабрично-заводское училище) и выучился на машиниста паровой турбины и электромонтера. После этого уехал жить к сестре в Лосиноостровск, под Москву. Там продолжил учебу в вечерней школе и на рабфаке (рабочий факультет), работал электриком.

В июне 1940 года Мытищинским райвоенкоматом был призван на действительную военную службу, которую проходил в 112 запасном стрелковом полку, 52 стрелковой дивизии, 14 армии в Мончегорске Мурманской области. Был там первым номером на станковом пулемете («Максим») в 3 пулеметной роте. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года дежурил у пулемета на зенитном станке и мне командир взвода сказал, что началась война, вражеские самолеты летят на Мурманск, и если мне удастся сбить самолет, то сразу получу орден. Но самолеты летели не через нас. Полк подняли по тревоге и утром 22 июня мы уже оказались на фронте на Мурманском направлении в районе Западная Лица.

Надо сказать, что к войне мы были совершенно не готовы. Немцы летали прямо над головой на бреющем полете! Своих самолетов мы не видели. Только мы переправились через залив, наши кухни разбомбили. Четыре дня голодали, пока не подвезли новые кухни, питались ягодой – голубикой. Никакого руководства мы не чувствовали, перебивались, кто как мог. Наш старшина заставлял надраивать котелки до блеска (иногда мы старались

даже не кушать, чтобы только не возиться с этими котелками). А солнце тогда не заходило, и при налетах авиации котелки эти блестяли, выдавая нас. Самолеты появлялись неожиданно из-за сопки – отбомбят и сразу вверх, мы не успевали даже стрелнуть. Лишь после нескольких таких налетов, стоивших многих жизней солдатских, нам разрешили замазать эти злосчастные котелки. Однажды привезли пополнение, так их не успели даже переписать, как всех перебили. Вот так и пропадали «без вести». Никто не знал, куда делись. Настолько все было не организовано, что только месяцев через 5 началась хоть какая-то оборона.

Мы держали оборону в Западной Лице на берегу. Кроме бомбежек, нас обстреливали из-за сопки минометами. Когда мины разрываются в скалах, такой жуткий звук, что я его помню до сих пор. Я командовал отделением станковых пулеметчиков. У нас были «Максимы» на станке Соколова, на колесиках и на зенитном станке. И вот мина разрывается совсем близко от нашего пулемета. Второй номер, который лежал рядом со мной, убит, я серьезно ранен осколком в левую руку. А я – левша! На маленьком рыболовном сейнере меня перевезли в Североморск. Помню, как в Североморске ходил политрук и просил, чтобы мы не рассказывали нашим, что видели там, на войне.

Сначала лечили в Мурманске. У меня было очень много осколков. Затем повезли поездом до Кандалакши, а оттуда по Белому морю в Архангельск. Врачи плыли с нами и делали операции прямо на ходу. У меня начиналась гангрена, и мне отняли палец. Обезболивающих средств не было, резали по живому! Меня четыре человека держали... По пути попали под бомбежку. Пароход получил серьезные пробоины, начал тонуть, но нас успели снять на другое судно. Но «купание» не прошло даром – к вечеру рука сильно опухла, появились симптомы заражения крови, и врачи приняли решение ампутировать руку. Но ведь это моя главная рука, которой я мог работать! Да еще опять без анестезии! Я решил, что лучше – смерть, чем такая инвалидность, сбежал и спрятался в трюме. Просидел там больше суток. И вдруг заметил, что опухоль спадает, цвет кожи меняется, и выбрался наружу. Врачи не верили своим глазам, говорили,

что я «родился в рубашке». Долечивался уже в Кузино, Свердловской области. Оттуда меня и еще четырех раненных на быструю руку комиссовали в город Ижевск, где комплектовались воинские части для отправки на фронт. В поезде по дороге в Ижевск мы все пятеро заразились сыпным тифом, нас высадили на какой-то маленькой станции (уже не помню ее названия) и поместили в местной больнице в одной палате, и на спинках кроватей повесили бирки с указанием фамилий, имен и отчеств. Болели мы очень тяжело, большую часть времени находились без сознания, хотя, как потом рассказали врачи, мы вставали и даже бродили по палате и не всегда попадали на свои койки. Однажды утром лежащего на моей койке нашли мертвым и похоронили, установив на могиле столбик с дощечкой, где значились мои фамилия, имя и отчество. В моих вещах нашли адрес родителей, место эвакуации и сообщили им о моей смерти (потом меня свозили на кладбище и показали мою могилу). Через полгода я узнал, что отец оформил на меня пенсию, как потерявшего сына...

Но сына он, все же, потерял, только Иосифа. Когда часть, где служил Иосиф под Киевом, полностью разгромили, оставшиеся в живых бойцы разбежались. Иосиф оказался рядом с родным городом Сновском и решил добраться домой. Дома, конечно, никого не оказалось, и он зашел переночевать к русскому соседу Артему, поскольку дружил с его сыном Иваном. Его очень приветливо приняли, накормили. Но оказалось, что Иван служил в полиции, и утром он Иосифа сдал немцам, и его вместе с другими евреями (около ста человек) расстреляли в лесу рядом с жилыми домами...

В Ижевске медицинской комиссией я был признан годным к нестроевой службе, и меня направили на конвойно-караульную службу. Нам сдавали запломбированные вагоны с оружием и боеприпасами на Ижевском оружейном заводе, и мы сопровождали их на фронт, не имея права отходить от состава ни на шаг, даже когда его бомбили! В таких случаях мы ложились под вагоны на рельсы или рядом на откос, и пару раз все это взлетело на воздух, но как-то остался жив.

Потом меня перевели в Верхотурье в Севураллаг, севернее Нижнего Тагила, где мы охраняли заключенных, взамен стрелков, годных к строевой службе, которых отправляли на фронт. Там сидело все Прибалтийское правительство, их гоняли на работу в лес. Так жалко их было! Был там и лагерь бытовиков, бандитов, так охранники боялись туда заходить – их просто уничтожали. А я как-то заходил, смог с ними договориться.

Через год у меня резко ухудшилось состояние левой руки, и я демобилизовался в звании лейтенанта, имея орден Отечественной войны и медали. Экстерном сдал экзамены за полную среднюю школу и в 1944 году поступил в Свердловский индустриальный институт. Когда узнал, что мои родители находятся в эвакуации в Шахринау, вблизи Сталинабада, поехал к ним и поступил на работу в находящийся тогда там Одесский консервный институт. С этим институтом, как только освободили город, переехал в Одессу. Там даже еще оставалась улица Гитлера (Преображенская), улица Муссолини (Карла Маркса)... Перевелся в политехнический институт на электротехнический факультет. В Одессе встретился со студенткой университета, и через год в Щорсе (бывшем Сновске), у родителей, по всем законам еврейской традиции была устроена хупа, с написанием ктубы. А еще через год, в 1948 году, уже по пути следования в Петрозаводск, мы заехали в Щорс, где сделали обрезание сыну, родившемуся в Одессе, и названному в честь моего младшего брата Иосифом. Сейчас он живет со своей семьей в Израиле, там же живет моя старшая дочь Роза со своими детьми и внуками.

Я был направлен на работу на петрозаводский военный завод п/я 14 (позже – завод «Авангард»). Когда приехал в Петрозаводск, то был единственным инженером-электриком с профессиональным образованием. Был инженером, зам начальника энерго-механического отдела, начальником отдела, начальником центральной лаборатории. Когда завод получил заказ на постройку кораблей специального назначения, меня назначили старшим строителем электрической части этих кораблей. Через 12 лет, перешел в институт «Карелгражданпроект», где прора-

ботал 25 лет. Десять лет преподавал в Строительном техникуме. Мой общий трудовой стаж – 65 лет.

Война страшно прошла по моим близким. Все мои многочисленные родственники жили в Белоруссии. Там же вокруг – все еврейские местечки: Струмень, Городец, Корма, Рогачев и множество других... После войны остались только могилы. В Городце жил брат отца Ицхак, был там бухгалтером и председателем сельсовета, его долго не трогали, он еще работал при немцах. Потом ему вырезали на спине шестиконечную звезду и расстреляли. Тетю с тремя детьми закопали живыми. Там у меня более ста человек родственников погибло! Всех уничтожили. Это уже соседи рассказывали. Никто не смог убежать. Железной дороги нет поблизости, только по реке Сож пароходом в Гомель... Сейчас, когда называют число погибших, мне кажется, что их гораздо больше. Однажды на церемонии Памяти жертв Холокоста читали списки уничтоженных в этих местах, составленные в Мемориале Яд ва-Шем, так там большинство – мои родственники или знакомые... Остается только читать по ним кадиш...

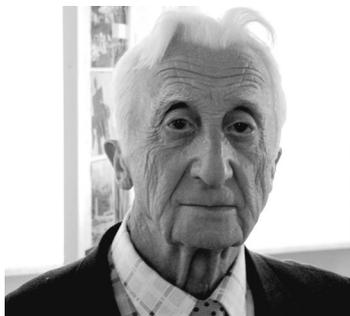
Ефим Лейбович, когда в Петрозаводске образовалась еврейская религиозная община, стал ее членом. Он – единственный человек в нашей общине способный читать Свиток Торы, да так бегло и правильно, что приезжающие в синагогу раввины только удивляются. В общине Ефим Лейбович – непререкаемый авторитет в области халахи. Он сумел сохранить в себе и пронести через все жизненные испытания, совсем к этому не располагающие, великие ценности и традиции нашего народа, заложенные с детства его отцом (вспомним: «...и расскажи сыну своему»), чтобы передать их следующим поколениям. Нашей общине есть, кем гордиться!

Жизнь и судьба Семёна Бекенштейна

*Величайшая боль – такая,
о которой сказать невозможно.*

Пословица

Каждая человеческая жизнь уникальна. И все же есть люди, на долю которых выпало стать олицетворением народа, эпохи, своего времени, мужества, профессии и т.п. Люди-символы. Нечасто случается встретить с таким человеком. А может быть, мы просто в сутолоке дней своих часто не замечаем их? Нам кажется, что они где-то далеко?

Семена Ионовича Бекенштейна я встретил, когда он приводил в порядок только что выделенное помещение для общества «Шалом». Он произвел впечатление энергичного, очень аккуратного, с чувством юмора человека. Когда он ушел, мне сказали: – А ты знаешь, что этот человек был в Освенциме?

Освенцим!.. Это слово, как пощечина, как плевок всему человечеству, человечности, каждому живущему. Это так не вязалось с жизнерадостным обликом Семена Ионовича, что я от растерянности задаю совершенно идиотский вопрос: – На экскурсии? – Да, три года с 43 по 45 длилась эта «экскурсия»! И не только эта!

И вот, мы сидим в уютном, уже другом помещении «Шалома», которое тоже обустроивал Семен Ионович, и он рассказывает, рассказывает... Говорит очень просто, обыденно, но сколько всего стоит за этим! Да разве можно пересказать жизнь? Лишь малая толика этого рассказа сегодня перед Вами.

Родители мои родились в Белостоке: отец в 1895, мать в 1897 году, там и жили. Отец – кожевник, его отец был сапожником,

три брата – сапожники. Шили модельную обувь. У брата отца была мастерская на центральной улице города – ул. Сенкевича, и они там работали. Отец работал на кожевенной фабрике, зарабатывал 5-8 злотых в день, можно было хорошо жить. Был мастером, но и сам работал.

Я родился в 1922 году, закончил 4 класса начальной еврейской школы – хедера, на идиш. Учили Гемару, Талмуд, Хумаш. Потом 6 классов другой школы, тоже еврейской. Содержал ее Гельман, директор школы (что-то за меня платили, но немного). В польскую народную школу евреев не брали и в государственные польские гимназии тоже. Иногда, правда, если отец очень богатый, в них можно было попасть, но это очень редко. Я поступил в еврейскую гимназию, но потом родители перевели меня в еврейское ремесленное училище. Преподаватели были высшего уровня. Математику и физику преподавали два брата: у них были изданы свои учебники. (Впоследствии, в 59 году я закончил двухгодичные курсы ленинградского института повышения квалификации по специальности техник-механик на отлично: 23 предмета – 23 пятерки. Все это заложено было в еврейском ремесленном училище.) Занимался боксом, был в Маккаби, что совсем нелишне – антисемитизм процветал, был хуже, чем в России, и частенько приходилось постоять за себя, да и за других тоже. Тренером был Кушнер, который несколько лет держал второе или третье место в Польше в своей весовой категории. Проучился я год, и началась война.

В Белосток вошли немцы. Бесчинствовали. Пробыли неделю и ушли. Через две недели вошли русские, их тогдашние братья по оружию. И стали советские порядки: кто побогаче – в Казахстан, час на сборы и поехали. Национализировали все предприятия. У дяди была велосипедная мастерская, ее отобрали, отдали хлебокомбинату, но дядю оставили работать в нем главным механиком. Он взял моего младшего брата к себе учеником, и он стал токарем по металлу. Приехало много русских гражданских. Кино, театр – бесплатно, агитация. Говорили, что освободили часть России. Поляки ненавидели русских. Но русские не издевались над евреями. Меня направили учиться

в железнодорожный техникум. Преподаватели были русские военные. Я попал в группу помощников машиниста паровоза. Затем перешел в механико – энергетический политехникум и проучился там год. В субботу 21 июня 41 года сдал последний экзамен по физике, а на завтра фашисты напали на СССР. Боев в городе не было, бомбили только железнодорожную станцию. Через неделю, в пятницу вошли немцы. Сразу же сожгли 29 улиц в еврейском квартале и большую синагогу вместе с находившимися там более тысячи евреев. К этому времени в Белостоке жили 50 тысяч евреев, а в области 350. В первой половине июля немцы уничтожили более 6 тысяч. Еврейский район обнесли забором, установили двое ворот, поставили охрану, согнали туда всех евреев и образовали гетто. Все в возрасте от 15 до 65 лет обязаны были работать на немецких предприятиях, получая 500 г хлеба в день (позже – 350 г). Все еврейское имущество было конфисковано. Внутри гетто было образовано самоуправление. Мы жили недалеко от ворот, метрах в 200, вчетвером, а когда всех согнали, стали жить 12 человек. Выпускали и впускали из ворот только по пропускам. Я работал вместе с отцом на фабрике кочегаром. На груди и на спине – желтая звезда. Ходить по тротуару не разрешалось – шли по проезжей части рядом с тротуаром. В магазины входить запрещалось. В феврале была проведена первая «акция»: 1 тысяча евреев были убиты и 10 тысяч отправлены в Трешлинку. Утром 2 февраля 43 года (полтора года уже жили в гетто) всех стали выгонять из домов на улицу. Я попытался спрятаться в подполье какого-то еврейского дома, но меня нашли, вытащили наружу и погнали к колонне на ул. Фабричную, где уже были отец, брат и дядя. Мама и другие родственники находились где-то в этой же колонне, но мы так и не увиделись. Подошла подвода, с нее стали бросать буханки круглого хлеба. Я говорю отцу: «Папа, залезай на подводу, помоги хлеб кидать, а там и уезжай с подводой». Папа сказал: «Прощай», и пошел. Он уехал с подводой и больше отца я не видел. (Позже в Освенциме я узнал, что он погиб во время восстания в гетто в своем родном городе). Всех поставили «пятерками», чтобы легче было считать, и погнали на железнодорожную станцию. Загнали в вагоны, и мы провели там ночь, а утром тронулись, не зная куда. Не кормили, ели только

то, что было у каждого. Когда прибыли на место, нас разделили: женщины с детьми, старики, инвалиды – налево, и сразу же подъезжает машина со сходнями сзади на всю ширину кузова, чтобы по ним подниматься, и увозят. Куда увозят, мы уже предполагали... Молодые, до двадцати – отдельно. Всех опять строят «пятерками». Младший братишка мой (27 г.р.) стоит крайний справа, я второй. Немец пальчиком распределяет, кому куда. Подошла наша очередь. Я держу брата за руку. Говорю: «Я токарь, мой брат – тоже». «Возьми его с собой». Мы бегом к кучке молодых. Я говорю брату: «Пейсах, пока мы живы. Надолго ли, не знаю, но крепись». И здесь же встретили дядю Янкеля, младшего брата отца. Нас погнали бегом, пятерками в карантинный лагерь в Биркенау (Бжезинка по-польски), где мы пробыли шесть недель. Лагерь назывался «цыганским», потому что как-то загнали туда цыган и через несколько дней всех уничтожили, а название осталось. Я спросил у одного чеха: «Вы давно здесь?» «Три месяца, но вы вряд ли столько проживете». Оптимизма это не прибавило. Сразу по прибытии в лагерь нас погнали в баню. 123 мужчины и отдельно 97 женщин – всех оставшихся в живых. Первая мысль: «В крематорий». Но нет, это была баня. Там тоже издевались: давали или холодную воду, или кипяток. Выдали одежду с двумя треугольниками в виде магендавида на груди и на брюках справа: треугольник вниз углом – красный, вверх – желтый с номером. Мой номер 100611, который выкололи на предплечье левой руки здесь же в бане. На второй день утром всех опять погнали пятерками. Остановили перед горой трупов, метра три высотой, не похожих на людей. Пошел снег большими хлопьями, и мы стали слизывать его друг у друга с плеч. Простояли часа два, потом команда: «Правое плечо вперед!», и обратно в барак. Эту картину я не забуду до конца дней своих. После этого я хотел повеситься. У меня был ремень, уже присмотрел подходящее место.

Но ночью подумал: «А на кого я брата оставляю?» В бараке, метров 30 длиной, мы втроем с братом и дядей без матраца и одеяла на одной кровати, а они были трехъярусными, значит на каждой по 9 человек. Во время карантина постоянно проводили «селекцию»: выстраивали всех в один ряд, идут пара эсэсов-

цев и врач, который щупал сонную артерию, проверял между пальцами рук, нет ли чесотки. Заставляли выжаться от земли: если не смог – таких больше не видели. Одна из таких проверок оказалась последней для моего дяди Янкеля – не успели даже попрощаться. Позже я встретил в лагере одного русского военнопленного (он был печником, поэтому и выжил), который рассказал, что их было 40 тысяч, а осталось человек 10. На карантине над нами издевались – заставляли носить песок: гора песка, кладут в шапку или в подол рубахи лопату или две песка и надо отнести километра за полтора-два и высыпать. Рядом тоже гора песка. Берем из нее и так же несем обратно. И так целый день. Другой раз так же кирпичи таскали. Или выгоняют из барака, строят, заставляют валяться в грязи. Били. Евреи многие не выдерживали, быстро «доходили», погибали. Через шесть недель опять усиленная проверка здоровья, кто годится – на работу, а кого в расход. Брат высокононький, худенький, его оставили там, а меня перевели в Освенцим, в центральный лагерь (там было много лагерей). От брата никаких известий нет, но через полтора года я узнал, что всех, кто остался в «цыганском» лагере, отправили на лесоразработки в горы и там перестреляли, как бы при «попытке к бегству», так там было объявлено. От возчика, работавшего в лагере, я узнал, что жену дяди Моисея, красавицу, оставили в женском лагере для медицинских опытов. Дальнейшую ее судьбу я не знаю.

Освенциме я попал в 22 блок на 2 этаж, две недели ходили голышом, как новоприбывшие, потом перевели в блок 14-а. Выстригли нам на голове машинкой полосу, ее называли «Лаузенштрассе» (улица для вшей). И именно с этого момента началась моя жизнь в Освенциме. Меня отправили работать на кожевенный завод за три километра. Попал на общие работы. Капо (начальник сотни) был немец Отто, с «зеленым треугольником», бандюга. Он меня однажды со всего маха сзади ударил лопатой по голове. Я закачался, но не упал, а то бы меня добились. Стал «доходить». Потерял счет времени. Меня спас капо Ливач – немецкий поляк. Работал я на разборке кирпичей после американской бомбежки. Нас выстроили, и капо Ливач говорит, что надо сделать замок, и показывает какой. Из всех только я

взялся за это. Он меня отвел в мастерскую. Оказалось, что надо было сделать замок для задней дверцы кареты, чтоб она захлопывалась и открывалась ручкой без ключа. Карета была шикарная. Я осмотрелся. Там был немец с «красным треугольником», значит – политический. Взял я у него инструмент и сделал замок и даже врезал его, хотя меня не просили об этом. Замок я должен был сделать к вечеру, а я его даже вставил, и еще осталось время. Беру веник и начинаю убирать вокруг. Нам нельзя было не работать – за это наказывали. Входит капо Ливач: «Кто тебе велел этим заниматься? Я ему говорю, что все сделал. Он идет к верстаку: «А где замок?» «Я его врезал». Он подошел к карете, и давай дверцей хлопать. Остался очень довольным. (А он был кузнецом – художником, золотые руки). «Приходи, – говорит, – завтра на работу прямо сюда. Я скажу капо Отто, что ты теперь будешь работать у меня». Это спасло мне жизнь. И я начал работать в кузнице и проработал до 18 января 45 года.

Со мной работали еще человек 15, не только евреев. Запомнил одного еврея из Франции – он в горне жарил лягушек. Один поляк (он был здоровее меня) два раза пытался меня задушить: «Ты Иисуса Христа распял». Потом стал «лепшим» другом: он видел, что мои руки к чему-то годятся. Мы с ним вдвоем токарный станок восстановили, строгальный станок. Был еще Давид, потомственный кузнец. Мог отковать птичку – каждое перышко видно! Я даже не предполагал, что такое возможно. Он попал в лагерь вместе со мной. (Потом я его встретил в Румынии он предлагал ехать с ним в Израиль. Когда узнал, что я собираюсь в СССР, чтобы попытаться найти своих, сказал: «Куда ты едешь? Там такие же антисемиты, как в Польше»). В лагере хуже всех относились к евреям и русским. Русские были с «черным треугольником» – это означало «вредитель». Им доставалось больше, скажем, чем полякам, а евреям – больше, чем русским: табель о рангах. Ко мне все относились, в общем, не плохо. Кормили нас так: литр супа, 300 граммов хлеба. Иногда в конце недели хозяин давал за работу кому 1, кому 2, кому 3 марки, на которые можно было купить в магазине лагеря миску супа, сигареты, зубную щетку, зубной порошок, туалетную бумагу. Я работал и в выходной – был один немец кузнец, мы с

ним ковали подковы. Делали по 30 подков на двоих, научился подковывать лошадей, чинил брички. Была столярная, обувная мастерская, кожевенная фабрика. Была швейная мастерская, где ремонтировали эсэсовскую одежду и одежду заключенных. Была «Канада» – там работали женщины, они проверяли привозимую одежду – пороли ее, искал и спрятанные драгоценности: золото, бриллианты, в обуви тоже искали. Была прачечная. Привозили стиральные машины, я их собирал, проверял, пускал в работу. Привозили горы волос из крематория. Я не знаю, что из них делали. Волосы как будто живые – в них находили брошки, расчески, гребенки, шпильки. В одном отделении делали щетки, может, из волос? Там работали женщины. Лагерь, где мы жили, не бомбили, бомбили там, где работали. Во время бомбежек нас загоняли под зеленую сетку. Однажды меня сильно ударили ребром доски по плечу и что-то перебили, и я с тех пор плохо слышу на одно ухо.

После того, как советские войска начали наступление на Краков, меня эвакуировали в Маутхаузен. Добирались пять суток пешком и трое суток в вагонах. Выдали по буханке хлеба, 200 граммов маргарина, кружок колбасы и мазнули на хлеб повидлом. Шли «пятерками», по бокам охранники с оружием и собаками. Сзади время от времени слышались выстрелы: это пристреливали отставших, упавших, не могущих идти дальше. Потом загрузили на платформы с бортами, но без крыши. Стояли так тесно, что можно было поджать ноги и так висеть. К концу путешествия осталось в живых меньше половины

В Маутхаузене после карантина направили в лагерь Гузен -2. Там я проходил под № 118549. На работу возили по УЖД, охрана шла рядом – в основном это были украинцы. Работали на авиационном заводе «Мессершмитт». Завод был спрятан в Альпах в штольнях, и американцы не могли его бомбить. Условия ужасные: ежедневно с работы уносили по 12-15 мертвецов. Занимался проверкой деталей, присылаемых с других заводов. Бригада была нас интернациональная: еврей инженер из Франции; Владимир Игумнов – морской летчик из Ленинграда; летчик румын Борис; два инженера автомобилиста с Украины.

Командовал нами вольнонаемный австриец, который к нам не плохо относился. 1 мая заболел, как потом оказалось, тифом, но на работу ходил, иначе прикончили бы. 5 мая 45 года утром не будят, на работу не гонят. Высунулись в окошко – на вышках охрана перебита: пролетел американский маленький самолет и перестрелял их. Заключенные стали ловить оставшихся охранников и расправляться с ними. Появились винтовки, автоматы. Лагерь заняли американцы. А мне становилось все хуже, и я попросил, чтобы меня доставили в американский лазарет. Несколько дней был без сознания. Когда пришел в себя, все очень обрадовались. Американцы кормили очень хорошо. Всего много, вкусно, питательно, красиво. К тому времени, как я немного поправился, оказалось, что русских уже отправили, (куда – это уже другая история), и я решил с товарищем из моего города поехать в Польшу, а оттуда уже в Россию. Доехали до Моравска Остравы в Чехословакии. Объявили, что поезд стоит сутки. В городе встретили советского подполковника. Я сказал ему, что мы граждане СССР, хотим на родину. Он объяснил, куда надо обратиться. Направили нас в лагерь советских граждан, поселили в общую комнату.

Через некоторое время меня вызвали на допрос. У меня была бумага от американцев – освобождение из лагеря на английском, немецком и польском языках. Следователь посмотрел ее, и в стол, и больше мне не отдал. Я рассказал все, как было, а он кладет пистолет на стол: «Скажи лучше, как Родине изменял! Раз остался жив, значит изменял... Ну, ладно, я буду писать протокол, а ты посиди», – и запер меня в находящуюся тут же каморку-карцер с железной дверью. Сколько я там пробыл, не помню. Потом выпустил меня и дает подписать, что он там написал. Я прочитал и разорвал бумагу. По этой бумаге меня могли расстрелять! Он переписал бумагу, уже как я рассказал, и я подписал.

Недели через две приехал капитан вербовать в рабочий батальон. Нас возили на работу в Польшу, Германию, Венгрию, Румынию, Австрию – косили, собирали урожай и т.п. Денег не было, только кормили. И всех постоянно гоняли на допросы,

а меня – нет. 1 января 46 года нас посадили в поезд, и месяц мы ехали, опять не зная куда. Приехали в Карелию, в Сегежу, там разделились, и человек 30-40 пошли пешком по Выгозеру 40 км до острова рыбаков. Ночевали. Дальше – до Петровского Яма в леспромхоз Верхневьгский. Там нас распределили по лесопунктам. Я попал в Тайгенцы, а дальше в Конжезеро. Работал в «инструменталке» пилоправом, точил пилы, топоры, делал лучковые пилы, топорища. Денег не платили, только кормили. Жили впятером. Перед тем, как выдать документы, опять были допросы, запугивания. Только летом уехали военные, а мы остались. Потом перевели в Тайгенцы затем в Петровский Ям, где осваивали первые электропилы. Стал работать электро-механиком на электростанции. Там на обрубке сучьев работали военнопленные немцы. Был там один пилоправ немец, из лагеря поблизости, толковый мужик, считавшийся «главным антифашистом», и я иногда приглашал его к себе обедать.

В 48 году познакомился на танцах с девушкой Надеждой. Она окончил техникум в Тотьме и работала приемщиком. Праздновали сразу две свадьбы 11 июля (10 родился, 11 женился, 12, наверное, помру). На следующий год 1 мая родилась дочь. Вторая дочь родилась в октябре 51, сын – 1 мая 65 года. Сейчас один внук в 3 классе, два внука уже отслужили армию.

В 51 году прошел в Архангельске курсы на главных механиков леспромхозов, но после окончания главным не назначили – «дело врачей» (но это – между прочим).

В 1957 году приняли в партию в Медгоре. Меня представлял первый секретарь райкома Мартынов Петр Иванович. Он сказал: «Вы знаете, что это за человек? Он Гитлера победил!» Вот такие дела...

Семен Ионович замолчал. Помолчим и мы, ибо кто и что в присутствии Семена Ионовича Бекенштейна может сказать?

(Март 2000)

МОЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Быть или не быть евреем?

*«Как прекрасны шатры твои, Яков,
жилища твои, Израиль!»
(Бемидбар, 24:5)*

Этот вопрос рано или поздно встает перед каждым евреем, зачастую, даже если он сам себя таковым не считает. И вообще, что такое «быть евреем» в современном мире? На протяжении всей своей истории, с того момента, когда Вс-вышний, да будет Имя Его благословенно, обратившись к Авраму сказал: «Уходи из страны твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в страну, которую Я укажу тебе. И Я сделаю тебя народом великим, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и ты будешь благословением. А Я благословлю благословляющих тебя, а хулящего тебя прокляну, и благословятся будут тобой все племена земли (Берешит, 12:1-3)», человек ищет ответ на вопрос, кто же такой – еврей?

Был ханаанский период истории этой, первоначально, семьи; египетское рабство; Исход; Дарование Торы; сорокалетнее странствие по пустыне, где семья стала народом; завоевание Ханаана; период царств; разрушение Первого Храма, первое изгнание и возвращение; разрушение Второго Храма, галут, Холокост и возвращение в Эрец-Исраэль.

Это – основные общие моменты истории евреев. Но большая часть народа расселилась по всему миру, образуя отдельные общины, живя своей жизнью, со своими традициями, своим языком, в зависимости от места проживания: йеменские евреи, александрийские, бухарские, горские, ашкеназские, сефардские, грузинские, иранские и т.д. Так почему, все-таки, евреи – народ? Что общего у таких разных общностей людей? Что позволило сравнительно небольшому народу, не имеющему своей территории и государственности две тысячи лет, со-

храниться, не потерять своей идентификации, не раствориться среди окружающего их большинства, не исчезнуть, как исчезли многие народы, бывшие соседями евреев в начале их истории?

Ответ один – Тора. Недаром Генрих Гейне назвал Тору «портативной родиной евреев». С полным основанием можно утверждать, что еврей без Торы – не еврей.

Традиционные еврейские общины, возникшие, очевидно, с началом рассеяния уже во времена разрушения Первого Храма (586 г. до н. э.), где бы они ни находились, организовывались вначале как религиозно-национальные для совместного совершения молитв и исполнения других религиозных предписаний, и эти общины в дальнейшей истории заняли центральное место в еврейской жизни. Каждая община стремилась, прежде всего, обеспечить себя синагогой, кладбищем и судом. Община содержала школы для детей неимущих, микве, обеспечивала кашерный убой скота и птицы, предоставляла своим членам судебные, социальные, финансовые, ритуальные услуги. Важны древние традиции, отразившиеся в галахе – право каждой общины принимать собственные установления, регулирующие внутриобщинную жизнь. Они сами выбирали себе раввина и руководящие органы: в больших общинах существовали советы, маленькие общины возглавлял один выбранный человек. Главы общин представляли интересы общины перед властями, отвечали за сбор налогов. И все же, главным в общине всегда была благотворительность. Во времена, когда не было государственных социальных институтов, никакой помощи извне, когда в большинстве стран евреи были вне закона, народ смог выжить только благодаря тому, что всю свою жизнь устраивал сам, своими силами: общины строили и содержали синагоги, школы, учебные заведения, помогали получать образование бедным, устраивали благотворительные столовые, давали деньги на лечение неимущим и т.д.

Сейчас жизнь существенно отличается от той, когда община необходима была просто для того, чтобы выжить. Но еврейские общины существуют во всем мире, и основа их – та же.

Только теперь они нужны еще и для того, чтобы не потеряться среди других народов, чтобы не перестать быть евреями, чтобы осознать свой неповторимый путь, свое предназначение в этом мире. Так исторически сложилось, что евреи быстро адаптируются к среде, в которой оказываются, и начинают играть видную роль в той области, которой занимаются. Очевидно, воспитанная веками тяга к знаниям, трудолюбие, необходимость быть «не хуже других», а кроме того – пристрастное внимание окружающих и давало такие результаты. Однако именно это и приводило к ассимиляции, зачастую к забыванию своих корней, часто сознательное, растворению среди окружающих их народов. Так и становились Феликс Мендельсон – немецким композитором, Карлотта Гризи – итальянской балериной, Иосиф Бродский – русским поэтом, Питер Брук – английским режиссером, Джером Роббинс – американским балетмейстером, Марсель Марсо – французским мимом, Амедео Модильяни – итальянским художником... Но ведь находясь среди других народов и культур и служа им, совсем не обязательно забывать свои истоки, забывать кто твои предки, и откуда у тебя то, что выделяет тебя среди окружающих, не дожидаясь, когда тебе об этом напомнят.

Жорж Бизе не стал еврейским композитором, тем не менее, он сказал: «Я хорошо знаю, что я француз, но никогда не забываю, что еврей».

Марк Шагал так сформулировал свою позицию по этому вопросу в одном из эссе: «Если бы я не был евреем, как я это понимаю, я не был бы художником или был бы совсем другим художником».

А вот пронзительные слова Густава Малера: «Я трижды лишен родины – как чех в Австрии, как австриец среди немцев и как еврей во всем мире. Я повсюду незваный гость, везде я нежеланен».

Борис Пастернак, бежавший от своего еврейства, пошедший на конфликт с отцом, не заметивший Холокоста, в 1946 (!)

году, сообщая в письме двоюродной сестре О.М. Фрейденберг о начале работы над романом, написал: «Я свожу в нем счеты с еврейством». Это Пастернак, прошедший брит-милу, освобожденный в гимназии от «Закона Божьего» по причине «иудейского вероисповедания»...

Ну, что ж, как написала Римма Казакова:

...Дождь над Переделкиным дрожит.
А на указателе «К могиле
Пастернака» выведено: «Жид»...

Значит несмотря на то, что Борис Пастернак, признанный великим русским поэтом, «свел счеты с еврейством», для многих он так и остался «жидом». Хороший повод задуматься...

Так быть или не быть евреем?

Каждый сам для себя решает этот экзистенциальный вопрос. Надо только помнить, что жизнь быстротечна, и наступит время, когда мы предстанем перед своими предками. Что мы им скажем? Или сделаем вид, что не знаем их? Что мы «пошли дальше?» Куда? И почему уйти от еврейства – это пойдти дальше? И почему «пойти дальше» это хорошо? И что мы в этом «дальше» сделали? А вдруг «пойти дальше» = «пойти подальше?»

Так может быть, не стоит никуда «ходить»? Просто еврею надо быть евреем. Это вовсе не означает, что нужно надеть лапсердак и отгородиться от мира. Совсем наоборот: необходимо знать свои корни, свое предназначение в этом мире: «Приходите, сыновья, и слушайте меня – я научу вас трепету пред Господом. Пусть тот, кто стремится к долголетию, кто желает видеть добро во все дни свои, удержит язык свой от злословия и уста свои – от лживых речей. Пусть удалится от зла и творит добро; стремится к миру и добивается его». (Пс.34:12-15) То есть, не пассивно «удалиться» и «стремиться», но активно – творить и добиваться.

Рош ha-Шана 67-го, и ничего еврейского

5 июня 1967 года. Из радиоточки несло: «израильские агрессоры», «зарвавшиеся сионистские заправилы», «приспешники мирового империализма», «арабские страны дают достойный отпор агрессору», «израильские войска несут большие потери»... На ближнем востоке началась уже давно готовившаяся война. Папа слушал со слезами на глазах: «Как жалко, что мой отец не дожил до этого часа – он был бы счастлив, услышав, что евреев называют «агрессорами»! Столько времени их только убивали, притесняли, унижали, и вот теперь – агрессоры! Наконец-то пришло время, когда евреи могут постоять за себя!» И он ходил какой-то просветленный, даже ростом стал выше. Тогда мне было не очень понятно, чему папа радуется. Я не отрывался от своей «Спидолы» – своеобразного символа той эпохи – радиоприемника, по которому из радиопередач «оттуда» только и можно было получить достоверную информацию о том, что творится в мире.

Свой первый радиоприемник я собрал сам – мы жили достаточно бедно, и купить приемник было не по карману. Я стал радиолобителем, членом радиоклуба ДОСААФ, мастерил приемники, имел свой позывной, выходил в эфир, даже начал собирать свою радиостанцию, но поступил на работу в театр (в 1963 году) и пришлось, из-за недостатка времени, все это бросить. Но еще долгое время мы с папой слушали всякие, как тогда говорили, «вражеские голоса» по моим приемникам. Сквозь рев «глушилок» пробивались лишь отдельные слова и фразы. Но, поскольку новости передавались каждые полчаса, эти слова и фразы складывались в общую картину, и можно было составить полное представление о том, что происходит на самом деле. А на самом деле происходило не то, о чем сообщали советские газеты и радио. Можно сказать даже – прямо противоположное: в первый же день войны была уничтожена почти вся авиация Египта и Сирии, а 7 июня был полностью освобожден Иерусалим. 10 июня война закончилась разгромом трех арабских армий – Египта, Сирии и Иордании. В этот же день Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем. Теперь эта война, вошедшая в историю под названием Шестидневной, изучается во многих военных академиях мира.

В интерпретации советских газет это выглядело несколько иначе: «Арабы сплачиваются», «Вероломство захватчиков», «Каир в эти дни», «Израиль играет с огнем» – партийное перо Евгения Примакова, корреспондента газеты «Правда» в Каире, большого друга всех арабских народов, в ущерб своему, скребло бумагу, будоража пламенные сердца советских людей. «В сердце каждого советского человека бушует чувство возмущения против израильских агрессоров, нацеливших свое жало в благородное сердце арабских народов» – подхватывал бывший «композитор-формалист» Ваню Мурадели. За ними шли уже народные массы: рабочие рыбо-консервного завода города Хачмас, Азербайджанской ССР вместо того, чтобы выпускать высококачественные консервы на уровне мировых стандартов, гневно осуждали зарвавшихся сионистов. На брянском машиностроительном заводе «дизелист А. Богданов, заточник вагонного цеха М. Шебловский, мастер С. Жмакин и другие, выступая на митинге, с гневом говорили об агрессивных действиях Израиля, начавшего войну против народов арабских стран...» «Советские люди выражают горячую поддержку борьбе арабских народов...» «Мы, металлисты, единодушно поддерживаем!» В ответ на агрессивные действия израильской военщины, металлурги пообещали увеличить свои плавки. А 10 июня ткачиха Розия Азимова потребовала от Израиля «немедленно прекратить военные действия против ОАР и других арабских стран». В тот же день война прекратилась.

«Народы арабских стран, которых поддерживает вся прогрессивная общественность» положили на поля сражений более 15 тысяч своих солдат, оставили в плену около 6 тысяч, потеряли вооружений, великодушно предоставленных миролюбивым Советским Союзом, на миллиарды долларов. Нелишне напомнить, что накануне войны герой Советского Союза президент Египта Гамаль Абдель Насер заявил, что, если вспыхнет война, она будет тотальной и ее цель – «уничтожение Израиля».

После такой блистательной победы Израиля в еврейских кругах царил эйфория. Молодые люди на Западе даже ходили с перевязанным глазом ala Моше Даян (министр обороны Изра-

иля, – как пел Высоцкий, – «стерва одноглазая»), и, несмотря на развернувшуюся антисемитскую кампанию в СССР, к евреям, на бытовом уровне, стали относиться уважительно. Сильных уважают! Началось бурное пробуждение национального самосознания, гордости за свой народ. Многие тогда впервые осознали себя евреями.

Осенью 67-го группа артистов балета нашего театра выехала на гастроли с концертами на телевидении. Мы оказались в Орджоникидзе (Владикавказе) 5 октября, и по Голосу Америки передали (с приемником в то время я не расставался), что «сегодня евреи впервые за многие годы встречают Новый год у Стены плача, освобожденной в ходе Шестидневной войны».

Тут нужно сказать, что влияние передач Голоса Америки по еврейской тематике на формирование еврейской самоидентификации в СССР было значительным, по крайней мере, для жителей небольших городов вне бывшей «черты оседлости». Для лишенных каких-либо источников информации (достаточно сказать, что за провоз Библии из-за границы – а в стране она не издавалась – можно было получить до пяти лет тюрьмы), эти передачи были почти единственной возможностью узнать что-либо о традиции своего народа, его истории, культуре, праздниках.

Я побежал в магазин, взял четыре бутылки сухого вина и пригласил своих друзей. В маленьком номере собралось человек двенадцать. Мы выпили вино, съели все, что у кого было. Повеселились. Меня поздравляли. Тогда я не знал ни законов Рош ha-Шана, ни вообще, что это за праздник. Единственно, что знал из передач Голоса Америки, что надо желать друг другу: «В следующем году в Иерусалиме». Тогда Иерусалим был для меня «где-то там», скорее был неким символом, чем реально существующим городом.

В Советском Союзе развернулась очередная антисемитская кампания, на сей раз под видом «антисионистской» – партия творчески подходила к своему делу, каждый раз подбирая новую «оболочку» – достаточно вспомнить «троцкистов», «вейсманистов-морганистов», «безродных космополитов», «вра-

чей-убийц» (и в наше время «дело партии живет и побеждает»: сейчас при явном попустительстве, чтобы не сказать потворстве властей муссируется идея о «человеконенавистническом иудаизме»). Газеты, радио, телевидение громили «сионистов и их приспешников», появилась целая библиотечка антисемитских книг: «Осторожно – сионизм», «Земля обетованная без прикрас», «Израиль и ФРГ», «Фашизм под голубой звездой», «Сионизм: идеология и политика» – подсчитано, что за период с 1967 по 1969 только в РФССР вышло 22 названия, а с 1970 по 1974 – 134! Среди авторов были и евреи. Особо усердствовал некий Цезарь Солодарь, не к ночи будет помянут, со своими «разоблачениями происков мирового сионизма».

Апофеозом этой вакханалии стала печально известная пресс-конференция на телевидении в марте 1970 года «граждан еврейской национальности», среди которых были известные широкой публике люди. Они выступали с гневными антиизраильскими заявлениями и подписали письмо, осуждающее сионизм и «агрессивный Израиль». Жалко было смотреть на несчастного Аркадия Райкина, который ничего не говорил, но для устроителей этого фарса был важен сам факт его присутствия. Очевидно, Райкин побоялся отказаться от участия «во всем этом» из-за будущего своих детей – сын Константин учился в Театральном училище им. Б.В. Шукина, дочь Екатерина – актриса Театра им. Вахтангова. С актерами так легко расправиться!

Художникам запрещено было изображать... снежинки такими, какими их создала природа – шестиугольными. Бдительность партии не знала предела! И вот к Новому году в оформлении магазинов, на плакатах, открытках появились снежинки-уроды: пяти-, семи-, восьми- и т.д. угольные...

Вообще, диктат партии в области литературы и искусства был всеобъемлющим (Осип Мандельштам говорил: «Поэзию понимают только у нас – за нее расстреливают»). Проверялось все и вся. Переводные книги выходили с купюрами, причем убирались даже отдельные слова, которые могли хотя бы косвенно указать на «нежелательные» ассоциации. В 60-70 годах, когда партия в очередной раз боролась с религией, были за-

прещены к публичному показу кресты, на телевидении нельзя было показывать... людей с бородой! В нашем театре в это время ставился балет «Кижская легенда», в котором, естественно, в оформлении должен был быть Кижский собор. Казалось бы, тупиковая ситуация. Но недаром советские деятели искусств прошли школу выживания при этом режиме. Художник спектакля Борис Кноблок умудрился написать задник с собором так, что, вроде бы, крестов и нет. Они были, как бы в профиль, да еще небо было расписано пунктирными штрихами, что тоже размывало картину. Во время показа одноактного балета «Душа Испании» на телевидении в Харькове, где мы гастролировали, наших артисток заставили снять с костюмов кресты. Никакие доводы, что это часть костюма, авторское видение художника не возымели никакого действия – режиссер сказал, что не собирается из-за наших крестов ставить крест на своей карьере и лишаться работы. «Сами понимаете», – и он показал пальцем вверх. А на сдаче оперетты «Сильва» в зале сидел инструктор обкома партии по культуре с пьесой в руках и проверял текст! Там-то что искать? В оперетте, да еще написанной в 1915 году?! Рассказывают интересную историю про одного театрального художника в Москве. Он создал эскиз модернистской декорации к спектаклю (естественно, что даже само слово «модерн» для советской номенклатуры было ругательным), и посередине сцены поместил красный стул. Собрался худсовет театра (в состав любого художественного совета обязательно входили представители партийных органов) для приема эскиза. Первый же выступающий обрушился с руганью на этот стул: это «не наше», это «тлетворное влияние Запада», его необходимо убрать. Художник ответил, что не согласен с этим, и стул здесь воплощает концептуальную идею. После слов о «концептуальной идее», уже все стали поносить злосчастный стул, даже друзья. Художник стоял на своем. После почти полутора часов дебатов художник все же согласился убрать этот стул. Эскиз приняли. Представитель райкома партии первым подошел к нему, пожал руку, поздравил, как он сказал, «с победой над собой». Друзья окружили художника: «Ну, согласись, что так лучше, стул тут ни к чему». «Конечно, это и дураку понятно. Зато никто не обратил внимания на все остальное, в противном случае «зарубили» бы весь эскиз!..»

Тогда, в 1967 году, по моей просьбе Юрий Нивин, талантливый художник и врач, изготовил значок в виде магендавида, который я потом долго носил на лацкане пиджака. Летом 1969 года в Уфе, где наш театр находился на гастролях, на улице ко мне подошел неизвестный человек и спросил: «Зачем?» Я ответил, что это протест против антисемитизма в СССР. Он протянул: «А-а-а...» – и отошел. Был это гебист, или просто прохожий, не знаю. Во всяком случае, «органы» занялись мной лишь в 1970 году.

В том же 67-м, в июле, мы давали концерт на телевидении в Донецке. Режиссер посмотрел программу и все номера, авторы которых носили «подозрительные» фамилии вычеркнул из списка:

– Никаких Якобсонов, Шнеерсонов, Каганов, Коганов, Стравинских, Слонимских...

– Но Стравинский – русский! Его отец, бас Федор Стравинский, пел в Мариинском театре!

– А мне на это ... Фамилия-то как звучит? Мариинский театр – это при царе-горохе, тогда, может быть, и можно было, а сейчас – чтоб ничего еврейского! Я сам не Иванов (ну, это было видно), но ...

И он сказал то, что мы впоследствии слышали не раз: он сам ничего не имеет против, но «всевидающее око партии» следит за всем. Все, что идет в эфир, тщательнейшим образом просматривается, и, если он пропустит, – это будет считаться «идеологической диверсией», тем более что он сам еврей. А еще хочется пожить спокойно (какой, уж, тут покой?), доработать до пенсии, и дети растут...

Ну, что ж, может быть, он был и прав по-своему. Теперь уже его дети выросли, дай Б-г им здоровья. Интересно, где они сейчас, в Израиле? Или ходят в донецкую синагогу? Но может быть и так, не про нас будет сказано, – выступают против «человеконенавистнической сущности иудаизма», как Борис Спасский...

Октябрь, 2005

Мое «самолетное дело»

В последних числах мая 1970 года моя подруга Ирина Бродская, работавшая тогда в нашем театре, осмотревшись вокруг, тихо сказала, что вчера ее вызвали в КГБ и расспрашивали обо мне, предупредив, что она не имеет права сообщать кому-либо об этом. Разговаривали с ней в номере гостиницы «Северная», арендуемом КГБ специально для подобных встреч, чтобы не привлекать внимание. (По иронии, в этом номере, который нам устроили по большому благу, мы с женой провели свою первую брачную неделю.) На следующий день о такой же встрече, но состоявшейся уже в университете, мне сообщил врач Юрий Нивин, предупредив, что дело серьезное, и что его почему-то еще спросили о двух врачах-евреях. Как выяснилось позже, вызывали еще некоторых моих близких знакомых, но не все отважились предупредить меня.

Надо сказать, что в течение нескольких лет я посещал Публичную библиотеку, читая старые газеты и журналы, собрания сочинений Ленина, Сталина, выписывая цитаты и материалы, связанные с интересующими меня моментами советской истории. Я, наверное, единственный прочитал все журналы «Большевик» («Коммунист») с 1924 года и послевоенную подшивку газеты «Правда» – довоенную не выдавали. Сделанные мной записи, собранные вместе, красноречиво обвиняли советскую власть во многих тяжких грехах: в антисемитизме, репрессиях, развязывании войны и т.п. Своими «открытиями» я охотно делился с друзьями, а также с убежденными коммунистами и адептами системы, вызывая у последних просто ярость. За это можно было получить хороший срок. Я срочно принялся уничтожать бумаги, ожидая обыска, снял с пиджака значок со звездой Давида.

4 июня меня вызвали в КГБ, и дежурный указал на комнату на первом этаже недалеко от входа. Сразу же туда вошли четыре человека. Симпатичный молодой офицер представил всех (их фамилии я не запомнил), представился сам – капитан Яровой – и обратился ко мне:

– Скажите, Дмитрий Григорьевич, зачем Вы читаете Ленина?

Я ожидал чего угодно, только не этого! Во-первых, меня впервые назвали по имени-отчеству (с тех пор, когда я слышу «Дмитрий Григорьевич», мне хочется протянуть руки для наручников); во-вторых, готовясь к встрече, я обдумывал различные варианты ответов, но не на такой вопрос (очевидно, они понимали, что нормальный человек читать это не будет). По БиБиСи, которое я регулярно слушал, давали рекомендации ответов на стандартные в подобных случаях вопросы, написанные прошедшими допросами в КГБ советскими диссидентами, но такого там не было. Я стал что-то плести насчет того, что, не получив высшего образования (кстати, в большой степени по вине КГБ, но это другая тема), я пытаюсь восполнить пробелы, что современному человеку необходимо знать труды ...

– Но наши враги тоже изучают классиков марксизма-ленинизма.

Разговор продолжался почти три часа. У каждого была своя определенная роль: капитан Яровой вел беседу достаточно корректно, направляя ее; другой время от времени встречал, не всегда кстати, пугая, что их организация не воспитывающая, а карающая, что я не знаю сколько в этом здании этажей там, выразительно показывая пальцем вниз, и вообще, они могут меня просто не выпустить отсюда; третий «доверительно» советовал лучше заняться девушками, рожать детей (может он и прав), а не заниматься ерундой; четвертый за все это время не сказал ни слова, просто смотрел пронзительными глазами куда-то вглубь, и от этого взгляда становилось не по себе. Во время разговора без стука открылась дверь, и солдат внес... венок (не сонетов)!

– Это для меня? – сострил я.

– Нет, – совершенно серьезно ответил капитан Яровой, – у нас будет возложение к Вечному огню (Республика в эти дни праздновала свое пятидесятилетие).

В подтверждение своей правоты по поводу существования государственного антисемитизма в СССР я достал, взятый с собой, свежий номер газеты «Комсомольская правда» (тогда газеты, естественно, были только государственные) с погромной статьей «Фашизм под голубой звездой», утверждающей, что евреи давно уже вымерли или растворились в других народах, поэтому такого народа нет, а название «еврей» просто присваивается различным далеким друг от друга этническим группам (интересно, кем присваивается и за какие грехи?) Капитан Яровой взял ее, ничего не ответил, обещал познакомиться. Тогда я впервые услышал много еврейских фамилий людей, занимающих достаточно высокие должности в Республике, названных в доказательство того, что у нас нет антисемитизма.

– А как эти люди проявляют себя, как евреи? – догадался спросить я.

Тот, кто постоянно запугивал меня, вскочил:

– А как они должны «проявлять себя»? Они живут в Советском Союзе! – и вышел, еще раз напомнив, что их организация карательная.

Меня отпустили около семи часов вечера. Капитан Яровой посетовал, что моим делом занимался целый отдел, а у них и без того хватает работы, и предупредил, что думать я могу что угодно, слушать какие угодно «голоса» (имелись ввиду западные радиостанции – единственный источник правдивой информации в то время), но, если я буду продолжать распространять сведения, порочащие наш строй – меня ждет «соответствующее» наказание. Это была новая установка – раньше не то, что слушать «голоса», но и думать было нельзя. Придя через некоторое время в Публичную библиотеку, я узнал, что газеты и журналы прошлых лет теперь можно получить только по специальному разрешению «компетентных» органов.

А 14 июня в ленинградском аэропорту «Смольный» и в Приозерске арестовали 11 человек, собиравшихся угнать самолет в

Швецию, чтобы потом перебраться в Израиль (в то время власти всячески препятствовали выезду евреев из СССР, и многие, подавшие заявления на отъезд, по несколько лет находились «в отказе», или по вымышленным обвинениям попадали в тюрьму или в «психушку»). Как оказалось, властям удалось узнать о замысле с самолетом заранее, и они, судя по всему, решили расправиться под эту марку с еврейским движением в стране. Последовали аресты в Одессе, Риге, Свердловске, Кишиневе. Мое дело, очевидно, просто не «дотягивало» до суда. Первый «самолетный процесс» состоялся в Ленинграде в декабре 1970 года (затем был второй ленинградский процесс, процессы в Риге, Одессе, Свердловске, Кишиневе).

В это время я находился в Ленинграде с театром на гастролях и, узнав о начале процесса, сразу же пошел туда. В помещении городского суда шел ремонт, в коридорах было грязно, пахло известкой, некоторые переходы были перекрыты. Никаких указателей не было, но я почему-то, даже никого не спрашивая, быстро нашел то, что мне нужно (обратный путь мне дался гораздо труднее). Небольшое помещение, из которого лестница шла наверх, было почти пустым. На скамейке вдоль стены в ожидании сидели несколько человек. На мой вопрос, где идет суд, кто-то кивнул в сторону лестницы. Тут я только заметил наверху военных, но все же двинулся в их сторону. Офицер, преградив мне путь, спросил куда я и есть ли у меня пропуск. На мой вопрос, какой может быть пропуск на открытый процесс (как было объявлено в газете) ответил, что зал маленький, желающих много, мест нет. Я сказал, что постою, на что он твякнул какое-то ругательство и схватился за кобуру (почти такая же сцена повторилась позже на процессе Александра Гинзбурга в Калуге в 1978 году). Вскоре в заседании суда был объявлен перерыв, и публика, прилично одетая, важно спустилась по лестнице. Было заметно, что все между собой знакомы. А когда одна женщина неосторожно воскликнула: «Да здесь вся идеология Ленинграда!», все стало ясно – показательный процесс! Работников «идеологического фронта» учили, как надо поступать с этими евреями. 24 декабря огласили приговор: Марка Дымшица и Эдуарда Кузнецова – к расстрелу «за измену родине», остальным от 10 до 15 лет!

Прошло время. «Империя зла» развалилась. Еврейская жизнь вышла из подполья, давая все новые ростки, и вещи, немислимые еще несколько лет назад, стали нормой. Я приехал в Москву на очередной еврейский семинар, и нас повезли на встречу с Ицхаком Рабиным, приехавшим с официальным визитом в Россию. Встреча должна была состояться в Большой хоральной синагоге. До этого я ни разу в синагоге не был, и мне очень хотелось попасть туда. Я даже изменил своему правилу – не соваться туда, где много людей, но был буквально затерт толпой и, не дойдя до входа, еле выбрался на волю. Народу собралось намного больше, чем синагога могла вместить. Вся улица была запружена людьми, пришедшими на встречу, охраной с собаками, вокруг на крышах домов видны были снайперы. Невдалеке, отдельно от всей этой кутерьмы посередине дороги одиноко прохаживался невысокий, крепкого сложения человек.

– Вы знаете, кто это? – спросил меня Александр Брод, редактор самарской газеты «Тарбут», приехавший вместе со мной.

– ?

– Эдуард Кузнецов. Я знаю его по семинару в Израиле, хотите познакомиться?

Я был изумлен. Я знал, что Кузнецову и Дымшицу под давлением мировой общественности тогда заменили смертную казнь на 15 лет, что Кузнецов, отсидев 8 лет, уехал в Израиль (кажется, его на кого-то поменяли – была с СССР такая практика) и стал главным редактором русскоязычной газеты «Вести», но никак не мог ожидать такой встречи.

Мы подошли. Эдуард Кузнецов узнал Сашу, разговорились. Оказывается он, как журналист, приехал освещать визит Рабина. Саша представил меня, и я сказал, что восхищен его мужеством, волей, что его пример оказал большое влияние на формирование еврейской самоидентификации у многих «неопределившихся» и т.п. Сказал также, что все дни «самолетного процесса» приходил и демонстративно «присутствовал» под дверью. (Один раз за мной увязался какой-то «проводатый»,

который поинтересовался, не родственник ли я кого-нибудь из подсудимых, кто я и зачем прихожу. Я, понимая с кем имею дело, представился, все спокойно рассказал и пригласил на спектакли нашего театра. Больше я его не видел.) Эдуард Кузнецов улыбнулся, ничего не ответил. Понятно, что он мог сказать? Тогда, 24 декабря я отправился в гостиницу «Октябрьская», а он – в камеру смертников. Есть некоторая разница.

Тут к нам подошел подвыпивший человек, лет 35, в новенькой камуфляжной кепке с полиэтиленовым пакетом в руке:

– Что это вы, евреи, всё мельтешите, нагнали охрану, чего боитесь?

– Ну, положим, охрана не наша, а ваша, – ответил Кузнецов.

Завязался глупый разговор, в котором тот, обращаясь к Кузнецову, все говорил, что против евреев ничего не имеет, что евреи хорошие врачи, но все же, что-то ему в евреях не нравится. И опять про охрану, собак, снайперов...

– А ты знаешь, с кем разговариваешь? – не выдержал я, – это знаменитый человек, один их героев нашего народа, был в свое время приговорен советской властью к расстрелу!

Мужичок как-то сразу протрезвел, выпрямился, уважительно протянул Кузнецову руку:

– За что тебя так?

– За измену родине.

– Ну, ты меня извини, я немножко выпил – кепку вот новую купил, сам понимаешь. Вообще-то я потомственный дворянин...

– Я тоже.

– Как это – еврей и дворянин?

– У меня отец из дворян, а мать – еврейка.

– Слушай, у меня тут еще осталось, давай?

Он полез в пакет:

– Уй, ..., пролилось!

Извлек старую мокрую кепку, выжал ее, достал бутылку:

– Ну, слабо с горла?

– Запросто.

Они распили пополам оставшуюся водку, «дворянин» аккуратно убрал пустую бутылку в пакет, пожал всем руку на прощание, поблагодарив за что-то, и пошел навстречу кавалькаде машин с премьер-министром Израиля.

Июнь 2002

*Скончался Александр Гинзбург.
Ветеран советского диссидентского
движения Александр Гинзбург скончался утром в пятницу в
Париже. Гинзбург родился в 1936 году, в 1959-1960 годах основал
один из первых самиздатовских журналов «Синтаксис», был
одним из основателей Московской Хельсинкской группы. В 1979
году Гинзбург был выслан из СССР. Жил в Париже, являлся соиз-
дателем газеты «Русская мысль». //«Эхо Москвы»*

Андрей Дмитриевич

В начале июля 1978 года, находясь с театром на гастролях в Калуге, слушая вечером, как обычно, БиБиСи, я узнал, что в городе открывается процесс по делу Александра Гинзбурга, распорядителя Фонда Солженицына. Этот фонд, основанный на гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ», был учрежден Солженицыным для помощи политическим заключенным в СССР и их семьям. На следующий день в местной газете появилась маленькая заметка, сообщающая, что в городском суде начинается слушаться дело «об антисоветской деятельности А. Гинзбурга, проживавшего на территории калужской области». Распросив, где находится суд, я после репетиции направился туда.

Суд располагался в живописном месте, напротив Дома пионеров, на высоком обрыве, откуда открывался совершенно удивительный вид на бескрайнюю даль. С одной стороны здание суда граничило со старым парком, отделенное от него оградой, поросшей кустарником, с другой стороны через дорогу – огромный овраг. Попасть к зданию можно было только по единственной дороге, оканчивающейся тупиком. Уже на подходе было много милицейских постов, но пропустили без препятствий.

Перед зданием суда на равном расстоянии друг от друга прохаживались или стояли крепкие молодые парни в штатском, чья выправка сразу давала понять для чего они здесь (как выяснилось позже, они были командированы из Москвы и жили в одной гостинице со мной). Среди этих молодцев одиноко выгля-

дел средних лет милиционер, казавшийся чем-то инородным. Невдалеке в небольшом скверике стояла группа из шести-семи человек. Молчали, чего-то ожидая. По обе стороны входа на стульях сидели «мальчики». Я подошел, мне преградили путь, спросив, куда я направляюсь.

- На процесс.
- Ваш пропуск.
- Какой пропуск может быть на открытый процесс?
- Дело в том, что зал небольшой, и не может вместить всех желающих.

Я это уже слышал на «самолетном процессе», но здесь вежливо, спокойно.

Я отошел в сторону и огляделся. Что-то было почти нереальное во всем этом: тихий теплый день, солнце, пробивающееся сквозь листву деревьев; лениво прогуливающиеся молодые люди в штатском; группа неважно одетых с усталыми лицами немолодых уже мужчин и женщин; какой-то корреспондент с иностранным фотоаппаратом на плече, любопытно осматривающийся вокруг; под деревом одиноко на спортивной сумке в сером костюме сидящий средних лет высокий мужчина. И тишина. А там, внутри здания идет суд, к которому приковано внимание всего мира, решается судьба человека, а может и не одного! Все это не складывалось в единую картину, не стыковалось одно с другим.

Неожиданно на дороге появился энергичный молодой человек, и смело направился к входу в здание суда. Привычным движением руки показал удостоверение и на приличном русском сказал, что он корреспондент агентства Франс пресс, специально прилетел из Парижа освещать процесс. Ему сказали, что в зале нет мест. Он предложил постоять.

- Одну минутку.

Дежурный ушел внутрь здания. Все с интересом ждали, чем это кончится.

Через некоторое время дежурный вернулся и сказал, что не разрешают... по причине пожарной безопасности.

Минут через пять из дверей почти выбежала молодая, но уже поседевшая женщина:

– Бандиты! Что они с Аликом сделали! Я его сначала не узнала!

Ее окружили друзья, те, что ждали в сторонке, и она говорила, говорила. Человек в сером костюме, сидевший под деревом встал и направился к группе.

– Андрей Дмитриевич, они бандиты! – женщина бросилась к нему, – но Алик молодец, держится хорошо, хотя очень бледный, узнал меня, кивнул.

Андрей Дмитриевич? Сахаров!!!

Это было время, когда в советских газетах всячески поносили академика Сахарова, публиковали письма «трудящихся» с его осуждением за его правозащитную деятельность. Еще в 1968 году на западе была опубликована его работа «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (в СССР появившаяся в самиздате), которая наметила всю дальнейшую деятельность Андрея Дмитриевича, как защитника прав человека. Основные темы – о войне и мире, о диктатуре, сталинском терроре, свободе мысли, демографические проблемы, загрязнение среды обитания и той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. Те же темы прозвучали и в Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека», которую зачитала на церемонии присуждения академику Андрею Сахарову Нобелевской премии Мира за 1975 год его жена Елена Боннэр. Сам Сахаров не присутствовал на вручении премии, боясь, что советские власти не впустят его обратно на родину.

– Я хочу сделать заявление для прессы, – Андрей Дмитриевич произнес это спокойно, но прозвучало это очень весомо. К нему подошли корреспонденты из Франс пресс и тот, с фотоаппаратом, оказавшимся корреспондентом какой-то английской газеты. Они отошли в сторону и стали записывать заявление Андрея Дмитриевича.

Оказалось, что был объявлен перерыв в заседании суда, хотя из зала никто не вышел, кроме жены подсудимого Александра Гинзбурга Арины Жолковской и его адвоката, и друзья достали термос, бутерброды, чтобы накормить их. Публику, присутствующую на суде, кормили в буфете внутри здания. Неожиданно термос выпал из чьих-то рук и разбился. Наступила неловкая пауза.

– Это – к счастью, – сказал я.

– Да, да, к счастью, – подхватил кто-то: очень хотелось в это верить.

К группе подошел Андрей Дмитриевич:

– Я пойду на почтамт, позвоню в Москву.

В Москве в это же время шел громкий процесс над Анатолием Щаранским, «подкупленным международным сионизмом и империализмом», как писали советские газеты, обвиненным в шпионаже и измене Родине. Там «дежурила» Елена Боннэр (Надо сказать, что на время всего процесса международная телефонная связь с Калугой была прервана, а из гостиницы, в которой разрешено было поселиться только жене Гинзбурга Арине, и междугородняя).

После перерыва Арина вернулась в зал заседаний (из всех друзей Гинзбурга, туда допустили только ее), а группа вместе с корреспондентами перешла на солнечную сторону улицы, и завязался разговор. Как я понял из разговора, среди присутствующих оказался известный советский физик-ядерщик Сергей Поликанов, который, узнав, что корреспондент из Парижа, рассказал анекдот:

Один говорит другому:

- Что-то опять в Париж захотелось!
- Часто там бывал?
- Нет, часто хотелось.

Вернулся Андрей Дмитриевич, и они с Поликановым стали прогуливаться по дороге рядом с судом. Непонятно откуда на встречу им появились двое «прохожих», появились именно с той стороны, откуда прохода нет. Поравнявшись с ними, один, зло глядя на Сахарова:

- Сахаров... Небось, Цукерман какой-нибудь.

Поликанов вздрогнул от неожиданности, затем с усмешкой:

- Глас народа!?

Андрей Дмитриевич примирительно:

- Ну, ладно, люди на работе.

Действительно, «на работе», иначе и не могло быть: откуда советский человек мог знать Сахарова в лицо? По телевидению не показывали, в газетах портрета не печатали, всю жизнь был засекречен. А вообще, интересно задуматься над тем, что в СССР (да и сейчас в России) слово еврей или еврейская фамилия употребляются как обвинение человека в чем-то.

Вечером у гостиницы, куда проводили Арину, можно было наблюдать любопытную картину: в крохотный «Запорожец», еще первого выпуска, за рулем которого сидел Поликанов, втиснулся, сложившись чуть ли не вдвое Андрей Дмитриевич, и они поехали в Москву, так как ночевать в Калуге им было негде. И на следующий день обратно.

На следующий день перед тем, как идти на процесс, я зашел на рынок и купил пять роскошных алых роз. Мизансцена у суда

была прежней. Интересно, что кроме меня и все тех же друзей Гинзбурга, ночевавших неизвестно где, никого посторонних не было. Власти зря опасались проявлений какого-либо интереса, уже не говоря о протесте советских людей против происходящего. Уже заканчивался перерыв в заседании, и я, подойдя к Арине, протянул цветы:

– Держитесь!

Она улыбнулась, хотела что-то сказать, но ее окликнули – начиналось заседание.

Помахав цветами, она скрылась за дверь. Я представил ее в зале суда, среди нагнанных туда каких-нибудь номенклатурных идеологических работников райкомов, горкомов и т.п. с букетом алых роз! Должно быть, впечатляющая картина! Но это продолжалось недолго. Минут через десять Арину вывели из зала суда якобы за реплику, брошенную ею в ходе показаний одного из «свидетелей» по поводу «аморального образа жизни» Александра Гинзбурга. Ее окружили друзья, подошел Андрей Дмитриевич. Корреспондент попросил разрешения сфотографировать ее с букетом роз на фоне здания суда. Охрана подошла и вежливо попросила отойти подальше и снимать так, чтобы здание не было в кадре. Вся группа переместилась на другую сторону улицы. Андрей Дмитриевич остался один. Я подошел и сказал:

– Андрей Дмитриевич, Вы – великий человек. Вам поставят памятник в России. Не думайте, что все в нашей стране подонки.

Он удивился, улыбнулся своей какой-то светлой детской улыбкой, но ничего не ответил. К нему подошел Поликанов и отвел для какого-то разговора.

Я, поставив на землю портфель, стал ждать дальнейших событий.

– Это Ваш портфель? – вдруг вывел меня из раздумий негромкий твердый голос.

От неожиданности я даже вздрогнул – прямо передо мной стоял человек в штатском. Я обернулся – сзади с каким-то извиняющимся выражением лица стоял немолодой милиционер.

– Возьмите портфель и следуйте за мной, – все так же негромко приказал молодой человек.

Мы двинулись в сторону перегороженных двумя грузовиками ворот во двор суда. Протиснувшись между ними, оказались внутри уютного дворика. Из боковой двери здания вышел еще один молодой человек, который потребовал у меня паспорт. Меня обыскали, попросили вынуть все из портфеля. Там оказались ноты – я шел с репетиции. Спросили, что я делаю в Калуге.

– Это кто? – оживился штатский, доставая фотографию, которую я всегда ношу с собой.

– Папа.

Интерес сразу пропал и, забрав паспорт, молодые люди скрылись за боковой дверью в здании суда.

– Не связывайтесь с ними, – неожиданно произнес милиционер, – ничего хорошего от них ждать нельзя.

Я поблагодарил его. Один из молодых людей вернулся, отдал мне паспорт и предупредил, что, если я еще раз появлюсь здесь, у меня будут большие неприятности. Затем показал на незаметную калитку в глубине двора и попросил уйти через нее.

– А как же я найду дорогу?

– Вам покажут.

Я не понял, но пошел к калитке, через которую попал на задворки городского парка. Пройдя несколько шагов по тропинке, увидел двоих молодых людей, сидящих на какой-то самодельной скамейке и играющих в шахматы. С такой выправкой только в шахматы и играть!

– Вы откуда?
– Оттуда, – я указал назад, – как мне пройти к выходу из парка?

Они понимающе кивнули и показали путь. Через поворот тропинки опять сидели «шахматисты».

Выйдя из парка, я пошел в гостиницу. Стал накрапывать дождь. На душе было гадко. По щекам потекли слезы – слезы бессилия.

Январь 2003

P.S.

Вернувшись с гастролей, я ожидал, что мной займется КГБ, но никакой реакции не последовало. Лишь много-много позже случайно в разговоре возникла тема гастролей в Калуге, и артистка балета N рассказала, что тогда она вместе с подругами пошла после спектакля поужинать в ресторан гостиницы, где мы жили, и там они познакомились с молодыми людьми, оказавшимися гэбэшниками из Москвы. Один из них спросил, работает ли в театре пианист Дмитрий Цвибель. Девушки очень удивились, что я такой знаменитый, и с гордостью наговорили про меня много хорошего. Те попросили передать, чтобы я больше не приходил на процесс, а то у меня будут неприятности. Девушки набросились на опешивших ребят, пообещав, что если те донесут на меня, то неприятности будут у них, что они больше не сядут с ними за один стол и пр., и пр. Но после шампанского с одной стороны и приглашения на спектакль с другой конфликт был исчерпан.

Я до сих пор не могу объяснить себе почему сказал Андрею Дмитриевичу про памятник в России, а не в Советском Союзе, или в СССР, как тогда было принято, но решил, что обязательно приеду на открытие, где бы его ни возвели, и где бы я ни находился. Не получилось: я узнал о памятнике только на сле-

дующий день после открытия. Его открыли 5 июля 2003 года в Санкт-Петербурге (автор Левон Лазарев). В это время я был на учебе в Иерусалиме, где уже через год после смерти Андрея Дмитриевича прямо на въезде в город в 1990 году по инициативе Натана Щаранского и легендарного мэра столицы Тэдди Коллека был разбит миниатюрный парк, и всех, въезжающих в город, встречает надпись на иврите, арабском, английском и русском языках «Сады Сахарова». Возвращаясь домой, я посетил памятник, установленный на площади Академика Сахарова на Васильевском острове, около Санкт-Петербургского университета (здания Двенадцати коллегий) и Библиотеки Российской академии наук, оставив на гранитной глыбе-постаменте камешек, привезенный из Израиля. Несколько позже узнал почти детективную историю, связанную с этим памятником, и даже встретился в Израильском культурном центре Петербурга с членами инициативной группы, благодаря которым и стало возможным его открытие: Исааком Кушником, Андреем Степаненко, Валерием Гаврилюком, Виктор Елисеевым. Больше всего они гордились тем, что памятник создан исключительно на частные пожертвования.

К годовщине смерти Андрея Дмитриевича Сахарова хор Петрозаводской консерватории под руководством У Ген-Ира подготовил программу концерта, посвященную светлой памяти этого великого человека, прошедшего в помещении Финского театра. Балерина Наталья Гальцина, балетмейстер Вячеслав Шепелев и я, как пианист, создали концертный номер «Буревестник» на музыку этюда № 12 Александра Скрябина, который был исполнен в качестве эпитафии к концерту. Проезжая на гастроли Москву, узнав адрес, где жил Андрей Дмитриевич, – пр. Чкалова (ул. Земляной вал), д. 48, кв. 68 – я понес афишу этого концерта. Дверь открыла женщина, в глубине длинной прихожей был виден большой портрет Андрея Дмитриевича. Я спросил Елену Боннэр. Женщина ответила, что Елена Георгиевна никого не принимает, много работает, что мне нужно? Я извинился, объяснил, что пришел только с целью выразить свое глубокое уважение и передал афишу.

С Анатолием (Натаном) Щаранским я познакомился в сентябре 2001 года, когда в составе небольшой делегации РЕКа (Российского еврейского конгресса) приехал в Иерусалим на акцию против палестинского терроризма. Он был тогда министром строительства, и принял нас на своем рабочем месте. Идя по улице Бен-Иегуда к пиццерии «Sbarro» – месту очередного совершенного теракта, в телевизоре, выставленном в окне одного из кафе, увидели горящий небоскреб и самолет, врезающийся в соседний небоскреб. Подумали, что это очередной боевик, но все оказалось гораздо страшнее – это был чудовищный теракт! Вечером в гостинице, где остановилась делегация из США, мы зажгли свечи памяти по погибшим и выразили соболезнование американской делегации. На следующий день во время встречи в министерстве обороны в Тель-Авиве в зал вошли двое военных и врач, которые попросили одну из американок выйти, чтобы сообщить ей, что в этом теракте погиб ее родственник.

Второй раз я встретился со Щаранским (он уже был главой СОХНУТа), когда он приехал в Петербург на встречу с руководителями еврейских общин Северо-Запада, и он оставил автограф на своей широко известной книге «Не убоюсь зла», переведенной на несколько языков, которая сейчас хранится в библиотеке нашей общины.

В 2012 году в Интернете появилось интервью того самого корреспондента агентства Франс Пресс, Николя Милетича, которого я видел у здания суда, данное Елене Поляковской, под названием «Серб и молод». На вопрос Поляковской: «Что же вас так привлекало в этой стране?» ответил:

– Люди. Удивительные люди, которых я здесь встретил (...). Недели через две после приезда в Москву меня отправили в Калугу, где был суд над Александром Гинзбургом. Одновременно с этим в Москве шел суд над Щаранским, но дело в том, что у нас в АФР был специалист по еврейским делам – Пьер Лэгал, и никто не мог претендовать на эту тему, кроме него. Поэтому я отправился на суд Алика Гинзбурга. Там я познакомился практически со всеми, кто занимался правозащитной деятельностью.

стью, – с Сахаровым, Боннэр, Мальвой Ланда, Ходорович, Ариной Гинзбург, естественно (...) Мне и до этого хотелось как-то помочь, но я не очень понимал как. Но когда ты слышишь рассказ Арины о том, что происходит в зале суда, когда ты видишь людей, которые мирно стоят, никого не трогают, а их грубо отгоняют или говорят, что в здании суда нет мест – абсолютная ложь, когда ты видишь морды людей в штатском, то ты понимаешь: все, что я могу сделать против этих мерзавцев, буду делать. В этом заключалась простота той эпохи – было видно, где добро, а где зло (...) То есть, если у тебя еще оставались какие-то сомнения по поводу происходящего вокруг полного маразма, после этого они благополучно исчезали. Я говорил своим друзьям в Париже, что для того, чтобы понять, что такое советская пресса, нужно купить газету «Правда» и прочитать ее от начала до конца...

А сейчас?

А сейчас я уже пятый (!) год хожу на процесс над Юрием Дмитриевым, который нашел схороненные в страшных ямах останки и вернул из забвения тысячи имен, убитых советской властью людей на территории Карелии – то, что должна была сделать сама страна, породившая столь чудовищный режим. Вместо этого на Дмитриева завели сфабрикованное уголовное дело по гнусной статье, чтобы можно было вести дело в закрытом режиме. Дважды Юрий Дмитриев был судом оправдан, но это не устроило заказчиков, и вот идет третий суд! Список людей и организаций, как российских, так и зарубежных, вставших на его защиту, занял бы несколько десятков страниц, но судилище продолжается. Люди приезжают из других городов, чтобы, пока Юрия Дмитриева охранники (от четыре до шести) проводят по лестницам и коридору, аплодисментами выразить ему свою поддержку. Случай беспрецедентный! Там я и познакомился с Ниной Литвиновой – внучкой Максима Литвинова, Народного комиссара по иностранным делам СССР (1930 – 1939), дочкой Флоры Литвиновой (Ясиновской), скончавшейся 29 декабря 2020 года на 103-м году жизни, оставившей мемуары «Очерки прошедших лет», где более 50-ти страниц посвящены

пронзительным воспоминаниям о Шостаковиче – документальное свидетельство об искореженной несправедливой властью душе великого композитора. Нина Литвинова, как оказалось, тоже была на процессе над Александром Гинзбургом в Калуге в 1978 году – 43 года назад!

Сколько же еще надо прожить, чтобы увидеть Россию светлой и свободной?!

Апрель 2021г.

Август 91-го

Август 14-го – начало Первой мировой войны, гибель армии Самсонова;

Август 39-го – пакт Молотова-Риббентропа, начало Второй мировой войны;

Август 45-го – нападение СССР на Японию, в этой войне до сих пор не поставлена точка;

Август 52-го – расстрел деятелей еврейской культуры в СССР, «окончательное решение еврейского вопроса-2»;

Август 68-го – оккупация Чехословакии, удушение «социализма с человеческим лицом»;

Август 91-го – путч в СССР, вялотекущая агония коммунизма, затянувшаяся до настоящего времени.

Елена Боннэр: «Итак, кто совершил переворот (дело не в фамилиях – вы их уже знаете)? Персонально – это все выкорымыши (простите мне мой язык), выблядки КГБ: военно-промышленный комплекс, структуры, которые кормят его и которых он кормит – генералитет и примыкающий к ним (а точнее, командующим им) Комитет государственной безопасности с верным младшим братом – МВД» («Огонек» № 37, 7-14 сентября 1991г., стр.2)

Рой Медведев: «В ночь с 20 на 21 августа 1991 г. в подземном транспортном туннеле на пересечении Калининского проспекта (ныне улица Новый Арбат) и Садового кольца (улица Чайковского) погибли три молодых москвича: Дмитрий Комарь, Владимир Усов и Илья Кричевский. Их смерть была следствием драматически сложившихся обстоятельств, и органы прокуратуры как Москвы, так и Российской Федерации, внимательно изучавшие ход событий в подземном туннеле, не нашли ни в действиях военных, ни в действиях гражданских лиц состава преступления».

Отсутствует «состав преступления», очевидно, и в других «августах» в истории России XX века – именно в этом и есть,

как можно предположить, основная причина большой беды нашей страны. Страны, загнавшей себя в какое-то средневековое состояние, несмотря на свой гигантский потенциал, растрачиваемый неизвестно на что и неизвестно зачем.

«Почему Россия не отказывается от сталинизма?» – спрашивает Тони Хэлпин (The Times, 27.07.2011), вернувшись из поездки на Колыму. Он пишет: «В России так и не произошло ничего похожего на немецкую «денацификацию», вследствие чего «организации, несущие ответственность за зверства ГУЛАГа, процветают и по сей день». Коммунисты имеют второе по численности представительство в российском парламенте, их лидеры по телевизору с невозмутимым лицом осуждают коррупцию и ностальгируют по славным советским денькам, не считая нужным дистанцироваться от Сталина. Россия громко выражает недовольство всякий раз, когда в бывших советских республиках открываются музеи оккупации, осуждающие коммунистический период, когда эти республики объявляют противозаконной демонстрацию символики советской эпохи... Свершится ли акт социальной справедливости, в ходе которого виновных, наконец, призовут к ответу за совершенные ими преступления? Или же в интересах «стабильности государства» восторжествуют силы забвения?»

Ответом на этот вопрос можно считать Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»

«В целях обеспечения согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, направленной на противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, постановляю:

1. Образовать Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

... 2. Комиссия в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, а также настоящим Положением».

(Как написано в Указе: «Опубликовано 20 мая 2009 г. Вступает в силу с момента подписания: 15 мая 2009 г.» Интересно, что делал этот Указ между подписанием, когда он вступил в силу, и опубликованием, когда о нем узнали?)

А как же с историческими фактами, материалами, свидетельствами?.. А как с попытками фальсификации истории во благо интересам России?.. Ах, да, извините... Если есть Указы и распоряжения Президента... Одним словом: Наука! Ну, с кибернетикой, генетикой – там все понятно. А, простите, закон всемирного тяготения – это не в ущерб интересам России? Ведь неизвестно кто, кого, когда, куда и за какое место потянет...

Вот и «потянуло». Ничего, казалось бы, не предвещал этот очередной понедельник (как известно, в России – день тяжелый, и хорошие дела в понедельник не делаются), 19 августа 1991 года такого, что бы вышло за определенные рамки. Ну, «Лебединое озеро» по телевидению с утра, конечно же, не самое лучшее, чего можно было ожидать. Но ведь есть еще один канал. Стоп! И там «Лебединое»! И музыка, вроде, та же, и танцуют, похоже, те же.

Телефонный звонок (надо сказать, что телефон нам поставили совсем недавно, мы «стояли» в очереди на него 19 лет!) – звонит знакомый и взволнованным голосом сообщает, что Горбачева «сняли», и чтобы я не выключал телевизор – скоро будет очередное важное сообщение. И действительно, скоро лебеди как-то растворились, и на экране по всей его ширине картинка, напоминающая «Тайную вечерю», только лица посерее, да и количеством поменьше. И кто-то из них (а может быть все сразу – там определить разницу между ними было трудно – очевидно тогда телевизионная техника была еще не на высоте) сообщил, что из-за болезни Президента страны Михаила Сергее-

вича Горбачева вся полнота власти ложится на плечи вот этим бедолагам под названием ГКЧП! Насколько тяжела эта власть было видно по трясущимся рукам одного из участников этого «явления народу». Они, ГКЧПисты, выражают надежду, даже уверены, что народ поймет, поддержит и т.д. Народ, очевидно, понял, потому что «Лебединое озеро» вернулось на экран, а там уже бушевали страсти, и все гадали, кто же такая эта Одиллия? И в ущерб или не в ущерб вся эта «попытка фальсификации» истории интересам России?

- А где Горбачев? – спрашивает шестилетний сын.
- Нет теперь Горбачева.
- А Ельцин?
- И Ельцина нет.
- А за кого мы тогда голосовать будем?
- Мы теперь, похоже, не голосовать, а голосить будем.

Понять-то народ понял, даже больше того, чего желало от него это ГКЧП. Но вот насчет поддержки вышла неувязочка. Даже у народа, имеющего «общеполитический здравый смысл и терпение» (по выражению «отца всех народов») есть, очевидно, какой-то лимит доверия, который, в конце концов, иссякает: после смерти Леонида Брежнева в 1982 году полтора года правил Юрий Андропов; после смерти Андропова год – Николай Черненко; после смерти Черненко – шесть лет Михаил Горбачев. И вот теперь, как объясняют этому народу, Михаил Сергеевич «по состоянию здоровья не может исполнять своих обязанностей», и предлагают, то ли еще кого-то, то ли еще чего-то... Перебор!

А тут еще совершенно неожиданно в 15:00 на первом канале Центрального телевидения СССР в программе «Время», в условиях строгой цензуры на других каналах, вышел сюжет, позднее так описанный известным журналистом Е.А. Киселевым: Я тогда работал в «Вестях». «Вести» были отключены от эфира. Сидим, смотрим первый канал (...) И появляется в кадре диктор, и вдруг начинает читать сообщения информационных агентств: президент Буш осуждает путчистов, премьер-министр Велико-

британии Джон Мейджор осуждает, мировая общественность возмущена – и под занавес: Ельцин объявил ГКЧП вне закона, прокурор России, тогда был Степанков, возбуждает уголовное дело. Мы в шоке... На третий день, под вечер, встречаю Танечку Сопову, которая тогда работала в Главной редакции информации Центрального телевидения, ну, объятия, поцелуи. Я говорю: «Татьян, что произошло у вас?» – «А это я Мальчиш-плохиш, говорит Таня. Я была ответственным выпускающим». То есть она собирала папку, подбирала новости. А был порядок: пойти все согласовать. «Захожу, – говорит, – раз, а там сидит весь синклит и какие-то люди, совсем незнакомые. Обсуждают, что передавать в 21 час в программе «Время». А тут я, маленькая, суюсь со своими бумажками». Она действительно такая крохотная женщина. «Мне прямым текстом говорят, куда я должна пойти со своими трехчасовыми новостями: «Сама верстай!» – ну, я пошла и сверстала».

Начинают распространяться распечатанные Указы Президента РСФСР Бориса Ельцина:

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

В связи с действиями группы лиц, объявившей себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление комитета по чрезвычайному положению неконституционным, квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся ничем иным, как государственным преступлением.
2. Все решения, принимаемые от имени, так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силу на территории РСФСР. На территории РСФСР действует законно избранная власть в лице Президента РСФСР, Верховного Совета

РСФСР и Председателя Совета Министров РСФСР, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения данного комитета, подпадают под действия УК РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента подписания.

19 августа 1991 г.

Б. Ельцин

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР БОРИСА ЕЛЬЦИНА. МОСКВА /РИА/.

Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР – Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР, – вице-президент СССР Янаев Г.И., премьер-министр Павлов В.С., председатель КГБ СССР Крючков В.А., министр внутренних дел СССР Пуго В.К., министр обороны СССР Язов Д.Т., председатель крестьянского союза Стародубцев В.Л., первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне Бакланов О.Д., президент ассоциации промышленности, строительства и связи Тизяков Л.И. и их сообщники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64,69,70,70 прим, 72 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик.

Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона.

На основании вышеизложенного постановляю: сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития,

дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках.

*Президент РСФСР Б. Ельцин
Москва, Кремль.
19 августа 1991 года
22 часа 30 минут*

В Москве вокруг Белого Дома, где собрались сторонники законного правительства во главе с Президентом РСФСР Борисом Ельциным, организуется круглосуточное народное оцепление, возводятся баррикады. (Позднее я познакомился с одним из тех, кто руководил доставкой палаток, теплой одежды, горячего питания защитникам Белого Дома – Александром Осовцовым, рассказавшим много интересного). Войска, подтянутые ГКЧП к Белому Дому и ждущие приказа о штурме, не получают его. В этот момент некоторые танкисты переходят на сторону законного Правительства, и Борис Ельцин прямо с брони танка № 110 Таманской дивизии обращается к москвичам, всем гражданам России с призывом дать достойный ответ путчистам и оглашает свои Указы. Это стало символом победы! Международное сообщество отказывается признать легитимность ГКЧП. Его признают только Ирак, Ливия, Сербия, Судан и ООП (достойная компания!).

Среди защитников Белого Дома Андрей Макаревич, Константин Кинчев, Александр Городницкий, Маргарита Терехова, Анатолий Крупнов, Шамиль Басаев, руководитель компании «ЮКОС» Михаил Ходорковский, вице-мэр Москвы Ю.М. Лужков и его беременная жена Е.Н. Батурина. Мстислав Ростропович, живший тогда с семьей в Париже, узнав о путче, хватает свою виолончель, и не предупредив никого из домашних, прилетает в Москву. На паспортном контроле вместо предъявления документов, не останавливаясь, сказал, что он Ростропович, поймал какую-то машину и попросил довести его до Белого Дома. Через кольцо оцепления его и его бесценный инструмент

буквально на руках перенесли ко входу в Белый Дом. Там уже, внутри, давая интервью какой-то телекомпании, объясняя, почему он здесь, попросил: «Только Гале не говорите, а то ругаться будет!»

Становится известным, что Виталий Коротич, главный редактор журнала «Огонёк», находившийся в это время в США, 19 августа, боясь расправы на родине, сдает билет на самолет и просит политического убежища. Он-то хорошо знал, что ему может грозить. На официальном сайте «Огонька» так оценивается работа В. Коротича в журнале: «С его приходом журнал повернул на 180 градусов. Трудно в мировой истории вспомнить издание, которое оказало бы на политическую жизнь страны такое же сильное влияние, как «Огонёк» эпохи перестройки. Публицистика «Огонька» стала школой демократии в изголодавшейся по свободе стране. Разоблачения стали культовым жанром всей журналистики. Начиная эту эпопею журнал «Огонёк»... С ним связана эпоха «гласности», смена политической формации, крах советской власти – сначала в умах людей, а потом и в реальной жизни».

Действительно, за это время многое изменилось в умах и настроениях людей, особенно «далеко от Москвы», в провинции, поэтому, очевидно, путч и не прошел. Он как-то сам по себе захлебнулся, и до сих пор никто не может внятно объяснить, как это произошло в реальности. И все же, в дни мятежа 19-21 августа 1991 года именно Борис Ельцин подавил попытку государственного переворота ГКЧП. Он не был арестован и получил возможность беспрепятственно добраться до Дома Советов РСФСР (Белого Дома), погасить панику в рядах сторонников и приступить к организации сопротивления. Уже одни этим он заслужил благодарную память потомков.

Хотя есть и другие мнения: я стоял у довольно громоздкого намогильного памятника Борису Николаевичу Ельцину на Новодевичьем кладбище, выполненного из тяжелого камня в виде трехцветного Российского флага. Женщина рядом злорадно произнесла: «Это его специально так придавили, чтоб он в день Страшного Суда не смог подняться!»

В апреле 1991 года в Петрозаводске было официально зарегистрировано общество еврейской культуры «Шалом». И именно в дни путча шла подготовка к празднованию одного из основных еврейских праздников – РОШ ha-ШАНА (Новый год) впервые за годы советской власти. 20 августа на имя председателя общества Бориса Клейна пришла телеграмма от первой общероссийской еврейской организации ВААД:

«В связи с создавшейся в стране политической ситуацией в ВААДЕ создана круглосуточная информационная служба для обмена информацией о положении евреев и о текущей обстановке на местах тчк мы надеемся получать от вас детальные сведения о том что происходит в ваших регионах и будем информировать вас о положении дел в центре и других регионах а также о позиции ВААДА по поводу происходящих событий тчк»

Прилагался список телефонов, по которым можно было связаться с центром. Также поступило официальное заявление ВААДА, где, в частности, говорилось:

«...ВААД призывает все еврейские организации и общины страны сохранять спокойствие зпт подчиняться в своей деятельности законно избранным властям и представлять на всех уровнях интересы еврейского национального меньшинства. Москва 20 августа 1991 года. Президиум ВААДА».

Учитывая политическую обстановку, мнения в правлении общества «Шалом» разделились – проводить праздник, или нет. Но большинство, все же, высказались за его проведение.

Мы, петрозаводчане, можем гордиться, что не остались в стороне от этих событий, не заняли выжидательной позиции, не делали вид, что от нас ничего не зависит. 20 августа у здания Музыкального театра состоялся внушительный митинг, на который люди пришли добровольно, чтобы выразить свою позицию. Правда, местные руководители Партии, секретари Обкома не были замечены – они, очевидно, еще не получили инструкций «сверху» – партийная дисциплина. Но зато уже утром в троллейбусах появляются листовки: Петросовет ГКЧП не подчиняется. На митинге – яркие выступления Ректора Пе-

трозаводского университета Виктора Васильева, Председателя Петрозаводского городского Совета Александра Колесова, Мэра Петрозаводска Сергея Катанандова... А им-то было, что терять, если бы победу одержали путчисты!

Вечером сообщение РИА по Карельскому телевидению:

КАРЕЛИЯ БУДЕТ ЖИТЬ ПО РОССИЙСКИМ ЗАКОНАМ. ПЕТРОЗАВОДСК /РИА/

Сегодня начали работу Карельское радио и телевидение, которые передали все указы и обращения Президента России.

Затем выступил председатель Совета Министров Карельской АССР Сергей Блинников, который сообщил, что Карелия будет жить по российским законам.

А 24 августа 1991 года страна прощалась со своими сыновьями – жертвами путча: состоялся траурный митинг и похороны погибших во время путча молодых людей. Многотысячное шествие от Манежной площади до Ваганьковского кладбища по улицам Москвы возглавил вице-президент РСФСР Александр Руцкой. Президент РСФСР Борис Ельцин в момент прохождения колонны находился на балконе Белого Дома. Президент СССР Михаил Горбачев, также присутствовавший на похоронах, объявил о присвоении погибшим званий Героев СССР. Это были последние Герои Советского Союза:

Илья Кричевский, архитектор проектно-строительного кооператива «Коммунар»;

Дмитрий Комарь, участник войны в Афганистане, водитель автопогрузчика;

Владимир Усов, экономист совместного предприятия «Иком».

Два гроба были покрыты трехцветным новым флагом России, принятым на митинге у стен Белого Дома 22 августа, третий – талитом, традиционным еврейским молитвенным покрывалом, как того требует еврейская традиция. Над могилами

Дмитрия Комаря и Владимира Усова прозвучал Гимн СССР; над могилой Ильи Кричевского играл скрипач, извлекая из своего инструмента древние, настоянные веками, еврейские мелодии.

«*La comedia è finita!*»

Я не уверен, что когда-нибудь будет написана подлинная история этого путча. Она представляет интерес, разве что, для историков, да и то только с профессиональной точки зрения. Люди не научились извлекать какие-либо уроки из своей истории, а тем более из истории, которая произошла не при их жизни. Как сказал Экклезиаст: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». (Эккл. 2:9) «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». (Эккл. 2:11)

Когда рассеялся угар ГКЧП, чтобы «очиститься», я поставил послушать пластинку с Первым концертом для фортепиано с оркестром Петра Ильича Чайковского. Его мощный оптимизм, яркое праздничное звучание наполняло душу чем-то таким, что выше всяких слов. Особенно начальный мотив оркестра, как зачин всего произведения:

И вдруг слышу, как из другой комнаты мой сын напевает на этот мотив: Ге – Ка – Че – Пе!.. Ге – Ка – Че – Пе!.. Ге – Ка – Че – Пе...

Вот так Петр Ильич своими шедеврами «Лебединым озером» и Первым концертом для фортепиано с оркестром музыкально «оформил» весь этот постыдный кошмар-буфф, именуемый путчем 91-го, или ГКЧП.

Соколы Жириновского

Март 1985 года. Генеральным секретарем ЦК партии становится Михаил Горбачев, провозгласивший новый политический курс гласности и перестройки. Еще некоторое время государственная машина работает по инерции, но уже через полтора года освобожден из ссылки А.Д. Сахаров (причем Горбачев лично позвонил ему в Горький), начинают получать разрешение на выезд в Израиль «отказники», в журнале «Огонек» печатаются публикации, немыслимые за все время существования этого издания. Появляются независимые еврейские организации, прежде всего в Москве: «Союз учителей иврита», возглавляемый Л. Городецким, «Еврейское историческое общество» – В. Энгелем. Именно с этого времени можно говорить о создании в СССР независимого еврейского движения. И хотя в июле 1987 г. был разогнан митинг еврейской общественности против антисемитизма в Парке Дружбы на Речном вокзале, организованный М. Членовым, «процесс пошел», как говорил Горбачев, – остановить это движение было уже нельзя.

Чтобы не потерять контроль за происходящим, власти сами решили создать несколько общественных и политических структур. Это делалось для того, чтобы направить формировавшееся демократическое движение в стране в нужное им русло, да и международное мнение, к которому стали прислушиваться, было важным для укрепления позиций нового руководства. В ноябре 1988 г. в Москве был торжественно открыт Еврейский Культурный Центр им. С. Михоэlsa. Однако расчеты властей на подконтрольность данной организации не оправдались – еврейские активисты, вошедшие в состав правления, стали использовать помещение Центра для своих целей – чтения лекций по еврейской истории, преподавания иврита и пр. Тогда в противовес Центру в том же 1988 г. создается еще одно еврейское общество – «Шолом» на базе еврейского театра «Шолом», во главе с бывшим первым секретарем Биробиджанского обкома партии Шапиро. В правление вошли, назначенные властями, люди из Антисионистского Комитета Советской Общественности, хотя было и несколько активистов еврейского не-

зависимого движения. Вошел в состав правления и Владимир Жириновский, как юрисконсульт общества. Но, поскольку, как обычно, все было сделано неуклюже, это общество благополучно довольно скоро прекратило свое существование, и о нем не вспоминают.

В 1989 году так же сверху была организована Либерально-демократической партии России (ЛДПР), которую с 31 марта 1990 года возглавил Жириновский. Он оказался крайне эксцентричным, ярким политиком. Его выступления в Думе, на пресс-конференциях, в прессе всегда отличаются парадоксальным мышлением, неожиданными поворотами и быстротой реакции на задаваемые вопросы. Частые скандалы, устраиваемые им по любому поводу, удивительным образом только укрепляют его популярность, хотя мало кто относится к нему серьезно.

Может быть, такое поведение можно частично объяснить его пестрой биографией. Родился он в 1946 году в Алма-Ате. В том же году его отец Эйдельштейн Вольф Исакович погиб в автокатастрофе. Мать Александра Павловна Жириновская осталась с шестерыми детьми на руках. До 18 лет Жириновский носил фамилию отца. Окончил с отличием Институт восточных языков (впоследствии Институт стран Азии и Африки) при Московском государственном университете по специальности «Турция и турецкий язык» в 1970 году, вечернее отделение юридического факультета МГУ по специальности «юрист» в 1977 году. В 1969–1970 годах проходил стажировку в Гостелерадио и Госкомитете по внешним экономическим связям СССР. В 1970 – 1972 годах служил в Вооруженных Силах в войсках Закавказского военного округа. В 1972 – 1975 годах работал в секторе Западной Европы международного отдела Советского комитета защиты мира, в 1975 – 1977 годах – в деканате по работе с иностранными учащимися Высшей школы профсоюзного движения. С 1977 по 1983 год – сотрудник Иньюрколлегии Министерства юстиции СССР. С 1983 по 1990 год возглавлял юридический отдел издательства «Мир». С 1990 года – председатель Либерально-демократической партии России (член ЛДПР – с 1989 года). С 1993 года – депутат Государственной Думы.

Председатель думской фракции ЛДПР. Владеет английским, французским, немецким и турецким языками. Автор многочисленных книг, публикаций, нескольких автобиографий. Издал полное собрание своих сочинений в 55 (!) томах.

Жириновский сразу обратил на себя внимание еще во время предвыборной кампании, когда в расклеенных плакатах было написано, что мама у него русская, а папа юрист. Первые же публичные выступления Жириновского вызвали недоумение или даже шок. Например, он обратился к тогдашнему спикеру Верховного Совета Руслану Хасбулатову с призывом разогнать «антирусское и антигосударственное» правительство Бориса Ельцина и взамен предложил свой собственный теневой кабинет, где министром безопасности был писатель Эдуард Лимонов, а курировать сферу культуры поручалось лидеру панк-группы «ДК» Сергею Жарикову.

Последующие действия Владимира Вольфовича были не менее экстравагантны. Вот стенографический отрывок из первых его выступлений в Думе:

– Учитывая, что парламент не готов еще, он должен поработать. Это первый класс. Когда вы перейдете в третий класс осенью 1995 года, и здесь будут сидеть в основном представители нормальных демократических партий, которые никогда не будут прерывать оратора...

А. Чубайс молча показывает председательствующему на часы.

– Господин Чубайс, вы это будете в камере показывать, в Лефортово, чтобы вам дали обед. И ходит поп Якунин. Его лишили права носить сан и крест, а он ходит, оскорбляя русскую церковь. А господин Чубайс машет рукой, потому что это последние дни свободы. Я уже сказал премьер-министру, что пока Чубайс, Козырев, Федоров находятся в правительстве, это правительство не сможет ничего сделать.

Или:

– Учитывая, что пока в правительстве есть такие как Козырев, Чубайс, Гайдар и Федоров и небольшая часть, буквально 30 процентов таких же депутатов, буквально каждый день видеть их глаза и лица – это отрицательно сказывается на моем здоровье, а мое здоровье нужно всему русскому народу, который не картавит и никогда не имеет двойного гражданства, я временно снимаю свою кандидатуру и ожидаю выборов президента России. А уж потом я с вами поговорю!

Кстати, тема его докторская диссертация, которую он защитил в 1998 году – «Прошлое, настоящее и будущее русской нации». По поводу этой диссертации интересно замечание Льва Московкина: «Жириновского мои нападки на него всегда успокаивали, а протест на его докторскую диссертацию вызвал парадоксальное удовлетворение думского «городского сумасшедшего». Диссертация была удивительно талантливой калькой новейшей истории евреев с заменой прилагательных «еврейский» на «русский» (06.04.03, Московская книга).

В это же время (1988–89 гг.) благодаря тому, что комсомольские структуры уже не были обязаны отчитываться перед партийными и государственными органами о своей деятельности по регистрации при себе различных организаций, Леонид Ройтман зарегистрировал при МГК ВЛКСМ Международный центр по изучению и распространению еврейской культуры «Тхия» (МЦИРЕК «Тхия»). Через некоторое время он регистрирует уже при Центре «Комитет по вопросам репатриации», целью которого была помощь желающим уехать в Израиль. В течение нескольких лет Комитет был единственной легальной организацией, консультирующей выезжающих, помогающей в оформлении виз и переводившей деньги за рубеж. Ройтман предложил почти гениальный ход: он организовал фирму «Израсов», и люди, собирающиеся выехать в Израиль или Америку, клали деньги в банк «Столичный» на ее счет, написав расписку, что эти деньги они дарят на благотворительные цели. Приехав по новому месту жительства, они шли там в банк и снимали

свои деньги. Это дало возможность Ройтману скупить в районе станции метро «Таганская» целый квартал площадью 17 тысяч квадратных метров, сдавать эти дома в аренду, получая приличную прибыль, так как цена на эту недвижимость росла с каждым годом. Его офис и квартира, в которой он жил с семьей, были прямо напротив посольства государства Израиль на Большой Ордынке 51. Большую часть денег Ройтман тратил на содержание МЦИРЕК «Тхия», имевший помещения в бывшем Доме культуры у станции метро «Тульская», на Комитет по вопросам репатриации, консультанты которого работали во многих уголках необъятного Советского Союза и на всевозможные благотворительные цели. Он, например, подарил одноэтажное деревянное здание площадью около 140 кв. метров еврейской общине Омска, давал деньги на проекты по возрождению общинной жизни в провинции. И наша община получила от него некоторую сумму, позволившую сформировать продовольственные пакеты нуждающимся.

В 1995 году Комитет, где я уже год работал консультантом, пригласил меня на очередной семинар повышения квалификации. Семинар проходил в одном из подмосковных пансионатов. Разместившись в номерах, мы, а это человек 80-90 со всех концов России от Калининграда до Камчатки, прошли в столовую. Столы стояли длинными рядами, и один ряд уже был занят. Там сидели молодые парни, атлетического сложения с лицами, которые не очень хочется встречать на своем пути. Большинство были коротко пострижены. Сидели тихо, почти не разговаривали. Мы тоже сбавили тон и расселись. Принесли еду. Тут в зал энергично вошла молодая красивая статная женщина и направилась к этим ребятам. Все еврейские носы проследили ее путь, и она как королева воссела во главе стола. Это повторялось каждый раз, когда мы находились в столовой. Пропустить такой момент было выше наших сил. После завтрака выяснилось, что эта группа тоже приехала на семинар, который проводит ЛДПР для своих руководителей на местах. Стены коридоров и аудиторий, где они занимались, были увешаны плакатами, призывающими «спасти Россию» (от кого, им, очевидно, объясняли на семинаре), портретами самого Жириновского в военной

форме, его изречениями. Это было время, когда Жириновский однозначно выказывал неприязнь к евреям, пользовался популярностью и реально мог прийти к власти. Чему учили, кто читал лекции этой молодежи, с чем эти «соколы Жириновского», как их называли, разлетятся по домам, сказать трудно. Но наши занятия проходили бок о бок на одном этаже. Очередная ирония судьбы? Во время перерывов все выходили на улицу, разбивались на группы, так и общались, не перемешиваясь, не заходя на территорию друг друга – можно было безошибочно определить кто есть кто. Те бросали в нашу сторону недоброжелательные взгляды, отпуская, очевидно, всякие шуточки, так как время от времени раздавался их гогот. Мы тоже не прикидывались овечками.

Занятия у нас были очень напряженными, преподаватели – из Израиля, большинство приезжали прямо из аэропорта. Это были представители служб министерства абсорбции, социального страхования, медицинского обслуживания, банковские служащие, посольские работники, русскоязычные политические деятели – все те, кто непосредственно занимались прибывшими репатриантами. Так что информацию мы получали, как говорится, «из первых рук». В конце семинара писали тест по американской системе, и от набранных баллов зависела квалификация, а не набравшие минимума не допускались до работы. Сам Леонид Ройтман, оплачивающий все это мероприятие, встречался с каждым участником, беседовал, расспрашивал о состоянии общинных дел на местах, интересовался нуждами и в большинстве случаев помогал финансово. Он ежедневно уезжал в Москву по делам, и поэтому встречи были расписаны по минутам и заканчивались в 2-3 часа ночи. Я тоже записался на прием и стоял у его номера ждал вместе с другими. Передо мной зашла группа из Минска – у них возникла проблема: чтобы успеть в понедельник на работу, они должны были выехать домой до окончания Субботы. Леня категорически возражал, и отказывался в таком случае оплачивать билеты. Разговор становился все громче, страсти накалялись. Руководитель группы уже почти прокричал, что он начальник цеха, и, если он не появится на работе в понедельник, цех будет стоять. «Сколько

стоит простой цеха?» – очень тихо спросил Леня. Тот назвал какую-то сумасшедшую сумму. «Я оплачу» – так же тихо произнес Леня. Сказать, что наступило молчание – ничего не сказать. Это был шок! Молчание повисло в воздухе, было почти осязаемым. И в номере, и в коридоре ждали, что будет дальше. В конце концов, нашли вариант с самолетом через какой-то другой город, стоивший тоже больших денег, но зато Суббота не нарушалась. Из комсомольского работника Леня превратился в глубоко верующего человека, три раза в день совершал молитву. Являясь гражданином Израиля, посчитал своим долгом поселиться там на «территориях» по идейным соображениям, хотя имел к тому времени уже троих или четверых детей, и это было небезопасно. Как-то раз позвонили из Москвы – там что-то случилось важное, и нужно было срочное вмешательство Ройтмана, но им ответили, что Леня молится. Трубка покраснела от слов, которые сказали по этому поводу на другом конце провода, но это ничего не изменило – Леня молился.

К концу семинара, в пятницу мы обратили внимание на то, что от входа в здание до большого зала проложены ковровые дорожки, плакатов стало больше, и часов в 12 услышали вой сирен, и к нашему корпусу подкатили два черных «Мерседеса» с мигалками. Выстроился почетный караул, и из машины вышел Жириновский в военной форме с «сопровождающими лицами». Он прошел в зал, где состоялся акт посвящения «соколов». Затем в фойе Владимир Вольфович встал под флагами России и ЛДПР, а к нему по очереди подскакивали «птенцы гнезда Володи», и фотограф запечатлевал этот исторический момент, чтобы потом в офисах на местах красовался этот снимок, подтверждая факт личного знакомства руководителя местной организации ЛДПР с ее лидером. Опять взвыли сирены, и машины умчались, а счастливые «соколики» пошли отмечать это дело.

У нас тоже был праздник – Шаббат. Леня привез на своих «Жигулях» кашерную еду из Москвы, сам разгружал все это, мы только помогали. Поставили столы, женщины приготовили праздничную трапезу, зажгли свечи, Леня раздал молитвенники, и началась молитва. Я молился впервые. Это было очень

сильное чувство. Мы стояли в небольшом помещении, было тесно, душно, но от того, что все вместе произносили одни и те же слова, чувствовали дыхание друг друга, русские слова переплетались с ивритом, и ощущение того, что называется Шхиной – Б-жественным присутствием – все это вызывало необыкновенное состояние приподнятости и даже счастья. После молитвы я попросил Леню подарить мне сидур. Это первый сидур, который я стал читать. Потом мы сели за субботний стол.

Уже поздно ночью, поднявшись на свой этаж, я увидел, как двух пьяных парней вталкивает в номер та женщина, от которой мы не могли оторвать глаз. Я пошел за ключом и, вернувшись, увидел, как она же тащит очередного «сокола», который почти висел на ней и пытался что-то говорить, глядя совсем в другую сторону. Я подошел, предложил помочь, мы вместе доволокли его до номера, и она, закрыв за ним дверь на ключ, брезгливо произнесла: «Чтобы не вылез обратно». Волосы у нее растрепались, платье помялось, слегка пахло спиртным. «И Вам приходится иметь дело с такими!..» – посочувствовал я. Она посмотрела мне в глаза, часто заморгала и отвела взгляд. Мы разговорились. Оказалось, что ее зовут Наташа, она работает на Жириновского, руководит этим семинаром, живет в Москве. В течение круглого года на неделю здесь собирают молодых парней, готовят их и отправляют по местам. Воскресенье – выходной, а с понедельника – очередная партия. Она замужем, имеет ребенка: «Платят хорошо. Надо растить дочь. Вы не бойтесь, Жириновский вас не тронет, если придет к власти, он не такой на самом деле, как кажется со стороны». Мы разговаривали довольно долго, но одну ее фразу, сказанную со щемящей горечью, я вспоминаю часто и сейчас: «Вам хорошо – у вас есть возможность уехать отсюда. А нам-то что делать?» Действительно, это многое может объяснить.

Прошло время. В 1996 году Комитет по вопросам репатриации был распущен: российские власти арестовали имущество, принадлежащее Ройтману, он обанкротился. В Израиле он не смог расплатиться с теми, у кого брал деньги. Разразился скандал. Поскольку он работал в контакте с правительством Изра-

иля, часть задолженности оплатило государство. Почти 10 лет шло разбирательство. Как доказало следствие, деньги, полученные от клиентов, Л. Ройтман вкладывал в рискованные предприятия, и 22 октября 2003 года суд признал Леонида Ройтмана виновным в хищении 18 миллионов долларов, приговорил его к 10 годам лишения свободы и штрафу в 1 млн. шекелей. Леня отказался признать себя виновным, а его адвокат заявил о намерении опротестовать приговор в суде высшей инстанции.

Владимир Жириновский до сих пор находится в центре внимания. Совсем недавно он заявил о своем намерении участвовать в президентских выборах 2008 года. О своих возможных оппонентах он сказал, что «это уже остатки, объедки, политическая помойка, перспектив нет». Это притом, что его «соколы» на местах так и не смогли организовать жизнеспособную партию, и ЛДПР, практически, существует как партия одного человека. Хотя многие идеи, высказываемые Жириновским, находят своих продолжателей. Так коммунист Иван Никитчук, выступая в Думе (2003 г.) объяснил ранние половые контакты, насилие и наркоманию в России тем, что все это показывают на телеэкране, и потребовал прекратить «разнузданную синагогу» (!) на телевидении. А Владимир Владимирович «за заслуги в укреплении российской государственности и активную законотворческую деятельность» пожаловали Владимиру Вольфовичу звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» (вспомним: папа – юрист).

Вот так «причудливо тасуется колода».

2005

Долг памяти нашей

*Благословен, кто вспоминает то,
что забыто.*

И. Агнон

*Мы существуем лишь тогда,
когда действуем.*

А. Бергсон

Все началось с телефонного звонка: женщина сообщила мне о принятом решении снести старое еврейское кладбище, окончательно разрушенное при прокладывании теплоцентрали, которая прошла по его территории. К этому времени оно уже было за пределами ограды, огораживающей соседнее кладбище, что спровоцировало всегда находящихся в таких случаях вандалов к действиям, «не совместимым с понятием цивилизованных людей». Лишь два-три надгробия удалось спасти родственникам, живущим в Петрозаводске, и перевезти их на другое кладбище. (Мне говорили, что впоследствии видели камни в мастерских местных скульпторов, и не исключено, что бюст какого-нибудь «вождя мирового пролетариата» сработан из надгробного камня петрозаводского еврея). Звонившая попросила не называть ее имени и повесила трубку.

Александр Модылевский, председатель общества «Шалом», Юрий Рыбак (прадед которого похоронен на этом кладбище) и я попросили о приеме, и были приняты мэром Петрозаводска Сергеем Катанандовым. Этот прием и решил дальнейшую судьбу кладбища. Нам удалось убедить Сергея Леонидовича в значении для еврейской общины и для истории города этого кладбища, как единственного материального свидетельства проживания в Петрозаводске евреев с прошлого века. И хотя по существующему законодательству о сроке давности со дня последнего захоронения кладбище могло быть уничтожено, Сергей Катанандов подписал постановление № 3254 от декабря 1994 года «О передаче петрозаводскому обществу еврейской культуры «Шалом» в бессрочное пользование земельного

участка еврейского кладбища для благоустройства и содержания». Для благоустройства и содержания – значит, теперь это наша забота придать ему достойный вид, чтобы, проходя мимо, не надо было опускать от неловкости глаза.

Архитектор Грета Логинская создала прекрасный проект благоустройства, который был утвержден главным архитектором города, с монументальной входной аркой и площадкой, памятной доской и памятным знаком «Менора». Но для осуществления этого проекта нужны были большие средства. Наши возможности не позволяли и надеяться на его осуществление, а все мои многочисленные обращения по этому поводу в Джойнт, Сохнут, РЕК так и остались лишь на бумаге.

Но помощь пришла с неожиданной стороны!

Летом 1995 года состоялась встреча, во многом определившая дальнейшую жизнь нашей общины – я познакомился с Паулем Целлером, приехавшим в наш город по делам общества Запад-Восток (это особая тема, ждущая своего часа). А пока мы поговорили о наших нуждах, бедах, надеждах и расстались, не зная во что это все выльется. Но уже в ноябре месяце я получил из Берлина от Иохима Раша, представляющего Акцию Знака искупления, сообщение о возможности приезда для работы по благоустройству кладбища группы из 15 человек и просьбу об устройстве и подготовке программы по их пребыванию в Петрозаводске. Одновременно Пауль Целлер сообщил о начале кампании в Тюбингене по сбору средств на приобретение Свитка Торы для евреев Петрозаводска! Акция Знака искупления, базирующаяся в Берлине, была создана в 1958 году христианами-евангелистами по инициативе главы евангелического синода Лотара Крейсига, боровшегося в нацистской Германии против уничтожения инвалидов. Молодые люди из разных стран собираются для волонтерской работы по восстановлению синагог, церквей, кладбищ, для ухода за пережившими фашистский геноцид, для работы в мемориальных центрах памяти жертв фашизма и т. п.

Летом 1996 года группа молодых людей из Тюбингена: Сюзанна, Доротея, Даниела, Беата, Анна-Барбара, Удо, Мартин,

Кристиан, Анджей (из Польши) – во главе с Альбрехтом Кнохом приехала в Петрозаводск для работы на старом еврейском кладбище. За короткий срок они сумели расчистить территорию, откопать и собрать осколки многих памятников, составить описание всех могил, переписать и перевести на русский язык (!) все сохранившиеся надписи – то, что, к нашему стыду, не смогли сделать мы. Спасибо им от всех нас! Их имена достойны быть вписанными в историю еврейской общины Петрозаводска. Эта акция широко освещалась в прессе как нашей, так и немецкой и продемонстрировала один из самых простых способов найти взаимопонимание – творить добро. Там, где добро – нет места злу. У молодых людей появились друзья в Петрозаводске, с которыми они продолжают контакты, а Мартин Эммерих в прошлом году прошел полугодовую стажировку по фармацевтике в петрозаводских аптеках.

Этим же летом, наконец, начались и работы по возведению ограды вокруг кладбища, профинансированные городом. И мы должны быть благодарными Сергею Катанандову, Антонине Лисиной, администрации города, сумевших в нелегкое для них время найти средства на этот проект.

С оградой произошел некий казус. То ли я что-то не так сделал, то-ли в проект закралась какая-то ошибка, но для полного ограждения кладбища не хватило около ста метров ограды! Необходимо было дополнительное финансирование. Я пошел к Марку Шегельману, главе ЗАО «СП № 1» – строительной компании, выполняющей эти работы. Он сказал, что это невозможно, денег у города нет, с огромным трудом нашли на уже сделанные работы. Я спросил от кого это зависит. Он назвал несколько фамилий, но, главное, от Антонины Лисиной, начальника финансового управления Петрозаводска. Я сказал, что попробую с ней поговорить – мы немного знакомы (незадолго до этого я познакомился с Антониной, но не знал, что она занимает столь значимый пост в мэрии). Шегельман очень недоверчиво посмотрел на меня, но сказал, чтобы я пришел завтра за необходимыми бумагами.

Назавтра отдавая мне кипу бумаг Марк Шегельман предупредил:

– Только ни на кого не обращай внимания, при, как танк, заходи в кабинет Лисиной не стучась. К ней на прием по неделям не могут попасть. Она в курсе, что ты придешь. Пообщайся вежливо, улыбнись – ну, ты же в театре работаешь, наверное, умеешь. Послезавтра я ее увижу – у нас совещание в мэрии.

Я пошел в мэрию. Поднялся на шестой этаж. Длинный коридор и в конце его много-много народа – кто-то сидит, кто-то ходит, как затравленный зверь, но большинство стоят с бумагами в руках, с кейсами. И зловещая тишина! Я еще больше, чем был на самом деле, ссутулился, чтобы выглядеть немного устрашающе (со стороны, наверное, стал похож на ледокол «Нева», который тогда как раз работал на Онежском озере), «включил третью скорость» и через весь коридор ни на кого не глядя, как бросающийся в холодную воду, устремился к цели. Не останавливаясь, с разбегу, вошел в кабинет. Успел только заметить, что стоявшая у дверей женщина, наверное, первая в ожидающей очереди, потихоньку, чтобы никто не увидел, перекрестилась. А я некрещенный остановился посередине небольшого уютного кабинета. За столом сидела Антонина Лисина, перед ней три телефона, и она говорила по двум одновременно: по одному достаточно резко отдавала распоряжения; по другому довольно вежливо разговаривала с кем-то. Не глядя кивнула мне:

– Не обращай внимания, говори, что надо, только коротко и ясно.

Я молча протянул бумаги с расчетами. Она положила «вежливую» трубку, просмотрела бумаги, посмотрела куда-то мимо меня... Я молча улыбнулся, развел руками... Антонина что-то написала на отдельном листе, отдала все это мне:

– Отнеси в кабинет 516 этажом ниже. Все, до свидания!

В общем, пообщались...

Марк Шегельман позвонил мне через несколько дней:

– Согласовали дополнительное финансирование! Как это ты умудрился договориться с Лисиной?

– Ну, это же Вы научили меня общению.

– Да-а. В следующий раз, когда мне нужно будет что-нибудь от мэрии, позову тебя. Жди звонка от Ивана Ивановича.

Звонка я ждал больше недели, ходил на кладбище – смотрел не начались ли работы. Но... Наконец позвонил сам Ивану Ивановичу, прорабу, которого мне раньше представил Марк Шегельман, сказав, что именно он будет руководить работами. Я спросил в чем задержка. Иван Иванович рассмеялся:

– Сразу видно – музыкант. Да если б у нас так быстро все делалось, мы давно бы уже коммунизм построили!

– Нет. По Марксу коммунизм должен быть построен в наиболее развитой капиталистической стране, а наша страна, слава Б-гу, никогда не была таковой и не будет. Значит, построят в Америке – так им и надо!

Иван Иванович объяснил, что в мэрии должны назначить комиссию для обследования территории, составить план местности, согласовать его с несколькими инстанциями, оформить кучу бумаг, послать людей для проведения геодезической разбивки, зафиксировать все это и прислать нам разрешение.

– И сколько времени это может занять?

– Это, уж, как повезет. Может и полгода.

– Да вы что?! Какие полгода? А что такое геодезическая разбивка?

– Ну, ты, наверное, видел на стройках какая-нибудь территория обозначена деревянными колышками. Вот по ним строители и ориентируются для определения границ участка.

– Только и всего?

– Это для тебя только и всего...

– Значит, как только это будет сделано, вы начнете работать?

– Да, остальное без нас мэрия оформит свои бумаги, а мы уже сможем начать.

Через несколько дней вечером мы с сыном взяли во дворе выброшенный из магазина разбитый ящик из-под вина, наделали много колышек и отправились на кладбище. Там по периметру территории, как я это определил для себя, забили их в землю. Получилось очень даже красиво, особенно, когда солнце уже садилось. На следующий день звоню Ивану Ивановичу:

- Геодезическая разбивка сделана, приходите принять работу!
- Не может быть! Так быстро решилось?
- У меня в мэрии знакомые.
- А-а-а...

И уже когда основные работы были закончены, пришел молодой человек из мэрии и занес то, что надо было куда надо было:

- А как мы назовем этот объект? – спросил он.
- Ну, а как? Старое еврейское кладбище.

Молодой человек как-то засмутился:

– Понимаете, только не подумайте плохого, я очень хорошо отношусь к людям вашей национальности – среди моих педагогов из было много, много их среди ученых, они хорошие врачи и так далее, но само слово «еврей», – он особо произнес это, – для меня имеет отрицательную коннотацию.

Вот так.

– А Вы произносите это слово громко вслух каждый день по несколько раз и привыкнете. И вашим коллегам это не помешает послушать, если Вас, конечно, в психушку не заберут. Там, кстати, тоже есть врачи нашей национальности, я их даже знаю. Могу дать Вам рекомендацию.

Мы еще немного поговорили на эту тему и расстались почти друзьями. Зато он очень быстро оформил все нужные бумаги. (Чуть позже в газете появилась информация, что его, его жену и ребенка убили в их собственной квартире. У него была какая-то дорогая коллекция почтовых марок, предположительно, за ней и пришли).

[С Антониной Лисиной мы встретились только через несколько лет. Она уже была первым заместителем министра финансов Республики Карелия. У нее был какой-то юбилей, и я пришел в Дом правительства поздравить. Перед турникетом дежурный милиционер остановил меня:

- Вы договорились о приеме?
- Нет. Но меня примут.
- Да? Как Вас представить?
- Дима.
- Что такое «Дима»?
- Это я.
- Я ведь так и доложу!
- Да.

Он подумал, неуверенно снял трубку:

– Антонина Андреевна, тут к Вам пришел... представился, как, – он понизил голос, – Дима...

Вдруг из трубки громко:

– Ой, Димочка! Пропустите, пропустите...

Милиционер как-то внимательно с удивлением посмотрел на трубку и, не кладя ее на аппарат, открыл турникет.]

А по поводу кладбища оставалось неясным, что делать дальше. Опять же помогли наши немецкие друзья: из денег, собранных на Свиток Торы, они выделили на благоустройство кладбища 6000 марок. И мы решили на эти деньги, плюс на деньги, которые собрала наша община, возвести входную арку, которую так и назвали – Арка Целлера. И когда уже во время работ оказалось, что не хватает средств, пришел на помощь Владислав Мотин. И эта часть проекта была завершена, белоснежная арка органично вписалась в городскую архитектуру, и теперь кажется, что так было всегда. Там мы проводим церемонию Йом ха-Шоа. Но осталась неосуществленной из-за отсутствия средств другая часть проекта. Во время визита делегации общины

им. Дитриха Бонхоффера в торжественной обстановке был заложен памятный знак «Менора», который должен стать памятником евреям, погибшим при погромах, репрессиях, войнах. На чистом листе бумаги поставили свои подписи представители нашей общины и общины Дитрих-Бонхоффер-Кирхе, так много сделавшие для нас. Мы не писали декларацию о намерениях, мы подписались под тем, что будет сделано. А что будет сделано и как скоро, во многом зависит от нас самих. Я верю в успех.

P.S. Памятный знак «Менора» был открыт в торжественной обстановке в 2004 году. Он установлен в память о тех, кто похоронен на этом кладбище, и чьи могилы были варварски разрушены вандалами. Также это память о погибших во времена сталинских «чисток», Войны и Холокоста. После молитвы, прочитанной старейшим членом общины Ефимом Левиным, потерявшим более ста родственников во времена Холокоста, с «Меноры» был снят покрывавший ее талит, в котором я молился у Стены Плача, на пьедестал поставили сосуд с землей Израиля и зажгли семь светильников. Минута молчания... Памятник воздвигнут на деньги, собранные в общине, – это первый подобный случай, когда не прибегли к помощи со стороны. Авторы «Меноры» – Александр Ланда и Евгений Калинин. Саму менору выковал кузнец-художник Николай Беляков. Памятный знак «Менора» занесен в реестр фонда «Памятник убитым евреям Европы» («Stiftung Denkmal für die ermordeten Juden Europas»), находящегося в Берлине. Реконструкция комплекса была осуществлена молодым бизнесменом Борисом Пирожниковым в 2013-14 гг. при поддержке Российского еврейского конгресса. Сейчас этот объект внесен в туристические маршруты.

1999, 2024

Под колесами опломбированного вагона

*...За то, что еврейка стреляла в вождя,
за то, что она промахнулась...*

Игорь Губерман

Для начала две справки – одна из советского словаря, другая – из расстрельных списков:

Шкловский Григорий Львович (р. 1875) – партийный и советский работник. Вступил в РСДРП в 1898, вел партийную работу в Белоруссии, неоднократно подвергался репрессиям. В 1909 из ссылки бежал в Швейцарию. В эмиграции участвовал в партийной работе; был делегатом от большевиков на Базельском конгрессе 2 Интернационала (1912), в марте 1915 участвовал на Бернской конференции. После Февральской революции вернулся в Россию в «запломбированном вагоне», работал в Нижнем Новгороде и Москве; был зам. председателя Московского совета районных дум; в Октябре – комиссар Дорогомиловского района. В 1918 – советник полпредства в Швейцарии; до 1925 работал в органах НКВД. На XIV Съезде партии избран в ЦКК ВКП(б); в 1927 за работу в рядах зиновьевско-троцкистской оппозиции исключен из ЦКК. С 1928 работал в Химсиндикате, в 1929 – 30 член правления Химимпорта, с 1931 работает в ОНТИ (Объединение научно-техн. изд.) и Химико-фарм. объединении.

Шкловский Григорий Львович, 1875 г. р., уроженец г. Бобруйск, еврей, б. член ВКП(б), химик, член правления объединения Химсиндикат, проживал: г. Москва, Лялин пер., д. 8, кв.

14. Военной коллегией Верховного суда СССР 14 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Григорий Шкловский родился в местечке Паричи, под Бобруйском, окончил Бернский университет, стал фармацевтом, защитил в Швейцарии в 1914 году докторскую диссертацию. Но известность получил как один из видных деятелей РСДРП(б), участник II съезда партии, друг Ленина, профессиональный революционер. Он был держателем партийной кассы, финансистом, обеспечивающим быт ее вождей и большевистских депутатов Госдумы. В его швейцарском доме часто останавливались видные деятели РСДРП, Ленин с Надеждой Константиновной, для которой Шкловский нашел врача, лечившего ее от базедовой болезни. Григорий Шкловский заведовал партийной кассой не случайно – его тесть, Зелик Горелик (Шкловский был женат на его старшей дочери Двосе), был крупнейшим лесопромышленником Белоруссии, купцом первой гильдии, имея титул «Поставщик двора его Императорского Величества». Этот титул не помешал Горелику финансировать подпольную деятельность РСДРП, прятать у себя матросов с крейсера «Потемкин» после бунта и своего зятя после побега из сибирской ссылки. После революции, как и большинство ее спонсоров, Зелик Горелик потерял все свое состояние и умер в эвакуации в Уфе в 1942 году, где жил с дочерью Малкой. Рассказывают, что он завещал золотые часы – единственную ценность, оставшуюся у него, передать в фонд обороны, а не своей дочери, хотя жили они впроголодь. Один из его сыновей – врач Симон Горелик – в 1939 году ценой собственной жизни спас Москву от эпидемии чумы, хотя об этом подвиге до самого последнего времени предпочитали умалчивать, а его жену, Эмилию Яковлевну, участницу финской войны, арестовали в 1940, там она и погибла; другой – известный литературный критик А. Лежнев (псевдоним Абрама Горелика) – первый выразил сомнения в авторстве Шолохова романа «Тихий Дон» и, как писали в Литературной энциклопедии: «Защищая в своих теоретических и полемических статьях реакционные тенденции современной литературы, Л. неустан-

но борется с воинствующей марксистской критикой», за что, очевидно, и был репрессирован в 1938 году.

У Григория Шкловского было пять дочерей – младшая, Наталья, родилась в марте 1917, поэтому он не поехал в том вагоне с Лениным, а приехал в Россию чуть позже, оставив в Швейцарии семью и старшую дочь Марию, которая к тому времени уже вышла замуж. Она стала художницей, выставлялась на многих выставках. Интересно свидетельство Юлиана Семенова в документальной повести «Лицом к лицу»:

«В Базеле нашел художницу Мари Юберзакс, дочь Григория Шкловского, соратника В.И. Ленина. Я провел у нее часа три; женщине за восемьдесят, однако она еще путешествует, много пишет. От нее, посмотрев бесценные реликвии, письма и записки Ильича, я уехал с письмом, по которому пять документов Ленина, находящихся ныне у Мари Юберзакс, безвозмездно передаются нашему государству».

*А вот свидетельство Анатолия Тиктинера,
внука Зелика Горелика:*

«После смерти мужа в начале шестидесятых годов она (Мари Юберзакс), разбирая архив на чердаке, нашла 22 оригинала писем Ленина к ее отцу. Естественно, эти письма Маруся отнесла в наше посольство. Посол сразу же предложил купить их по 3 тысячи долларов за каждое письмо, как я сейчас понимаю, любой западный аукцион оценил бы их раз в десять дороже. Маруся же поставила совсем иные условия: она отдает письма бесплатно, с условием, что государство выдает ей и ее взрослому сыну-журналисту месячную визу в Москву для посещения сестер и, кроме того, каждой сестре, жившей в коммуналке, выдает по двухкомнатной квартире. Причем письма отдаст только в Москве, лично удостоверившись в исполнении договоренностей. Торг и препирательства продолжались более трех лет, и вот в 1965г. они действительно при-

ехали в Москву. Обещанную квартиру дали только сестре Жене. Мама и ее родная сестра тетя Франя Коган (ур. Горелик), мать Зины – ничего не получили. Слава Богу, что для всех нас не было никаких негативных последствий!»

В Полном собрании сочинений Ленина в 55 томах опубликовано 31 письмо Ленина к Шкловскому с 1910 года по 1922. В основном это деловые письма с различными просьбами по партийной работе. Интересны обращения: Дорогой товарищ, Дорогой Ш., Дорогой Г.Л., Дорогой друг; и подписи: без подписи, Ваш Н. Ленин, Ваш В.И., Ваш Ленин, Ваш В. Ульянов.

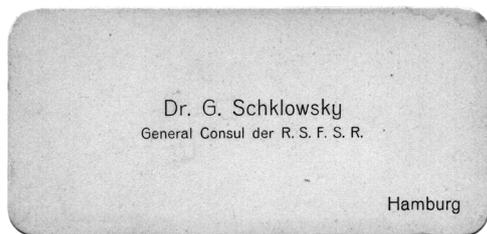
Из воспоминаний Оли Шатуновской:

«В 37 году при аресте Григория Шкловского сотрудниками Лубянки у него была изъята записка Ленина, адресованная ему Владимиром Ильичом в 1922 году. Григорий Шкловский во время первой мировой войны был председателем Бернской большевистской конференции, организованной Лениным, где было сформулировано отношение большевиков к этой войне. Григорий Шкловский был близким другом и доверенным лицом Ленина. Записка эта является частью переписки между Лениным и Григорием Шкловским. Отвечая на какое-то письмо Шкловского, Ленин пишет: «Да, Григорий, Вы правы. Против меня ведется интрига, очень глубокая и сложная: предлагаю какую-нибудь кандидатуру на Оргбюро – меня проваливают; продолжаю настаивать – меня обвиняют в протекционизме. Повторяю, интрига глубокая и очень сложная. Придется нам опереться на нашу молодежь».

Записку эту, тогда еще совершенно неизвестную, мне в 60 году вручил заведующий архивом Лавров. Привожу ее на память в сокращенном виде. В Оргбюро тогда заседали Сталин и Молотов».

Двоя Шкловская с дочерьми приехала в Россию в октябре 1920 года, а 18 января 21-го Ленин уже отвечает Двоя на письмо, в котором она просит его помочь устроить их семью за границей. Ленин действительно помогает им, он пишет в своих ходатайствах, что «этой семье в России не выжить. Здесь не могут». Чичерину пишет в феврале: «Этой семье у нас не под силу. Их надо за границу». Потом просит помочь с получением визы, и семья Шкловских, наконец, получает визу в июле 1921 года.

Карьера Шкловского после возвращения в Россию складывалась вполне успешно – в 1918 он был уже назначен советником полпредства в Швейцарии, позже – консулом в Гамбурге, где и прожил с семьей до 1924 года. Для Германии это было тяжелое время, нестабильное, в городе происходили забастовки, и советские власти решили, что надо «помочь» организовать восстание, которое переросло бы в общегерманское. В Гамбург приехали Раскольников, Лариса Рейслер, Тельман, Радек, которые вели там подстрекательскую деятельность. Руководил восстанием Эрнст Тельман. С восстанием не получилось. Как написано в БСЭ: «Героическая борьба германского пролетариата в 1923 не увенчалась успехом. Главная вина за поражение рабочего класса ложится на лидеров социал-демократии, сорвавших единство действий пролетариата». Консул-революционер был объявлен персоной non grata, и вынужден был покинуть Германию. Когда он с семьей приехал в Москву, ему предложили большую семикомнатную квартиру на улице Грановского, но, как говорит его внук Александр Кисин, «дед всю жизнь отказывался от всяких привилегий, был наивным человеком, жили они скромно, у моей мамы было всего одно платье. Он сказал: «Нет, зачем такая большая квартира», и ему дали трехкомнат-

ную, где я прожил до третьего курса института». Шкловского переводят на хозяйственную работу – он становится управляющим Главхимпрома и членом ревизионной комиссии ЦК. В 1927 году «за работу в рядах зиновьевско-троцкистской оппозиции исключен из ЦКК. С 1928 работал в Химсиндикате, в 1929 – 30 член правления Химимпорта, с 1931 работает в ОНТИ (Объединение научно-техн. изд.) и Химико-фарм. Объединении».

Но в 1934 году проходил XVII съезд партии, «Съезд победителей», и Шкловский имел смелость указать Сталину, «главному победителю», на ошибки в его речи на этом съезде, поскольку был с Кобой «на ты». Очевидно, это и стало «началом конца»: как любой тиран, Сталин «вычищал» страну от «слишком умных» и от тех, кто «много знает». В 1936 году Шкловский был осужден на 10 лет, и отбывал наказание на Соловках. А 10 октября 1937 года особой тройкой УНКВД ЛО приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в урочище Сандармох (под Медвежьегорском) 4 ноября 1937 года с так называемым «Соловецким этапом».

О том, что творилось на Соловках, рассказать невозможно. Человеческое ум не в состоянии вместить в себя такое. Причем началось это не в 37, как принято считать, а сразу же, как только был создан этот лагерь – первый опыт советской власти по построению социализма в «отдельно взятой стране». Вот текст подлинного письма от 1926 (!) года. Позже писем уже не писали, а порядки становились только страшнее. Когда Юрий Дмитриев показал мне рисунки свидетелей того, что происходило в лагере, мне стало плохо.

В ПРЕЗИДИУМ ЦИК ВКП(б)
(сохранен язык оригинала)

Обращаемся с просьбой, которой просим уделить минимум внимания.

Мы заключенные, которые возвращаемся из Соловецкого Конц. лагеря по болезни, которые отправлялись туда полные сил и здоровья в настоящее время возвращаемся инвалидами изломанными и искалеченными морально – и физически. Просим обратить внимание на произвол и насилие царящие в Соловецком – Конц. Лагере в Кеми и на всех участках Кон. лагеря. Такого ужаса произвола и насилия и беззакония даже трудно представить человеческому воображению. Отправляясь туда, даже в мыслях не предполагали такого кошмара и теперь искалеченные сами и от нескольких тысяч людей там находящихся взываем к руководящему центру Советского государства положить предел царящему там ужасу...

*Подписи: Г. Железнов, Виноградов, Ф. Белинский.
14 декабря 1926 г.*

В 1929 году Соловки посетил Максим Горький. Его визит был устроен для того, чтобы успокоить общественное мнение Запада после опубликования там книги одного из эзков, сумевшего бежать из лагеря, в которой рассказывалось о том, что на самом деле творится на острове. Этот прием прекрасно действовал на протяжении всей советской власти. (Хотя и сейчас «мировое общественное мнение» во многих вопросах слышит лишь то, что хочет слышать). После визита в «Известиях» появился очерк «Соловки». До сих пор неясно, что это за очерк – обманутого человека, злодея, задавленного страхом и отрабатывающего заказ, и вообще, писал ли его Горький сам? Вот несколько выдержек из этого довольно большого очерка:

«Конечно, остров – не тюрьма, но, разумеется, с него – не убежать, хотя газеты эмигрантов и печатают статейки, озаглав-

ленные: «Бегство из Соловок». В одной из таких статей сказано: «Отойдя 26 километров от места работы, беглецы...» На острове, который имеет 24 километра длины и 16 ширины, совершенно невозможно отойти «от места работы» на 26 километров»...

«Были мы на концерте в театре, он помещается в кремле, устроен, должно быть, в расширенном помещении бывшей «трапезной». Вмещает человек семьсот и, разумеется, «битком набит». «Социально опасная» публика жадна до зрелищ, так же как и всякая другая, и так же, если не больше, горячо благодарит артистов.

Концерт был весьма интересен и разнообразен. Небольшой, но хорошо сыгравшийся «симфонический ансамбль» исполнил увертюру из «Севильского цирюльника», скрипач играл «Мазурку» Венявского, «Весенние воды» Рахманинова; неплохо был спет «Пролог» из «Паяцев», пели русские песни, танцевали «ковбойский» и «эксцентрический» танцы, некто отлично декламировал «Гармонь» Жарова под аккомпанемент гармоники и рояля. Совершенно изумительно работала труппа акробатов, – пятеро мужчин и женщина, – делающая такие «трюки», каких не увидишь и в хорошем цирке. Во время антрактов в «фойе» превосходно играл Россини, Верди и увертюру Бетховена к «Эгмонту» богатый духовой оркестр; дирижирует им человек бесспорно талантливый. Да и концерт показал немало талантливых людей. Все они, разумеется, «заключенные» и работают для сцены и на сцене, должно быть, немало. Не знаю, как часто устраиваются такие обширные концерты, как тот, в котором я был. На афише сказано: «Театр 1 отделения», очевидно, театр «2 отделения» ставит пьесы или же существуют два театра»...

«Болшевская трудкоммуна черпает рабочую силу в Соловецком лагере и в тюрьмах. Соловки, как я уже говорил, – крепко и умело налаженное хозяйство и подготовительная школа для вуза – трудкоммуны в Болшеве...

В колонии строится здание для клуба, театра, библиотеки. К ней проведена ветка железной дороги. Сделано еще многое. И, когда видишь, сколько сделано за двенадцать месяцев, с гордостью думаешь: «Это сделано силами людей, которых мещане морили бы в тюрьмах»...

Мне кажется – вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки и такие трудкоммуны, как Болшево. Именно этим путем государство быстро достигнет одной из своих целей: уничтожить тюрьмы».

К этому «выводу» можно добавить цитату из бесед с Григорием Померанцем «В поисках самого себя»:

«...Для него была живой легендой Оля Шатуновская, которая была всего на пару лет его постарше, но уже успела в 1916 году стать членом партии, поэтому была старой коммунисткой. Она, конечно, успела отбыть Колыму. Но Хрущев сделал ее членом партколлегии, занимавшейся реабилитацией, а потом она расследовала убийство Кирова. И в доме Зинаиды Александровны я с ней познакомился и подружился. Из ее рассказов я узнал, что председатель КГБ Шелепин дал ей по запросу комиссии Шверника справку об арестах с первого полугодия 1935 года и до первого полугодия 1941 года (справки делались по полугодиям). Цифра арестованных составила 19.870.000 человек».

Конечно же, не все арестованные были расстреляны, но, несомненно, вернулась лишь малая часть. Всего лишь один эпизод, рассказанный Михаилом Блехманом в дневниковых записях:

«В 1958 году мы снимали документальный фильм на Полюсе холода в Оймяконе (Якутия). Из Оймякона нам нужно было добраться до оз. Лабынкыр. Это 5-6 дней пути на оленьих упряжках. Время было зимнее, и в иные дни мороз достигал – 63-65° С. Так или иначе, загрузившись в Оймяконе продуктами, мы отправились в путь. Нам предстояло пересечь «зимник» – дорогу

Магадан-Хан-дыга. И тут наш кортеж из 11 оленьих упряжек остановился. Я спросил у проводника, пожилого якута Михаила Яковлевича Слепцова:

– В чем дело? Почему стоим?

– Постоим надо, Михаил, – ответил Слепцов и, сняв беличью шапку, продолжил, – в 37-38 году я молодой был, олень гонял, белка стрелял, горностаи ловил, домой ходил. По этой дороге гнали этап заключенных. Много сотни человек. Охрана тепло, в валенках, полушубках, собаки. А этап – кто в чем одет. Время было позднее, однако, скоро темно будет, зима, холодно. Куда гонят? А тут начальник крикнул: «Привал!» Зажгли костры... а утром сельсовет позвал народ, привел сюда, велел собрать замерзших и сложить вдоль дороги, засыпать снегом, летом закопать будем. Так что эта дорога, Михаил, вся на костях этапов».

А вот рассказ Юрия Дмитриева о том, как был уничтожен Соловецкий этап – 1111 человек:

– Их привезли этапом из Соловков на трех баржах в Кемь, затем в Медгору. В Медгоре держали в теперешней экзотической больнице – там был третий лагпункт. Оттуда вывозили на машинах к месту расстрела в урочище Сандармох. Их раздели до белья, каждый получил деревянной колотушкой по голове, чтобы не сопротивлялся, повязали руки, ноги, побросали в машину и тот путь, который сейчас проезжают за минут двадцать, они проделали за полтора – два часа. Это в ноябре месяце, уже были заморозки, возили их ночью. Их накрывали брезентом, сверху садился надзорсостав, у которого была металлическая трость с припаянным на конце молотком, которым били тех, кто шевелился, или подавал голос, так что бежать, сами понимаете... Среди них были и совсем больные люди, которые просто кричали от боли, так их просто удавили полотенцем. Эта информация из уголовного дела на товарища Матвеева, капитана госбезопасности, который руководил этой операцией, лично их расстреливал. Это известный товарищ. Его судили в 39 или 40 году. Как положено: в 39 убивали того, кто выполнял «грязную работу» в 38; в 40 – кто в 39 и т.д. (О Соловецком этапе

написано в «Ленинградском мартирологе», том 6.) В Сандармохе, предположительно, расстреляно от 7 до 9 тысяч человек.

Юрий Дмитриев – Президент Академии социально-правовой защиты, член Республиканской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. Но дело не в должностях, а в делах, которые Юрий самоотверженно творит. Он нашел и раскопал места расстрельных захоронений в карьере Сулажгорского кирпичного завода, в Бесовце на месте нынешнего гарнизона, в Красном бору под Петрозаводском, в Кеми, в Пудоже, в поисках захоронений прошел пешком по обеим сторонам Беломоро-Балтийского канала.

Все сказанное уместилось в несколько строк, а для того, чтобы «найти и раскопать» сколько надо перерыть документов в архивах, порой закрытых, опросить местных жителей, сделать пробные раскопки почти вслепую без специальной аппаратуры. И все это в лесах, вдалеке от людей... Это Юрий Дмитриев предложил установить в Сандармохе памятники убитым там всех национальностей и конфессий, чтобы можно было прийти и почтить память, прочитав молитву на их родном языке. И там уже установлены памятники и памятные знаки православным, католикам, мусульманам, литовцам, украинцам, полякам, евреям. Уже который год 5 августа в Сандармох приезжают люди самых разных национальностей, из разных стран. Всех объединяет трагедия, которая произошла в этом страшном месте, трагедия, сотворённая людьми против людей. И начинает появляться осознание, что у беды нет национальности, что каждый может попасть под эти жернова, если будут закрывать глаза на творящееся зло, если позволить злу торжествовать. Как сказал англо-ирландский политический деятель Эдмунд Бёрк: «Для

торжества зла достаточно, чтобы достойные люди бездействовали». На церемонии открытия памятника евреям (пока документально установлены 193 имени), Юрий произнес слова на иврите. И именно по этому списку расстрелянных в Сандармохе евреев внук нашел место трагического конца своего некогда знаменитого деда.

Я получил письмо по электронной почте с просьбой попытаться узнать что-либо о Шкловском, погибшем в советском лагере где-то в Карелии в 37 году. Письмо подписано Кисиным Александром Вадимовичем, внуком Шкловского. Он пишет без особой надежды, но вдруг... Я почти машинально просматриваю списки убитых в Сандармохе и нахожу там фамилию Шкловского. Но мало ли Шкловских, тем более что в письме не сообщается о его имени и отчестве. Я пересылаю данные о Шкловском и сразу же получаю ответ: это он! Александр Кисин спрашивает, где этот Сандармох, как туда добраться и когда можно приехать. Через несколько дней я встречаю поезд из Москвы, провожаю Александра на автовокзал, и он едет в урочище Сандармох – место расстрела своего деда, которое он уже не надеялся когда-либо найти.

Вечером в офисе общины Александр Кисин рассказал о своем деде, других родственниках, о своей жизни. О том, что его бабушка, Двоя Шкловская, получила «свой» срок – пять лет мордовских лагерей, но выжила, вернулась. Рассказал о случае со своим отцом:

– Мой папа работал инженером-конструктором на мебельной фабрике в Москве на Ольховке, недалеко от Казанского вокзала. В 38 году за ним пришли. Сказали, чтобы он зашел в отдел кадров – там сидит товарищ... «Вадим Моисеевич, у нас есть к Вам дело. Давайте поедem с нами». Он покраснел, побелел, позеленел, говорит: «Можно я позвоню домой?» Отвечают: «Нет. Не надо звонить. Вечером будете дома. Поехали». Вышли на фабричный двор – из всех окон смотрят... Доехали до Лубянки, провели куду-то. Отец ни живой, ни мертвый. Ему говорят: «Вадим Моисеевич, у нас появилось очень много дел,

нам нужны ящички для каталожных карточек. Будьте любезны, обмерьте все, сделайте, что Вам нужно, и в течение недели изготовьте. Когда будет готово, позвоните нам». Когда отца привезли обратно на фабрику, на него смотрели, как на вернувшегося с того света.

Юрий Дмитриев рассказал о своей работе, о Соловецком этапе, как он по крупицам собирал эти списки, о том, что еще надо сделать. А сделать, оказалось, надо еще очень, очень много. «Опечатанный вагон» проехался по всей стране, оставив после себя ямы с человеческими костями, и они, как язвы проказы покрыли необъятные просторы нашей многострадальной родины. И там, в этих ямах, лежат и те, кто революцию делал, и те, кто революции не делал, кто революцию поддерживал, и кто революцию не поддерживал, и те, кому вообще было все это... И пока каждой закопанной кости не возвратится ее имя, не будет покоя стране, породившей и так долго терпевшей столь чудовищный режим. «Ибо кровь оскверняет страну, и стране не искупиться от крови, которая в ней пролита...» (Числа, 35:33)

2009

Услышать Шостаковича

(Эскиз к статье)

Наталии Деминой
с благодарностью

25 сентября исполняется 115 лет со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, великого русского композитора, единственного такого масштаба русского композитора XX века, вся жизнь которого прошла в России. Годы его жизни совпали с переломным моментом в истории России, когда страна искала новые пути своего развития, когда рушилось старое, а на смену пришло нечто, гораздо страшнее прежнего. Большевики, захватившие власть, установили режим, при котором все стороны жизни граждан, в том числе самые интимные, были подчинены государству. Государство создало тотальную систему слежки, доносов, воспитания и перевоспитания, ужасающую карательную систему. Все это губительным образом сказалось на всей жизни страны, но прежде всего, подорвало ее интеллектуальный потенциал. Государство диктовало что и как надо изучать, исследовать, сочинять и т.п. Целые направления науки объявлялись «антисоветскими», «буржуазными», не отвечающими интересам советских людей, что влекло за собой запрет на исследования в данной области, карательные меры по отношению к тем, кто думал иначе. В области художественного творчества существовали еще более жесткие ограничения. Действовала система тотального контроля за людьми творческого труда, за тем, что они создавали и даже о чем думали. При полной монополии государства над всеми видами издательской, исполнительской, любой созидательной деятельности достигался эффект усредненного стандарта, безликости творчества, творчества, направленного, в основном, на утверждение существующего порядка, на оправдание всего происходившего, на восхваление правящей верхушки и тех идей, которые она проповедовала. Лишь немногим удавалось противостоять этому, не поплатившись жизнью. Каждый устанавливал для себя границы компромисса со своей совестью и «красную черту», за которую

уже не перейдет. Все это необходимо учитывать, давая оценки жизненного и творческого пути тех, кому пришлось жить в это время и кто попадал в жернова, перемалывающие все живое.

Личность и творчество Шостаковича уже без малого сто лет привлекают к себе внимание во всем мире, причем как тех, кто принимает его творчество, так и тех, кто, порой весьма агрессивно, не приемлет не только творчество, но и его личность. Первая симфония, написанная в 1925 году и исполненная годом позже (дирижер Николай Малько), сразу же заявила о рождении яркого композитора. Симфония вошла в репертуар таких выдающихся дирижеров, как Бруно Вальтер, Отто Клемперер, Леопольд Стоковский, Артуро Тосканини. Опера «Леди Макбет Мценского уезда» (премьера в 1934 г.), шла одновременно в трех лучших театрах Советского Союза – ленинградском МАЛЕГОТе, в Большом театре и Музыкальном театре Немировича-Данченко в Москве и за рубежом – в нью-йоркской Метрополитен-опере, в Буэнос-Айресе, Цюрихе, Кливленде, Филадельфии, Любляне, Братиславе, Стокгольме, Копенгагене – случай совершенно беспрецедентный в истории мировой современной оперы. И вдруг – статья в газете «Правда» от 28 января 1936 года «Сумбур вместо музыки», разделившая жизнь и творчество Шостаковича на периоды до статьи и после.

В официальном некрологе, опубликованном только через четыре дня после смерти – очевидно власти не знали, что написать – говорилось: «Советская художественная культура, прогрессивное искусство мира понесли тяжелую, невозможную утрату (...) Верный сын Коммунистической партии, видный общественный и государственный деятель, художник-гражданин Д. Д. Шостакович всю свою жизнь посвятил развитию советской музыки, утверждению идеалов социалистического гуманизма и интернационализма, борьбе за мир и дружбу народов». Обычный шаблон тех лет. Когда в 1979 году в США на английском языке была опубликована книга Соломона Волкова «Свидетельство» (*Testimony: The Memoirs of Dmitri Shostakovich as Related to and Edited by Solomon Volkov*), она вызвала шок в Советском Союзе и поток писем, подписанных известными деятелями культуры и даже родственниками Шостаковича, в

которых поносили автора, обвиняя его в фальсификации, лжи, клевете и других смертных грехах – уж слишком непривычным было то, что со страниц этой книги рассказывал Дмитрий Дмитриевич о своем времени, жизни, творчестве, своем отношении к советской действительности. Это никак не соотносилось с образом «верного сына партии», певца «социалистического реализма». Но вот поменялось время, появились другие свидетели и стало понятно, что это и есть настоящее свидетельство, живой голос Шостаковича. И очень многое в его творчестве приобрело совсем другой смысл, поменялись акценты, иначе зазвучала его музыка, и фигура Дмитрия Дмитриевича Шостаковича предстала во всем своем трагизме и величии.

Шостакович скончался 9 августа 1975 года в 18 часов 30 минут в день и даже час, когда в осажденном Ленинграде в 1942 году исполнялась его великая Седьмая симфония – симфония победы духа над тьмой. Причем, вопреки распространенному устоявшемуся представлению, этой симфонией Шостакович протестует против насилия как такового, а не только против фашизма. Вот свидетельство Флоры Литвиновой (Ясиновской), опубликованное в 2008 году в книге «Очерки прошедших лет»: «...Естественно, опять заговорили о симфонии. И тогда Дмитрий Дмитриевич раздумчиво сказал: «Конечно, фашизм. Но музыка, настоящая музыка, никогда не бывает буквально привязана к теме. Фашизм – это не просто национал-социализм. Эта музыка о терроре, рабстве, несвободе духа». Позднее, когда Дмитрий Дмитриевич привык ко мне и стал доверять, он говорил прямо, что Седьмая, да и Пятая тоже – не только о фашизме, но и о нашем строе, вообще о любом тоталитаризме» (Флора Павловна Литвинова – жена Михаила Максимовича Литвинова, сына Максима Максимовича Литвинова, наркома по иностранным делам СССР с 1930 по май 1939 года. Он был снят со своего поста, как еврей, поскольку готовилось подписание договора, вошедшего в историю как Пакт Молотова-Риббентропа, положившего начало Второй мировой войне. Флора Литвинова познакомилась с семьей Шостаковичей в эвакуации в Куйбышеве, и дружба эта продолжалась до кончины Дмитрия Дмитриевича). Галина Уствольская, ученица Шостаковича по

консерватории, с которой у него одно время были близкие отношения, написала: «Как-то в 1939-40 году Шостакович, приехав ко мне, рассказал, что почти закончил Седьмую симфонию. Осталось дописать коду и кое-что поправить...». Подтверждает это и включение Седьмой симфонии в план концертного сезона Ленинградской филармонии на 1941-42 годы, обнародованный еще в весной 1941 года. Так же музыковед Людмила Михеева (жена сына ближайшего друга Шостаковича, Ивана Соллертинского) сообщила, что «тему нашествия» композитор играл своим ученикам по Ленинградской консерватории еще до начала войны с Германией.

Соломон Волков в своей книге приводит такие слова Шостаковича: «...А потом все страдания были списаны на войну, как будто только во время войны людей мучили и убивали. Так что в определенном смысле Седьмая и Восьмая – действительно «военные» симфонии. Это – хорошо укоренившаяся традиция. Когда я написал свой Восьмой квартет, его также вписали в графу «Обличение фашизма». Для этого надо быть слепым и глухим, ведь в квартете все ясно, как дважды два. Я цитирую «Леди Макбет», Первую и Пятую симфонии. Какое отношение к ним имеет фашизм? Восьмой квартет – автобиографический, он цитирует песню, известную каждому русскому, – «Замучен тяжелой неволей».

Восьмой квартет был написан в период с 12 по 14 июля 1960 года в Дрездене (единственное произведение Шостаковича, написанное за рубежом). Лейт-мотив всего квартета – D-S-C-H – музыкальная монограмма имени композитора. С самого начала, как зачин, зерно, из которого прорастает все сочинение, этот мотив, тема-автограф проходит через все произведение, принимая различные формы, меняя характер, но оставаясь узнаваемой, оставаясь собой! Это потрясающий по своей силе рассказ о себе, своем месте в прожитой жизни, своих исканиях истины, разочарованиях и – все же – победах, победах духа, победах, может быть, за других, за тех, кому не дано было выстоять, но перед кем Шостакович считал себя обязанным победить. Это определенный этап, итог, реквием по себе. Как выразился сам

Шостакович в письме другу Исааку Гликману: «Можно было бы на обложке так и написать: «Посвящается памяти автора этого квартета». Хотя официальное посвящение квартета – «Памяти жертв фашизма и войны». Этим посвящением Шостакович исключил для цензоров возможность запретить исполнение квартета по идеологическим соображениям. Там есть цитаты из его произведений, означивших этапы его творческого пути: Первой, Восьмой и Десятой симфоний, Фортепианного трио, Виолончельного концерта, оперы «Леди Макбет Мценского уезда» и тема песни «Замучен тяжелой неволей», которой предшествует музыка, написанная для кинофильма «Молодая гвардия», – сцены казни молодогвардейцев. Такие автоцитаты показывают, что этим квартетом Шостакович подводит своеобразный итог своему творчеству, а поскольку он не мыслит себя вне творчества, значит это – итог жизни. Сам Шостакович высоко ценил это произведение. (Чуть позже Рудольф Баршай, по согласованию с автором, переложил квартет для камерного оркестра. Исполняется как Камерная симфония, соч. 110а). Абель Старцев в «Независимой газете» (11 июня 1999 г.) приводит следующие слова Шостаковича: «Где вы поставите могильные памятники Мейерхольду и Тухачевскому? (...) Только музыке это по силам (...) Большинство из моих симфоний – это надгробные плиты». Может быть, это был и ответ затравленного человека властям на навязчивое «предложение» о вступлении в партию? Сын Шостаковича Максим свидетельствует, что видел отца плачущим только два раза: когда хоронили маму и когда его «приняли» в партию (фактически, заставили вступить). Недаром осенью этого же года Шостакович скажет своему другу, пришедшему навестить его в больницу, где он лечил сломанную ногу: «Меня, наверное, Бог наказал за мои прегрешения, например, за вступление в партию».

В. Зак в своей книге «Шостакович и евреи?» приводит интересный разговор с Вячеславом Молотовым, бывшим министром иностранных дел СССР, подписавшим договор с фашистской Германией, вошедшим в историю как «Пакт Молотова – Риббентропа», и уже удалившимся от дел, однажды, когда в неформальной обстановке зашел разговор о творчестве Шостаковича, спросил:

– А как обстоит дело с народными песнями у Шостаковича?
– Вся симфония «1905 год» на цитатах русских революционных песен!..

– Это специальная задача, – возразил Молотов, – 1905 год – одно, а наше время – совсем другое...

– Восьмой квартет Шостаковича, – сказал я как можно сдержаннее, – не «1905 год», но там тоже есть народная песня «Замучен тяжелой неволей».

– Вот именно! -- воскликнул Молотов, и его статичная фигура вдруг оживилась – замучен тяжелой неволей – это содержание всех симфоний Шостаковича, всей его музыки! Непонятно только, *кто* замучен и *кем* замучен? (Молотов акцентировал «кто» и «кем».)

Ему не откажешь в пронизательности!

Еще интересный момент: в кульминации второй части буквально врывается тема, сообщая какую-то очень важную для автора информацию. Это – еврейская надрывная тема, уже использованная в Фортепианном трио. Здесь, в этом контексте, она обозначена еще ярче, чем в Трио, эмоционально сильнее. Вырастая из мотива D-S-C-H, она несет в себе ее зерно, дополняет ее, ведет с ней диалог и возвращается обратно, тем самым как бы замыкая круг. Эта цитата в таком знаковом для Шостаковича произведении доказывает неслучайность еврейской темы, как таковой, не только в его творчестве, но и в жизни. Это одно из самых сокровенных творений Художника, его кредо, завещание, послание потомкам. (см. Д. Цвибель «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича», Петрозаводск, изд. ПИИ, 2004)

В Израиле в г. Бней-Аиш в 2009 году открыт монумент с именами выдающихся гуманистов неевреев – борцов против антисемитизма:

Виктор Некрасов 1911–1987
Андрей Сахаров 1921–1989
Владимир Короленко 1853–1921
Борис Чичибабин 1923–1994
Анатолий Кузнецов 1929–1979

Рауль Валленберг 1912–1947(?)
Дмитрий Шостакович 1906–1975
Оскар Шиндлер 1908–1974
Эмиль Золя 1840–1902

В оценке личности Шостаковича важно понимать, что в большинстве случаев нельзя ссылаться на то, что публично сказал или написал сам Шостакович – в стране «победившего социализма», как тогда выражались, все знали, что можно говорить, а чего нельзя – тогда жили, как определил это время Евгений Евтушенко, «при дворе торжествующей лжи».

Еще одна цитата из книги Соломона Волкова: «...Чаще всего глупые вопросы задают мне, когда я выезжаю за границу. Это одна из главных причин, по которой я не люблю ездить. Может быть, главная. Любой наглый приставала может сказать тебе все, что взбредет в голову. И спросить обо всем <...> Каждый из таких наглецов хочет, чтоб я «смело» ответил на его дурацкие вопросы <...> А почему я должен им отвечать? Кто они такие? Почему я должен ставить под удар свою жизнь? И это – для удовлетворения праздного любопытства человека, которому на меня наплевать? Он вчера обо мне ничего не слышал, а завтра забудет мое имя. Какое право он имеет на мою откровенность? На мое доверие? Я ничего о нем не знаю. И я ведь не пристаю к нему с вопросами, правда? Хотя он-то мог бы ответить на любой мой вопрос без всякого риска для своей персоны. Все это возмутительно и оскорбительно. Самое главное – такие оскорбления стали делом обыденным. И никто не задумывается, как все это нелепо. Обо мне судят на основе того, что я сказал или не сказал мистеру Смиту или Джонсу. Разве это не нелепость? Газетные статьи должны служить оценке их авторов. Пускай по ним судят о мистере Смите и Джонсе. А у меня есть музыка. И довольно много музыки. Обо мне пусть судят по моей музыке. Я не намерен ее комментировать».

Сказано достаточно жестко, но очень точно отражает положение вещей.

В этом свете можно совершенно иначе воспринимать и «Праздничную увертюру», написанную Шостаковичем в 1947 году к 30-той годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции (так тогда называли октябрьский переворот 1917 года, сокращенно – ВОСР), но исполненную лишь в 1954 году, и ставшую официальным гимном всех советских праздников. Вначале звучат торжественные фанфары. Но они заимствованы из «несерьезной» детской пьески для фортепиано «День рождения», написанной для дочери! После вступительных фанфар звучит наигрыш кларнета в быстром, торопливом темпе-скороговорке. Много позже Шостакович создает на текст Евгения Евтушенко симфоническую поэму «Казнь Степана Разина». И в ней есть эпизод, когда народу приказывают веселиться: «Что, народ, стоишь, не празднуя? Шапки в небо – и пляши!» В оркестре звучит сольный одинокий, словно сорвавшийся с места, наигрыш кларнета-рожка (Cl-piccolo, ob., cl.) в сопровождении тамбурина. Этот наигрыш «натужно-веселый», суетливый, зазывающий «плясать», не найдя никакой поддержки, так и повисает в воздухе, затихает, «захлебывается» и исчезает так же неожиданно, как и появился. Эти два наигрыша очень похожи – интересная многозначительная параллель, – и ретроспективно можно сказать, что идея одна и та же – искусственное натужное веселье.

Есть еще одно произведение Дмитрия Шостаковича, которое может поставить точку в вопросе об отношении композитора к советскому строю – это «Антиформалистический раёк» – одноактная сатирическая кантата или мини-опера, посвященная собранию музыкальных деятелей, направленному на осуждение буржуазного формализма в музыке для четырех басов, чтеца, хора и фортепиано. И музыка, и текст написаны Шостаковичем. Создавалась с 1948 по 1968 год, причем Шостакович записывал ее небольшими отрывками и не полностью, чтобы в случае обнаружения, не было понятно, что это такое. Он понимал, что ему грозит. Впервые на сцене «Раёк» был исполнен в Вашингтоне в 1989 году.

Дело в том, что в 1948 году Шостакович подвергся шельмованию за «формализм» в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10

февраля 1948 года «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». В январе было организовано трехдневное совещание московских композиторов, где «выявляли композиторов-формалистов», среди которых оказались Шостакович, Прокофьев, Мясковский, Хачатурян, Попов, Кабалевский, Шебалин, причем композиторов заставляли публично каяться в своих «заблуждениях». Самым агрессивным «разоблачителем» оказался композитор В. Захаров: «...Я считаю, что, с точки зрения народа, Восьмая симфония Шостаковича – это вообще не музыкальное произведение, это «произведение», которое к музыкальному искусству не имеет никакого отношения»; «...в Ленинграде, когда люди умирали на заводах, около станков, эти люди просили завести им пластинки с народными песнями, а не с Седьмой симфонией Шостаковича». По всей стране организовывались собрания и конференции на заводах, фабриках и т.п., и их участники с большим возмущением клеймили позором Шостаковича, Прокофьева и других «формалистов». Этот период получил негласное название «ждановщина». Много лет спустя сын Шостаковича Максим вспоминал: «...мне было тогда 10 лет. В 1948 году, когда после речи Жданова травили отца, в музыкальной школе на экзамене меня заставляли его ругать».

Осенью 1948 года Шостаковича лишили звания профессора Московской и Ленинградской консерваторий, причем узнал он об этом придя в Ленинградскую консерваторию и прочитав на доске объявлений, что он уволен за «низкий профессиональный уровень»! А в Московской консерватории ему просто не выдали на проходной ключи от аудитории! По свидетельству Матвея Блантера (портрет которого, кстати, висел в рабочем кабинете Шостаковича рядом с портретом Бетховена), были моменты, когда Шостаковичу не на что было кормить детей, и тот давал ему взаймы. Много позже стало известно, что именно в это время он начал писать «Антиформалистический раёк» – уничижительную пародию на своих палачей.

На титульном листе этого удивительного произведения значится:

БОРЬБА РЕАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В МУЗЫКЕ С ФОРМАЛИСТИЧЕСКИМ НАПРАВЛЕНИЕМ В МУЗЫКЕ

Слова и музыка неизвестных авторов*

Далее следует большое предисловие о находке этой рукописи в ящике с нечистотами кандидатом изящных наук П.И. Опостыловым. Среди прочего он сообщает:

«...Особенно убедительно композитор излагает наиболее значительные мысли текста. Где идет речь о мелодичности, музыка мелодична (см. 19). Где речь идет об изящности – музыка изящна (см.17). Именно **так** и только **так** должны сливаться музыка и текст. А если это не **так**, а это именно **так**, то следует указать, что композитору удалось это сделать **так**. Все это обрамлено музыкой, в которой чувствуется русское начало (см. начало и 33). Это свидетельствует о том, что автор признает ведущее значение русской музыки (выделено везде Опостыловым...)». В конце «исследования» следует «От издательства»:

«Здесь рукопись П.И. Опостылова прерывается. Некоторое время тому назад тов. Опостылов, борясь, согласно вдохновляющим указаниям, направо и налево, утратил равновесие и упал в ящик с нечистотами...

Врач-ассенизатор Убийцев сказал, что подобные случаи бывают. Он сказал: «Если человек вроде Опостылова попадает в ящик с нечистотами, то он как бы растворяется в нечистотах и определить, что является калом, а что Опостыловым, в настоящее время не представляется возможным», что и было зафиксировано в акте милиции и ассенизационного обоза...»

В лице П.И. Опостылова выведен П.И. Апостолов, работник аппарата ЦК КПСС с 1949 года, долгие годы «управлявший» искусством. Апостолов умер в 1969 году, на генеральной репетиции Четырнадцатой симфонии Шостаковича, симфонии о «всевластной смерти»!

*Как сообщает Отдел Музыкальной Безопасности, авторы разыскиваются. О.М.Б. заверяет, что они будут разысканы. (Издательство)

В музыкальной части произведения действуют И.С. Единицын (Сталин), А.А. Двойкин (Жданов), Д.Т. Тройкин (Шеппилов). Текст представляет собой либо прямые цитаты из их выступлений, либо аллюзии на них. В музыке так же присутствуют «Лезгинка», «Калинка», «Сулико», «Камаринская». Заканчивается все это действие словами:

*Ну, а если буржуазные идеи кто-нибудь воспримет,
Надолго тех будем мы сажать
И в лагеря усиленного режима помещать.*

– Сажать и в лагеря всех* направлять, – подтверждает хор.

В сноске примечание редакции: имеется в виду «всех», поддавшихся влиянию буржуазной идеологии. Всех высылать в лагерь было бы ошибкой: надо, ведь, чтобы остался кто-то для беспощадной борьбы с любыми попытками проникновенья буржуазной идеологии.

*Великий вождь нас всех учил
И постоянно говорил:
«Смотрите здесь, смотрите там,
Пусть будет страшно всем врагам».
Смотри туда, смотри сюда
И выкорчевывай врага!*

И апофеозом – безудержный канкан из «Корневильских колоколов» Р. Планкета.

Все выше сказанное может говорить о том, что в некоторых случаях при прослушивании музыки Дмитрия Дмитриевича Шостаковича необходимо не только слушать, но и услышать ее, сопоставив даты ее написания с тем, что происходило вокруг, и на этом пути, как мне представляется, возможны интересные открытия.

Мой еврейский вопрос

Зима 1953. В только что открытой новой школе № 25, куда нас, первоклашек, перевели из школы № 3, перемена. Шум, гам, куча-мала. Я стою в стороне. С вершины этой кучи скатывается мой одноклассник, ударяется лбом о батарею и рассекает бровь. Показалась кровь. Страшно. Я подбегаю, помогаю ему подняться, чтобы отвести в медкабинет. Вдруг сзади меня кто-то сильно хватает за руку и тащит за собой. Это – моя первая учительница Варвара Ивановна, которую я очень люблю. У нее перекошенное злобой лицо:

– Бандит! Негодяй! Убирайся домой, и без родителей не появляйся! Я не позволю тут, чтобы всякие цвибеля разбивали головы советским детям!

Я не плачу только оттого, что не в состоянии осознать услышанное. Причем тут я? Какие это «всякие цвибеля»? А я разве не советский ребенок?

На следующий день пришел в школу с папой. Он спокойный, но только очень собранный и бледный. Мы остановились возле дверей учительской, в которой было довольно шумно перед началом уроков. Папа, оставив меня ждать, вошел внутрь. За дверями наступила тишина. Пробыл он там, наверное, меньше минуты. Вышел, поцеловал меня и сказал, чтобы я шел в класс и ничего не боялся. После звонка в класс вошла Варвара Ивановна с нервным румянцем на лице, и весь урок была какая-то сама в себе.

Я проучился у нее 4 года. Никогда никаких конфликтов с ней больше не было. Много, много лет спустя мы встретились на набережной у озера, где она гуляла с внуком. Она расспросила о моей жизни, работе, спросила, отчего умер папа.

– Папа у тебя был святой!

Мы еще несколько раз встречались, но я так и не осмелился спросить, что тогда сказал папа в учительской. Это так и осталось загадкой.

(Когда папа умер, я попросил в городской библиотеке, где он был активным читателем со дня ее открытия после войны, переписать на себя его читательский номер 369, по которому и получал книги. Библиотекарь Фаня Цукарева до сих пор, спустя более тридцати лет, часто вспоминает об этом).

Когда пришло время менять паспорт – его меняли по достижении 21 года – я решил исправить в нем «пятый пункт» (я был записан русским). Пошел в Министерство Внутренних Дел. Получил пропуск к начальнику, очевидно, паспортного стола. Он оказался грузным, мрачноватым человеком, и что меня почему-то удивило, был не в милицейской, а в военной форме. Я сказал, что хочу при обмене паспорта изменить национальность. Он неторопливо развернулся на стуле, выдвинул картотеку, нашел карточку, внимательно прочитал ее, как мне показалось, даже дважды, и непонимающе произнес:

– Да у Вас тут все в порядке.

Я ответил, что хочу, чтобы там было написано «еврей».

То, что произошло после этих слов, я не в состоянии описать. Он побагровел, даже руки стали красными, как-то расширился и когда встал, казалось, заполнил собой весь кабинет, нагнулся надо мной и буквально прокричал:

– Уходи! Родители знали, что писать! Пусть придут сами!

Я не помню, как оказался на улице. Но, все же, отправился на консультацию к юристу. На табличке было написано: Виулена Арнольдовна Горная. Подходяще. Объяснил ситуацию. Виулена Арнольдовна спокойно разъяснила, что по закону, когда первый раз выдается паспорт, у кого родители разных национальностей, можно выбрать любую. Но менять – это сложный процесс, кроме того, могут возникнуть политические осложнения: с чего это вдруг молодой человек, живущий в стране, строящей коммунизм, сформировавшей нового советского человека, поднимает еврейский вопрос?

– Молодой человек, зачем Вам это нужно? – она сняла очки и посмотрела своими печальными глазами куда-то внутрь меня, – Какая разница, что написано в какой-то бумажке? Для себя будьте, кем хотите. Вам ведь еще жить жизнь, а она неизвестно, что преподнесет. (Недавно я спросил Виулену Арнольдовну об этом случае, но она его не запомнила).

И, все же, когда на меня заполняли анкету при приеме на работу в театр, я попросил, чтобы там было записано «еврей».

– Конечно, папа же у тебя еврей, – и секретарь спокойно заполнила так много значащую в Советском Союзе пятую графу. (Тогда даже ходил анекдот: – Почему тебя не выпускают за границу? (или: не принимают в ВУЗ) – У меня пять с плюсом).

Кстати, о ВУЗе. Когда я поступал в Ленинградскую консерваторию (в 1963 году), и очень успешно сдал специальность, что означало практически стопроцентное поступление, одна из абитуриенток, окончившая музыкальное училище с «красным» дипломом, по специальности получила двойку. Ее мать, которая приехала вместе с ней, кричала на всю консерваторию, что здесь сплошные евреи, и принимают только евреев, всяких цвибелей, хумеков, каганов, рабиновичей... Ректор консерватории Павел Серебряков вынужден был собрать специальную комиссию, и ее экзаменовали заново, но результат оказался тот же. Мамаша пообещала написать в ЦК. Но, поскольку у них была украинская фамилия, им посоветовали ехать в Киевскую консерваторию, и конфликт был исчерпан. Я не знаю, как с «каганами и рабиновичами», а вот с Хумеком и Цвибелем дело закончилось не так благополучно: в приемную комиссию консерватории поступило письмо (оно просто опоздало к началу экзаменов) из Карельского обкома комсомола, где, как нам сообщили, не показав письма, было написано, что таким, как Александр Хумек и Дмитрий Цвибель не место в советском высшем учебном заведении. Нам вернули документы и попросили больше не беспокоить консерваторию своим присутствием. По иронии судьбы, когда через несколько лет семья Хумеков уехала в Америку, в их квартире поселился Шарапов – тот самый, который и подписал это письмо.

Я работал в Музыкальном театре, писал музыку. Выдающийся композитор Гельмер Синисало не видел, кто бы мог стать после него национальным карельским композитором, и предложил заниматься со мной, чтобы я продолжил его дело. (Он хорошо ко мне относился из-за папы, с которым был знаком еще с войны, и которого высоко ценил и как человека, и как музыканта. Гельмер Несторович любил вспоминать, как папа, увидев его каллиграфически написанные партитуры, сказал, что настоящие композиторы так не пишут, и поэтому композитор из него не получится. Но папа всегда с удовольствием признавал свою ошибку).

– Гельмер Несторович, ну, представьте: карельский композитор Дмитрий Цвибель!

– М... да... Правда, Рувим Пергамент, Леопольд Теплицкий или Абрам Голланд не лучше. Но все равно – пиши.

Я и писал. Для национального ансамбля «Кантеле»: вокальные произведения «Калевальскую свадебную», «Дедушка-дедок», «Мужик, баба, да пожар»; для Музыкального театра – музыку к хореографическим миниатюрам «Карельский эскиз», «Айно»... Это исполнялось, и музыка воспринималась как вполне карельская, а я получал даже авторские гонорары.

Но писал и другое. На одном из правительственных концертах, посвященном Дню Победы, прозвучала моя песня-плакат «Помните, люди!» с такими словами:

*В пылающем гетто, за миг до конца,
у рва, что к возмездю взывает,
кудряш пятилетний спросил у отца:
– А больно, когда убивают?..*

Как удалось режиссеру концерта Семену Карпу убедить партийные комиссии пропустить на сцену такое в то время, не знаю. Может быть потому, что автор стихов – финский поэт Тайсто Сумманен?

Зато в другой раз

Я написал специально для правительственного концерта песню «Партии» на слова Владимира Морозов для мужского вокального ансамбля с оркестром с таким рефреном: «Я благодарен, партия, тебе!» Была такая форма: выходили на сцену, одетые во фракы солисты, и горланили славословие партии («Фрачное по форме, ср... по содержанию»). Ну, я думал, под это дело и проскочит. Когда я показал песню режиссеру, который делал концерт, он был в шоке, зная мое отношение ко всему этому. Несколько раз мы встречались, он слушал и все выспрашивал, почему я вдруг написал такое. Что-то он почувствовал, в конце концов, не взял. И оказался прав!

На самом деле, в мотив этого рефрена я заложил музыкальное ругательство, а чтобы это не показалось случайным, тромбоны в унисон контрапунктом раструбами кверху возвещали мое Credo: до-ре-ми-до-ре--до!!! В клавирном варианте это было закамуфлировано, но в оркестре – все, как надо! Конечно, на первой же оркестровой репетиции музыканты все поняли бы, но я надеялся, что меня не выдали б, а уж после исполнения... Скандал мог быть просто грандиозным!

Когда в 1991 году в Петрозаводске образовалось общество «Шалом», Герш Майрович Пукач, директор-распорядитель нашего театра, бывший член молодежной сионистской организации «Бейтар» («Союз имени Иосифа Трумпельдора»), предложил мне стать его членом, и я активно включился в работу. Это было как раз накануне первого празднования РОШ ha-ШАНА, которое взбудоражило еврейский мир Петрозаводска. Впервые за много лет евреи открыто, с афишами, не скрывая радости, отмечали свой праздник. Прекрасно организованный концерт (по моему предложению пригласили режиссера Семена Карпа, которого я хорошо знал), переполненный зал Финского театра, шведский ансамбль, вдохновенно исполнявший еврейские шлягеры, известные петрозаводские музыканты, клезмерский ансамбль Бориса Портного, искреннее выступление мэра Петрозаводска Сергея Катанандова, произнесшего свои истори-

ческие слова: – Евреи, не уезжайте! Петрозаводск не самое плохое для вас место на земле! – все это создавало неповторимое чувство причастности к событию, определившему всю дальнейшую еврейскую жизнь города, и мою, в частности.

Я стал посещать заседания правления общества «Шалом», учиться в воскресной школе. Чуть позже стал координатором Комитета по репатриации, координатором Сохнута, заместителем председателя общества «Шалом», директором воскресной школы, ездил на всевозможные семинары, открывая для себя мир еврейства.

И вот – семинар в Израиле. Я иду к Стене. Очень осторожно прикасаюсь пальцами. Целую камни... И тут со мной происходит необъяснимое: меня просто душат рыдания, трясет, я не могу остановиться. В голове мелькают отрывки мыслей: почему я здесь? Миллионы и миллионы евреев мечтали об этом, но им не дано было прийти сюда, за что удостоился я? Почему не мой папа? Почему не тысячи и тысячи праведников? Кто сможет исчислить всех, прошедших земную жизнь в изгнании для того, чтобы я стоял здесь? Сколько поколений в разных концах земного шара, умирая и произнося последнее *שמע ישראל* мысленно обращались именно к этому месту?..

Кто-то ко мне подходил, пытаясь успокоить, кто-то продолжал молиться. Подошел хаббадник, попросил деньги на цдаку. Я отдал последние пять шекелей, оставленных на автобус, и в гостиницу добирался пешком.

Много позже, когда судьба вновь преподнесла мне подарок – учебу в Иерусалимском университете по программе «Мелтон» – из окна квартиры, где я жил, была видна Храмовая гора, и я молился, глядя на нее. А по субботам ходил молиться к Котелю – это всего около часа ходьбы от дома.

А до этого произошло событие, которое изменило мою жизнь. Речь идет о даровании Свитка Торы нашей общине. (Эта история еще требует особого рассказа).

18 июля 1996 года в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга мне был передан Свиток Торы. Я впервые в синагоге, впервые прижимаю к груди Свиток Торы, впервые выступаю с речью перед собравшимися на этот необычный праздник. И вот тогда в синагоге, обнимая Свиток, переполненный необъяснимыми чувствами, я физически ощутил связь со своим народом, своими корнями, теряющимися в глубине веков. Внутри у меня что-то произошло. Я стою у бимы лицом к залу, и не знаю, как начать. И вдруг откуда-то из глубины вырвалось: **נס גדל היה פה!** (Чудо великое свершилось здесь!) Дальше уже пошло легко... Затем переезд в Петрозаводск, первая служба в помещении Шалом, первое чтение Свитка Торы. А затем – становление религиозной общины, которой в этом году исполняется десять лет. И сейчас уже можно сказать – община состоялась!

В этот период для того, чтобы освоить какие-то азы ведения службы, получить элементарные понятия о структуре молитвы, ее смысле, меня пригласили в ешиву Санкт-Петербурга на десять дней. В общежитии молодые ешиботники встретили меня слегка настороженно – слишком уж большая у нас была разница в возрасте. Зная, что теперь необходимо соблюдать кашрут, я взял с собой только хлеб и килограмм сыра. Когда на кухне я достал сыр, ребята, боясь, что я его положу на стол, схватили меня за руку, и сказали, что сыр некашерный.

– Ну, и что мне с ним делать?

– Выбросить.

Я вышел во двор, и мусорный бак пополнился отличным свежим сыром, надеюсь, хоть, на радость местным мышам. Мой поступок оценили (не мыши, а ешиботники), и на протяжении моей учебы у нас установились дружеские отношения.

Придя в ешиву, которая располагалась в синагоге, я увидел на стене известный портрет Седьмого любавичского ребе и надпись «Вот – Машиах!» Мне это показалось уж слишком, и я высказал свое мнение на этот счет ребу Хаиму Толочинско-

му, ректору ешивы. Он спокойно ответил, что мне необходимо много учиться для того, чтобы судить об этом. Я не обиделся и сел за стол. Педагогом моим оказался Шмуэль Соминский, талантливый молодой ребе, которому я бесконечно благодарен за полученные знания, за участие.

В перерыве мы вышли на лестничную клетку, разговорились. Оказалось, что сегодня приезжает из Москвы известный мозель для того, чтобы провести обряд брит мила, недавно родившемуся младенцу, на который собирается почти весь еврейский Петербург.

– А можно и мне заодно сделать брит милу? – спросил я.

Шмуэль закашлялся дымом сигареты, удивленно посмотрел на меня, потом радостно воскликнул:

– Конечно! Вот здорово! В моей практике не было, чтоб в таком возрасте!.. Да мы закатим грандиозный праздник!

Он убежал в класс, затем вернулся и спросил, как зовут мою маму.

– Тамара.

– Так Вы...

– Как бы, и не еврей. Но для этого я и хочу...

– Нет, так сразу нельзя, надо пройти гиюр, – он сник, мне его даже стало жалко.

Мой праздник не состоялся.

На одном из семинаров в институте Адина Штейнзальца в Москве, участие в которых считаю за великую честь, оказанную мне, выделялся весьма колоритный молодой раввин из Одессы по имени Велвл. Весь его облик напоминал карикатуру со страницы какой-нибудь советской газеты, клеймящей сионистов, хотя он был общительным, и даже по-своему обаятельным. Он громогласно заявлял, что настоящих евреев сейчас нет, они

остались только в Одессе, да и то только в его синагоге. На соседней улице евреи уже не те. В Киеве, правда, есть еще горстка, которую можно назвать евреями, но дальше – уже тьма. Про Москву и говорить нечего! Когда ему сказали, что здесь собрались евреи со всего бывшего Союза, он стал подходить к каждому и выяснять, кто откуда, и почему они считают себя евреями. Подошел и ко мне. Когда я пытался объяснить, что Петрозаводск находится севернее Петербурга, он протянул:

– Сееевернее?! – неопределенно, куда-то в сторону махнул рукой и отошел на полуслове.

Надо было начинать субботнюю службу, и раввины обсуждали, кого первым вызвать к Торе. Традиционно сначала приглашают коhenов, которых, обычно, в зале нет, затем левитов, с которыми тоже проблема, а затем самого уважаемого из присутствующих, или кого хотят отметить. Рав Штейнзальц предложил вызвать американца, который спонсировал этот семинар.

– Американца?! – Велвл замахал руками, и казалось, что их у него очень много, – да это еще хуже, чем Петрозаводск!!!

(Может быть, он не так уж и не прав.

Дело в том, что когда в Петрозаводск приезжала моя дочь, жившая в то время в Израиле, где прошла гиюр, она посещала нашу синагогу. После каждого посещения она ругала меня, говорила, что то не так, это не так, и вообще... Затем она уехала в Штаты. Через некоторое время звонит:

– Папочка, извини, все свои слова, сказанные в адрес твоей синагоги, я беру обратно. Да твоя синагога – это Храм! И не Первый или Второй, а уже Третий в сравнении с американскими!..)

Но ситуация разрешилась самым неожиданным образом. Когда дошли до чтения Торы, габай спросил, есть ли здесь коhenы, и по привычке, не останавливаясь, уже хотел спросить о

левитах, как раздалось тихое «есть». От неожиданности все вздрогнули и посмотрели в сторону рыжеватого невысокого совсем еще молодого человека, бедно одетого, на которого на семинаре до этого не обращали внимания.

– Вы точно знаете, что происходите из рода коленов?

– Да. Это – семейная традиция.

Его пригласили к Торе, он прочитал благословение, взял из рук опешившего бааль коре (читающего Тору) указку и стал читать сам. Да как читать! Все раввины сгрудились у бимы.

На киддуше он уже сидел во главе стола, рядом с раввом Штейнзальцем, который сам накладывал ему на тарелку. Концепция Велвла потерпела крах, но он сиял от счастья.

Однажды, перебирая бумаги синагоги, эскизы оборудования синагоги: Арон Кодеша, бимы, книжных и навесных шкафов – все это изготавливалось в Петрозаводске, я с удивлением обратил внимание на один из них. Это эскиз Скрижалей Завета для дверей Арон Кодеша. Дело в том, что все эскизы перед сдачей в производство должны быть подписаны заказчиком, чтобы исключить в дальнейшем недоразумения в случае неточного выполнения. И вот на эскизе Скрижалей Завета, на которых вырезаны Десять Заповедей, написанных Вс-вышним, да будет Имя Его благословенно, и врученных Моисею на горе Синай, тех Заповедей, которые стали этической основой современной западной цивилизации, которые звучат во всех уголках мира на всех возможных языках, внизу под ними размашисто написано:

ТЕКСТ СОГЛАСОВАН.

Цвибель

2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГОРЬКИЙ ДЫМ ХОЛОКОСТА

Горький дым Холокоста	3
Память о Холокосте в СССР и в постсоветское время	14
Евреи Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви.....	29

СУДЬБЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Гарри Лак	42
Меер Фишман.....	50
Савелий Хенкин.....	58
Нисон-Борух Клейн	66
Ефим Левин.....	74
Семен Бекенштейн	81

МОЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Быть или не быть евреем	90
Рош ha-Шана 67-го и ничего еврейского.....	94
Мое «самолетное дело»	100
Андрей Дмитриевич	107
Август 91-го	119
Соколы Жириновского	130
Долг памяти нашей	139
Под колесами опломбированного вагона.....	147
Услышать Шостаковича	160
Мой еврейский вопрос.....	171

Для заметок

Для заметок

Дмитрий ЦВИБЕЛЬ

Мой еврейский вопрос

Верстка, дизайн: А Победин

Бумага офсетная. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Тираж 120 экз.

Отпечатано в «Издательский дом ПИН», ИП Марков Н.А.
г. Петрозаводск, ул. Балтийская 5б, тел. (814 2) 56-26-73
www.pinptz.ru